

**МЕЖИНСТИТУТСКИЙ ЦЕНТР
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН
И ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО ГОСУДАРСТ-
ВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Е.Ф. ТЮЛЮЛЮКИН

**РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ
В ИСТОРИИ ОРЕНБУРЖЬЯ
(конец XIX – XX вв.)**

*Серия:
«Этнорегиональные исследования»
Выпуск 2*

Оренбург - 2006

ББК 63.3 (2 Рос – 4 Ор)

УДК 9 (с 17)

Т 98

Научный редактор: доктор исторических наук, профессор В.В. Амелин

Рецензент: доктор исторических наук, профессор В.Г. Чеботарева

Серия: «Этнорегиональные исследования», выпуск 2

Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX вв.) – Оренбург: Пресса, 2006 – 194 с.

ISBN

Книга посвящена истории немецких и меннонитских колоний на территории Оренбургской области с начала заселения в конце XIX века и вплоть до массовой эмиграции в Германию в конце XX столетия.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специалистов, представителям национально-культурных центров интересующихся историей и культурой российских немцев.

ISBN

© Е.Ф. Тюлюлюкин, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Создание немецких дочерних колоний.	
Эволюция социально-экономических отношений (1890–1917 гг.)	25
§1. Условия водворения. Аграрная специализация	25
§2. Культурная и религиозная жизнь колонистов. Роль местной печати в консолидации диаспоры	40
§3. Начало войны с Германией и нарастание антинемецких настроений в обществе	51
§4. Германские и австро-венгерские подданные в оренбургских колониях	63
ГЛАВА II. Создание немецких национально-территориальных образований в Оренбуржье (1917 – 1938 гг.)	79
§1. Национальное самоопределение колонистов	79
§2. Эмиграция в зарубежные страны	94
§3. Деструктивная роль коллективизации хозяйств. Деятельность немецкого подрайона	109
§4. Сохранение основ религиозной жизни в условиях насаждения атеизма	121
ГЛАВА III. Немцы Оренбуржья в 1940 – 1990-е годы	134
§1. «Немецкий вопрос» накануне и в период Великой Отечественной войны	134
§2. Подразделения трудармии на территории Оренбуржья ...	142
§3. Положение граждан немецкой национальности в послевоенный период	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	173
ПРИЛОЖЕНИЯ	190
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	193

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. События последнего десятилетия XX века, главным из которых является распад СССР и появление новых государств на постсоветском пространстве, решительным образом повлияли на подходы ученых к изучению этнической истории народов, ранее проживавших в Советском Союзе. Возрождение национального самосознания в условиях глобальной гуманизации общества привело к возрастанию значимости малочисленных народов, а также этнических групп, диаспор, землячеств. Национальные проблемы в многонациональной стране всегда имели и будут иметь актуальное значение. В многонациональной России одним из главных условий стабильности и целостности являются добрые межнациональные отношения, внимание к каждому народу, к его национальным запросам.

Судьба российских немцев на протяжении нескольких столетий неразрывно связана с историей Российского государства, со всеми переплетениями ее драматических и славных страниц. Культура российских немцев выделяется своими особенностями. Она одновременно объединяет в себе не только культуру целого ряда народов России, но также и двух крупнейших государств – России и Германии. Российско-германские отношения воздействовали на судьбы многих народов мира, особенно на судьбу российских немцев, которые не раз становились заложниками международной обстановки. Последняя мировая война привела к тому, что тема российских немцев на несколько десятилетий оказалась закрытой как для литературы, публицистики, так и для науки. Но даже такой незначительный по времени период привел к негативным последствиям и с общечеловеческой, и с научной точки зрения: из памяти двух поколений была изъята история значительной части населения страны. Восстановление исторической картины судьбы российских немцев важно и с этической стороны. Прошлое немцев России – это история репрессированного народа, реабилитация которого состоит не только в самом факте ее признания, но и в написании правдивой истории этноса, внесшего большой вклад в развитие российской экономики, культуры, науки.

Российские граждане немецкой национальности, прибывшие в Оренбургский край в конце XIX – начале XX веков из Екатеринославской, Таврической, Одесской губерний, оказались здесь в несколько иных условиях, чем прежде: резкоконтинентальный суровый климат, преимущественно аграрный уклад хозяйства, большое влияние казачества на все сферы общественной жизни края, а, главное, многонациональный состав населения, стремительно увеличивающийся вследствие государственной переселенческой политики. Изучение исторического опыта совместного проживания народов, их этнической истории, духовной культуры поможет сохранить и развить этническую самобытность многонационального населения Оренбургской области, будет способствовать избранию более рациональной и эффективной модели российской национальной политики. Ведь в настоящее время вопросы обеспечения национального согласия, гармонизации межнациональных отношений приобретают первостепенное значение.¹ От степени их решения зависит этнополитическая стабильность не только в оренбургском регионе, но и во всей России.

Предметом данного исследования является историческая судьба немцев и меннонитов, населяющих Оренбургский край в конце XIX – XX вв.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX столетия – со времени основания дочерних колоний – до наших дней.

Территориальные рамки исследования очерчены границами современной Оренбургской области, т.к. большая часть немецких колонистов заселилась именно в этих пределах. К тому же более половины изучаемого периода (с 1934 г.) административно-территориальное устройство Оренбуржья существует в современных границах.

Степень научной разработанности проблемы. История оренбургских немцев остается недостаточно изученной на фоне многочисленных научных публикаций, посвященных немцам Поволжья, Сибири, Санкт-Петербурга и Москвы, Казахстана, Ук-

¹ Программа реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области на 2001-2005 гг. – Оренбург, 2000. – С. 7.

раины.¹ По сравнению с немцами, проживавшими в этих регионах, немцы Оренбуржья, во-первых, малочисленны, во-вторых, более разобщены. Немцы Оренбуржья никогда не являлись единой в этническом отношении группой и отличались по принадлежности к религиозным конфессиям (лютеране, баптисты, католики), занятостью в различных сферах хозяйственной, культурной, научной и общественной жизни. Следует также отметить, что дореволюционная статистика всегда выделяла из среды немецких колонистов меннонитов, как этноконфессиональную группу. Меннонитов к немцам официально стали причислять лишь в советское время.

Необходимо уточнить авторскую точку зрения по поводу национальной принадлежности меннонитов, составляющих основную часть немцев Оренбуржья. Научные споры об этом имеют давнюю историю. Советская историография и статистика рассматривали меннонитов как приверженцев одной из протестантских сект. В октябре 1921 года Президиум ВЦИК признал, что «меннониты отличаются от немцев только лишь по религии».² После 1941 года, когда все немцы СССР (и меннониты) оказались в спецпоселениях и трудармии, различия между разными группами немецкоязычного населения были практически устранены. По меткому замечанию Г. Вормсбехера, немцы были «буквально сбиты в единый народ».³ И выдвинутая в 1970-х годах теория этноконфессиональной общности сегодня получает все большее

¹ См. напр.: Бруль В.И. Немцы Западной Сибири. - Топчиха. 1995. Ч. 1-2; Белковец Л.П. "Большой террор" и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х - 1930-е годы). - М., 1995; Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. - Барнаул, 1995; Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е - 1930-е годы. - М., 1998.; Осташева Н.В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914-1931 гг. - М., 1998; Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы (сборник докладов Международной науч. конф.). - М., 1997; Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918-1941 гг. - М., 1999; Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. Сб. статей. Отв. Ред. Г.И. Смагина. - СПб., 2000.

² Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918-1941 гг. - М.: Общественная Академия наук российских немцев, 1999. - С. 149.

³ Вормсбехер Г. Время собирать народы // Жизнь национальностей. - 1996. - № 2. - С. 30.

признание.¹ Учитывая эти обстоятельства, большинство исследователей справедливо считают, что изучение истории различных групп немецкоязычного населения России, в том числе и меннонитов, наиболее перспективно в рамках единой темы – «Немцы России». С этих позиций рассматриваются в данной книге и оренбургские меннониты. Подавляющая их часть выехала в Германию, и это лишний раз подтверждает правильность выбранной научной трактовки.

Анализ работ по истории немцев Оренбуржья позволяет выделить два основных направления исследований.

Первое – исходящее от самих немцев и меннонитов. Среди работ этого направления известны исследования меннонитских авторов: как отечественных, так и зарубежных. В 1951 году в ФРГ опубликована монография «Orenburg am Ural» («Оренбург на Урале») Петера Дика;² на немецком языке в Канаде в 1995 году издан труд Карла Фаста «Orenburg: die letzte Mennonitische Ansiedlung in Osteuropa» («Оренбург: последнее меннонитское поселение на востоке Европы»)³. Оба автора – выходцы из Оренбуржья – не являются профессиональными историками, однако, богатый жизненный опыт, использование воспоминаний очевидцев позволили им нарисовать истинную картину жизни оренбургских колонистов с момента заселения. И хотя повествования не лишены субъективизма, но могут быть использованы исследователями в качестве дополнительного источника.

Книга К. Фаста содержит обширный материал по истории заселения целинных земель северо-западной части современной Оренбургской области. Это сборник воспоминаний автора и людей, его окружавших. В предисловии Фаст называет свою работу памятником оренбургским меннонитам. Каждому значительному этапу жизни меннонитов посвящена отдельная глава: «Оренбургское поселение до первой мировой войны», «Оренбургское поселение в первую мировую войну, революцию и гражданскую войну», «Оренбургское поселение в годы нэпа» и так далее вплоть до

¹ Ипатов А.Н. Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. – М., 1978.

² Dyck P.P. Orenburg am Ural. – Meckenheim, 1951.

³ Fast K. Orenburg: die letzte Mennonitische Ansiedlung in Osteuropa. – Winnipeg, Manitoba, 1995.

главы «Конец немецко-меннонитского поселения».

В 1995 году в Оренбурге были изданы воспоминания трудармейца М.Я. Нейфельда «Судьбы поколений».¹ Книга представляет собой хронологическое описание жизни немецкой общины в пределах бывшего Кичкасского немецкого национального района со времени заселения до начала эмиграции 1990-х годов. По форме и содержанию она похожа на работу К. Фаста. В своей работе Нейфельд использует материалы Государственного архива Оренбургской области, Переволоцкого районного архива, Переволоцкого и Новосергиевского райвоенкоматов, но основная часть книги написана по личным воспоминаниям автора и по свидетельствам очевидцев. Издание ближе к мемуарной или к краеведческой литературе, нежели научной. Эмиграционные причины, отмеченные К. Фастом и М. Нейфельдом, в целом совпадают. Работы, написанные в меннонитской среде, отличаются идентичностью трактовок, даже несмотря на то, что авторы проживают в разных странах.

Заслуживают внимания статьи М.Г. Энс в газете «Звезда»,² посвященные истории немцев и меннонитов России, освоению южнорусских земель, образованию дочерних колоний в Оренбуржье. Энс, опираясь на труды П.П. Дика, П.М. Фризена, воспоминания М.Ф. Вольф, Д.Д. Гиберта, П.П. Корнельзена и других, подробно описывает экономическое и культурное развитие меннонитских общин на Украине, характеризует сельское хозяйство, промышленность, торговлю, систему образования и воспитания. В статье «Большое путешествие» приводятся ценные сведения о переселении меннонитов в Оренбургскую и Самарскую губернии, трудностях первых лет, о ценах на землю и сельхозпродукцию, строительстве мельниц. В другой публикации «Первая мировая и гражданская войны» автор описывает голодные 1921–1922 годы, благотворительную помощь Американской Администрации Помощи (АРА) и Американской Меннонитской Помощи (АМП), которые подтолкнули немцев эмигрировать в

¹ Нейфельд М.Я. Судьбы поколений. – Оренбург, 1995.

² Энс М. Истории немеркнущие строки // Звезда. – 1989. – 7 февраля; Она же. Переселение немцев в Россию. // Там же. – 1989. – 16 февраля; Она же. География, экономическое и культурное развитие меннонитов с 1860 по 1910 гг. // Там же. – 1989. – 27 апреля; Она же. Большое путешествие. // Там же. – 1989. – 25 июля.

Америку. По мнению Энс, эмиграционная кампания 1920-х годов является «наглядным примером реакционной политической роли религии».

Подробный материал о Ново-Самарском поселении собрал И.И. Вальде.¹ Рукопись его книги хранится в Подольском музее Красногвардейского района, а в газете «Красногвардеец» была опубликована только первая часть о начальном этапе заселения. Вальде называет фамилии первопоселенцев, приводит количественные характеристики жителей в первые годы поселения, описывает дикую ковыльную степь, которую предстояло освоить колонистам. Автор не проводит различий между меннонитами и немцами.

Историю заселения евангелическо-лютеранских и католических общин на юге Оренбургской области впервые в научной литературе описал К. Штумпп.² По его сведениям, в конце XIX – начале XX столетий выходцы из Одессы и Бессарабии основали 16 хуторов численностью от 20 до 60 жителей. Данные К. Штумппа, как правило, подтверждаются документами местных архивов.

Главное историографическое значение этих публикаций состоит в актуализации проблемы изучения истории немцев Оренбуржья.

Второе направление представлено учеными советского и постсоветского периодов. Среди исследований советского периода выделяются работы атеистического характера. Постсоветские работы, осуществляемые на широком документальном материале, пока ещё не выросли за рамки тезисных сообщений на научно-практических конференциях и представляют собой краткие статьи по отдельным периодам истории.

В 1960-е годы Оренбургским отделением общества «Знание» было подготовлено и издано в местном книжном издательстве несколько книг атеистического характера, направленных против меннонитства. Их появление было обусловлено активиза-

¹ Вальде И.И. Они были первыми // Красногвардеец. – 1991. – 5 декабря.

² Stumpp K. Die deutschen Siedlungen im Raum Alt-Samara, Neu-Samara, Ufa/Dawlekanowo, Orenburg, Aktjubinsk und Arkadak // Heimatbuch. – Stuttgart, 1964. – S. 23-30.

цией религиозной деятельности меннонитских общин (в 1957–1959 годах из заключения стали возвращаться проповедники, осужденные во время Великой Отечественной войны) и продиктовано необходимостью идеологического воздействия на верующих, в частности – на сектантов¹. Автор брошюры «Под маской святош» Н.И. Ильиных так сформулировал свою задачу: «Показать, почему нетерпима в наше время секта меннонитов, ведущая по существу замаскированную антикоммунистическую пропаганду, а часто и явно антисоветскую деятельность по указаниям зарубежных меннонитских руководителей». Используя в качестве аргументов высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, Горького, Хрущева и цитаты из Библии, Н.И. Ильиных сравнивает религиозную и коммунистическую мораль. Автор пытается доказать, что «меннонитские руководители поучают свою паству не уделять особого внимания труду». И в этой же работе он сам себя опровергает: «Действительно, экономически многие немецкие сельхозартели сильные».

В другой брошюре «Черные дела оренбургских сектантов» Н.И. Ильиных характеризует деятельность пяти христианских сект, существующих в Оренбургской области, в том числе меннонитов. Автор называет эти секты «крайне реакционными», «изуверскими», которые, «прикрываясь религиозным флагом, ведут антигосударственную деятельность». Приводя многочисленные примеры, автор показывает, что численность сектантов сокращается и их влияние в обществе, особенно на молодежь, уменьшается.

В 1968 году Н.И. Ильиных обобщил все сведения о меннонитах в монографии «О современном меннонитстве». В ней, как и в работе В.Ф. Крестьянинова «Меннониты», появившейся в это же время, в атеистическом ключе проанализирована история возникновения учения Менно Симонса и появления меннонитов в России.² Хотя оба издания носят антирелигиозный, антименнонитский характер, в них содержится больше фактического и до-

¹ См. напр.: Ильиных Н.И. Черные дела оренбургских сектантов. – Оренбург, 1960; Он же. Под маской святош. – Оренбург, 1963; С меннонитами нам не по пути: Сборник статей. – Челябинск, 1966.

² Ильиных Н.И. О современном меннонитстве. – М., 1968; Крестьянинов В.Ф. Меннониты. – М., 1967.

кументального материала, нежели в ранних работах Ильиных.

Но самое полное и объективное исследование о меннонитах, появившееся в советское время, принадлежит перу А.Н. Ипатова, издавшего в 1978 году на основе докторской диссертации монографию «Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности».¹ С научных позиций (пусть и в рамках господствующей тогда идеологии) в ней проанализировано возникновение и существование меннонитской общины с широким привлечением фактического материала и об оренбургских колониях, с использованием документов центральных и местных архивов, исследований как зарубежных, так и отечественных (до-революционных и советских) ученых. Стремление А.Н. Ипатова комплексно рассмотреть всю историю меннонитов явилось для того времени попыткой постановки новой темы в исторической науке. На наш взгляд, главное в этом исследовании – попытка теоретического осмысления самого явления «меннонитство» и его анализ в рамках теории этноконфессиональной общности.

Научное изучение проблемы оренбургских немцев с широким привлечением историков, филологов, философов, этнографов, работников архивов началось в 1993 году с создания научно-исследовательского центра истории народов Южного Урала. С 1994 по 2000 год издано четыре сборника материалов по итогам научно-практических конференций.²

В научных статьях оренбургских исследователей обобщены и углублены сведения и факты, напечатанные ранее в прессе. В это время рассекречиваются фонды местных архивов, становятся более доступными дела специальных архивов УФСБ и УВД. Архивисты Т.С. Панина и Т.В. Судоргина, научные статьи которых опубликованы во всех вышеназванных сборниках, ставят перед

¹ Ипатов А.Н. Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. – М., 1978.

² Немцы и Оренбургский край. Сборник статей и тезисов / Под общей редакцией А.В. Федоровой. – Оренбург, 1994; Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1997; Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее (сборник статей). – М., 1998; Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. Материалы науч.-практ. конф. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998; Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы. Материалы международной науч.-практ. конф. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000.

собой цель сориентировать историков в материалах архивов, но, по существу, в их работах содержится как описание фондов, так и анализ документов, исторических фактов, оценка деятельности организаций и отдельных руководителей.¹ Например, в статье Т.С. Паниной «Немецкие общественные организации в Оренбуржье. 1918-1930 гг.»² приводится численность военнопленных в Оренбургской губернии к началу гражданской войны, описаны условия их проживания, цели и задачи их общественных организаций. Автор останавливается на причинах коммунистической ориентации пленных, их стремления с оружием в руках сражаться за советскую власть в составе III Интернационального полка. Анализируя попытки иностранных коммунистов вести агитацию среди колонистов, Т.С. Панина делает справедливый вывод: эта работа была заранее обречена на провал из-за того, что местные немцы были слишком далеки от политики и революционных идей. В другой статье «Немецкие национальные школы Оренбуржья в 20-30 годах XX века»³ Т.С. Панина пришла к выводу, что отношение к немецким школам в корне поменялось за десять лет: «Если в 1928 г. всеми средствами старались сделать школу в Претории чисто немецкой, то к 1938 г. это было названо порочной практикой».

Необходимо заметить, что научные статьи и выступления на научно-практических конференциях представляют собой лишь фрагменты исследований, не претендующие на полноту раскры-

¹ Судоргина Т.В. Архивные документы об эмиграции оренбургских немцев в 1929 г. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной научной конференции. – М.: «Готика», 1996. – С. 61-68; Она же. Рассекреченные документы архивного фонда Уранского волисполкома // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. Материалы науч.-практ. конф. – Оренбург, 1997. – С. 5-10; Панина Т.С. Документы о немецком населении в фонде № 4 Оренбургского окружного комитета ВКП(б). 1928-1930 гг. // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее (сборник статей) – М. 1998. – С. 149-151; Она же. Немецкое население Сорочинского района по документам Сорочинского райкома ВКП(б). 1928-1930 гг. // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. Материалы науч.-практ. конф. – Оренбург, 1998. – С. 10-16.

² Панина Т.С. Немецкие общественные организации в Оренбуржье. 1918-1930 гг. // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее (сб. статей). – М., 1998. – С. 34-40.

³ Панина Т.С. Немецкие национальные школы Оренбуржья в 20-30 годах XX века // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – С. 174-178.

тия проблемы. Таковы практически все работы, о которых пойдет речь ниже.

Точные даты образования первых немецких колоний, численность населения не только по отдельным поселкам и в целом по губернии, но и по отдельным уездам до 1917 года приводит в своих работах Е.Я. Нейфельд¹ (однофамилица упоминавшегося выше автора). Ценные сведения о германских и австро-венгерских военнопленных на территории Оренбургской губернии в годы I мировой войны содержатся в работах Л.И. Футорянского и Д.А. Сафонова.² Л.И. Футорянский не только проанализировал положение пленных в условиях гражданской войны в России и частой смены власти в Оренбурге, но и проследил боевой путь Интернационального легиона и III Интернационального полка, в составе которых пленные сражались за советскую власть. Д.А. Сафонов основной упор сделал на количественные характеристики военнопленных, отношение к ним местного населения и властей.

Депортации немецких колонистов из Волынской и Холмской губерний в 1915 году в Оренбургскую губернию посвящена статья Л.В. Булатовой и О.Я. Бахаревой.³ Авторами проанализированы ликвидационные законы царского правительства, прослежен путь депортированных и беженцев от линии фронта до Оренбургской и Тургайской губерний, приведены количественные показатели. Кроме того, О.Я. Бахаревой подготовлена серия статей, посвященных духовной культуре немцев Оренбуржья: религии, языку, обрядам. Исследователь также опубликовала не-

¹ Нейфельд Е.Я. Российские немцы в Оренбуржье // Немцы и Оренбургский край: Сборник статей и тезисов. – Оренбург, 1994. – С. 10-13; Она же. Российские немцы в Оренбуржье (до 1917 г.) // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. – М.: Готика, 1996. – С. 183-195.

² Футорянский Л.И. Немецкие военнопленные и колонисты в период Октября и гражданской войны на Южном Урале // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей. – М. 1998. – С. 65-69; Сафонов Д.А. Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край: Сборник статей и тезисов. – Оренбург, 1994. – С. 25-26.

³ Булатова Л.В., Бахарева О.Я. Депортация немецких колонистов из Волынской и Холмской губерний в 1915 году в Оренбург // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – Оренбург, 2000. – С. 106-114.

сколько кратких переводов с немецкого языка.¹

В.В. Амелин несколько своих статей посвятил проблеме организации и деятельности немецкого района в Оренбуржье в 1930-х годах.² Однако по существу его работы вышли за пределы обозначенной темы, т.к. автор рассматривает и другие процессы, происходившие в тот период в немецких колониях: эмиграцию в Америку, коллективизацию, раскулачивание, ликвидацию неграмотности, борьбу с религией.

Наиболее трагичному периоду в истории советских немцев – 1940-м годам – посвятила свои работы А.В. Федорова.³ Она приводит важные сведения о количестве мобилизованных в трудовую армию немцев, факты их тяжелого положения в рабочих колоннах. А.В. Федорова исследует и другую сторону этого периода истории, связанного с военнопленными II мировой войны. В её статьях содержатся данные об эвакогоспиталях с пленными немцами на территории области, об использовании труда военнопленных на хозяйственных объектах Оренбуржья.

К немецкой тематике обращался оренбургский краевед В.В. Дорофеев. Однако его работы касаются лишь истории города Оренбурга в досоветский период (общественное устройство, на-

¹ Бахарева О.Я. Возрождение конфессий Оренбурга // Немцы и Оренбургский край: Сборник статей и тезисов. – Оренбург, 1994. – С. 37-40; Она же. Влияние славянского и тюркского населения на немцев-переселенцев (быт, язык, обряды) // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. – М.: Готика, 1996. – С. 372-380; Она же. К. Штумпп и местная печать об оренбургских немцах // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Материалы науч.-практ. конф. – Оренбург, 1997. – С. 117-119; Она же. Развитие мукомольного производства в оренбургских колониях меннонитов// Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. Материалы науч.-практ. конф. – Оренбург, 1998. – С. 21-26.

² Амелин В.В. Немецкие колонии Оренбуржья // Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы науч. конф. – М., 1994. – С. 72-77; Он же. К истории немецкого национального района в Оренбуржье (1930-1938 гг.) // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сб. статей по итогам науч.-практ. конф. – М., 1998. – С. 6-19; Он же. Редакция немецкой газеты «Stalins Weg» (Кичкасский район) // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы науч.-практ. конф. – Оренбург, 1998. – С. 16-21.

³ Федорова А.В. Немецкое население Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Немцы и Оренбургский край: Сб. статей и тезисов. – Оренбург, 1994. – С. 30-33; Она же. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. – Оренбург, 1995; Она же. «На работу в колонны НКВД» // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Материалы науч.-практ. конф. – Оренбург, 1997. – С. 18-23.

селение, строительство и архитектура) и не затрагивают остальной территории Оренбургского края¹. В целом краеведческая литература является ценным подспорьем при изучении любого народа, населяющего многонациональный Оренбургский край.²

Некоторые сведения об оренбургских меннонитах обобщены в брошюре Т.И. Герасименко и Е.Ю. Нуждиной «Немцы-меннониты Оренбургской области: культурный след в истории и географии», вышедшей в 2000 году.³ Работа написана по результатам экспедиции в Переволоцкий район с использованием ранее опубликованных материалов и некоторых архивных источников. Авторы рассмотрели сформированную за сто лет проживания на оренбургской земле уникальную культуру немцев по системе Дж. Хаксли. В брошюре представлены ментифакты (религия, язык, фольклор, праздники и обряды), социофакты (структура семьи, взаимоотношения полов, принципы воспитания и образования) и артефакты (виды производственно-экономической деятельности, орудия труда, жилье, одежда, особенности кухни). Авторы также проследили основные этапы истории немецких колонистов Переволоцкого района, дали характеристику природным условиям и ресурсам региона.

К теме оренбургских немцев обращались ученые Челябинска и Екатеринбурга Г.Я. Маламуд и В.М. Кириллов, изучая трудармию на Урале в период 1941-1948 гг.⁴ Однако их исследова-

¹ Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. – Челябинск, 1988; Он же. Оренбург в XVIII веке и немцы // Немцы и Оренбургский край: Сб. статей и тезисов. – Оренбург, 1994. – С. 9-10; Он же. Грен, Клюмп и другие (Оренбург 2-й половины XIX – начала XX вв.) // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сб. статей. – М., 1998. – С. 70-79; Он же. Дела немцев-архитекторов и инженеров неплюевского Оренбурга // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы науч.-практ. конф. – Оренбург, 1997. – С. 116-125.

² См. напр.: Десятков Г.М. Легенды старого Оренбурга. – Калуга, 1994; Савченко И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарском крае. – Самара, 1994; История Оренбуржья: Учебное пособие. – Оренбург, 1996; Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург, 1999.

³ Герасименко Т.И., Нуждина Е.Ю. Немцы-меннониты Оренбургской области: культурный след в истории и географии. – Оренбург, 2000.

⁴ Маламуд Г.Я., Кириллов В.М. «Мобилизованные немцы» на строительстве предприятий черной металлургии Урала // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне: Материалы науч. конф. – Екатеринбург, 1995; Маламуд Г. Использование труда мобилизованных советских немцев в промышленности Урала в 1940-х годах // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Ч.1. – Екатеринбург, 1998; Она же. Мобилизован-

ния касались, в основном, Свердловской, Пермской, Челябинской областей, на территории которых находилось подавляющее большинство лагерей НКВД с мобилизованными немцами. Сведения о немцах Оренбургской области они использовали лишь для подсчета общего количества трудармейцев на территории уральского региона.

Новым этапом в изучении истории немцев стала энциклопедия «Немцы России», которая представляет собой фундаментальное издание и содержит массив сведений об истории, этнических процессах, экономических, социальных, конфессиональных, культурных аспектах национальной жизни, географии расселения немцев в России. Особый интерес представляют биографические статьи. Они рассказывают о немцах, оставивших заметный след в истории. Около десятка статей в первом томе посвящено тем выдающимся деятелям, чья биография была тесно связана с Оренбургским краем: начальнику штаба Оренбургского казачьего войска П.П. Бирку (1836 – 1900), первому директору Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса Г.Ф. Генсу (1787–1845), исследователю Оренбургского края и Казахстана К.И. Герну (1816–1882), писателю В.И. Далю (1801–1872), оренбургскому губернатору и наказному атаману Оренбургского казачьего войска Е.И. Зенгбушу (1823–1878) и другим.

Создатели энциклопедии отдают себе отчет в том, что в первом выпуске невозможно охватить всю историю немцев в России, не избежать «белых пятен». И все же следует отметить, что сведения об оренбургских немцах очень скупы. Досадно и то, что, помещая маленькую (в 10 строк) статью о торговом доме «Гофман Е.Е.», авторы не задумываются над тем, что был и реальный человек Егор Егорович Гофман – оренбургский купец, создатель торгового дома, основатель династии оренбургских предпринимателей. Но ни о Е.Е. Гофмане, ни о другом известном предпринимателе А.Ф. Грене, построившем в Оренбурге первое промышленное предприятие, в энциклопедии не сообщается. Остается надеяться, что после выхода в свет всех трех томов редколлегия энциклопедии не прекратит работу и будет осуществле-

но переиздание с дополнениями и новыми статьями.

Анализ опубликованных и рукописных работ свидетельствует о том, что современная наука не располагает комплексными исследованиями по истории немцев Оренбуржья. Отечественные и зарубежные авторы изучали эту тему в краеведческом плане или рассматривали в своих работах отдельные, узкие аспекты, что в целом не дает представления о роли и месте немцев в истории Оренбуржья и России.

Исходя из состояния разработанности данной темы, нами определены следующие **основные цели и задачи исследования**. **Главная цель** работы – на основе широкого круга архивных документов и научной литературы проанализировать основные этапы жизни и деятельности немецкой диаспоры в Оренбуржье, дать объективную оценку её места и роли в истории Оренбургского края. При этом **задачи** поставлены таким образом, чтобы рассмотреть в качестве приоритетных наиболее слабоизученные темы:

– причины, механизм и последствия массовой колонизации оренбургских земель немцами и меннонитами – выходцами из западных губерний; адаптация переселенцев в условиях многонационального региона;

– приоритеты политики правительств Российской империи, СССР и постсоветской России в отношении немецкоязычного населения, реакция оренбургских немцев и меннонитов на действия власти;

– вклад немецкого населения в развитие экономики и культуры Оренбургской области; основные причины и последствия эмиграции в разные периоды истории.

Источники исследования. Автор использовал широкий круг источников, как опубликованных, так и неопубликованных. Наиболее важными для раскрытия темы явились материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва) – фонды А-423, А-424, Р-1064, Р-1318, Р-9479, Государственного архива Самарской области (ГАСО, Самара) – фонд 3, Государственного архива Оренбургской области (ГАОО, Оренбург) – фонды 6, 10, 11, 14, 41, 2418, Р-2, Р-11, Р-810, Р-1014, Р-2483, Р-2843, Центра документации новейшей истории Оренбургской области

(ЦДНИ ОО, Оренбург) – фонды 1, 4, 371, 796, 1293, 6002; научного архива Оренбургского областного краеведческого музея. Всего было использовано 25 фондов названных архивов.

Источники, использованные в данном исследовании, могут быть систематизированы следующим образом:

1. Документы органов власти и управления всех уровней до советского периода;
2. Документы органов власти и управления всех уровней после 1917 года;
3. Документы, появившиеся в колониистской среде;
4. Документы общественно-политических организаций немецких военнопленных 1918-1921 гг.

Материалы первой группы источников отражают начальный момент массового заселения немцев и меннонитов на территорию Оренбуржья и носят характер накопления сведений о прибывающем населении. Среди этой группы особое место занимают документы канцелярии Оренбургского и Самарского губернаторов: отчеты о состоянии губерний по годам, переписка с министерствами и ведомствами об освоении колониистами русского языка, о настроениях в обществе, отношениях местного населения к пленным и выселенным немцам и австрийцам. Наиболее ценными представляются дела о попытке военного губернатора П.К. Эссена привлечь саратовских колониистов к освоению оренбургских земель (1817-1825 гг.). Письма Эссена местным помещикам, Илецкому соляному правлению, Саратовской конторе опекунства, в Комитет Министров демонстрируют уважительное отношение оренбургского губернатора к рачительным хозяевам. Изменение отношения официальной власти к российским немцам передают документы времен I мировой войны: донесения губернатора о непатриотичности немцев, протоколы заседаний городской Думы о переименовании Оренбурга.

Без сомнения, уникальными являются материалы, связанные со строительством Деевского молитвенного дома (1914-1917 гг.). В условиях войны с Германией оренбургский губернатор в течение нескольких лет по настоятельной рекомендации управления Духовных дел МВД не давал разрешения на постройку меннонитского молитвенного дома. Переписка по этому вопросу с раз-

личными инстанциями показывает весь спектр неоднозначного отношения российского общества к проблеме «внутренних немцев». В этой связи большой интерес представляют ходатайства Бузулукского и Бугурусланского исправников о предоставлении кредита нуждающимся германским подданным, выселенным из западных губерний России.

Документы второй группы источников показывают еще большую степень непоследовательности советских и партийных органов к российским немцам. Создание самостоятельных Уранской и Люксембургской волостей в пределах меннонитских колоний, затем немецкого национального района, перевод делопроизводства на немецкий язык, организация национальных школ – все это сопровождалось нарушением элементарных прав человека (запрещение выезда за рубеж, ликвидация зажиточных хозяйств и высылка так называемых кулаков в Сибирь, аресты проповедников и пр.) Такая политика привела в 1938 году к ликвидации национального района, национальных школ и дискриминации по национальному признаку с началом Великой Отечественной войны.

Материалы органов власти и управления советского периода представлены постановлениями ВЦИК, ЦК ВКП (б), Государственного Комитета Оборона, декретами Совнаркома, приказами НКВД, областного военного комиссара, решениями партийных комитетов и исполкомов Советов всех уровней: республиканского, губернского, краевого, окружного, областного, уездного, волостного, районного, кантонного. Дело в том, что в течение 1920–30 гг. много раз изменялось административно-территориальное устройство страны, и территория Оренбуржья относилась то к Киргизской АССР (и Оренбург являлся столицей этой республики), то к Средне-Волжскому краю РСФСР, менялось название колхозов, сельских советов, районов. Ко второй группе источников относятся также различные справки, отчеты, донесения, докладные и служебные записки, политические сводки о национальном и классовом составе населения. Большинство документов этого периода дублируются на различных уровнях и носят гриф «секретно».

Немалую ценность представляют материалы немецкой сек-

ции при отделе агитации и пропаганды Оренбургского окружкома ВКП(б): сводки о работе среди немцев, докладные записки о причинах эмиграции 1929-30 гг., о землеустройстве, сведения о немецких колхозах. Большинство этих документов подготовлено инструктором секции В. Шмидтом, который очень часто бывал в немецких поселениях.

Особый интерес представляют также следственные дела репрессированных, хранящиеся в архиве управления ФСБ по Оренбургской области и информационном центре УВД. Различные справки из этих дел, протоколы допросов, документы о реабилитации позволяют получить дополнительную информацию о трагедии немецкого народа в СССР, приведшей его к массовой эмиграции.

К третьей группе источников относятся документы меннонитских организаций, в том числе иностранных: Американской Администрации Помощи (АРА), Американской Меннонитской Помощи (АМП), Всероссийского Меннонитского Сельскохозяйственного Общества (ВМСХО), Представительства по делам меннонитов Восточной России и Сибири, Уранского и Люксембургского меннобществ, Уранского и Люксембургского волисполкомов. Эти документы возникли в 1920-е годы и, главным образом, отражают состояние меннонитских колоний в голодные 1921-22 годы, оказание гуманитарной помощи иностранными организациями, рост эмиграционных настроений.

Уникальными являются материалы об усилиях меннонитского сообщества по выходу Уранской и Люксембургской волостей из-под юрисдикции Башкирской республики в 1919-1922 годы. К решению этой проблемы было подключено Представительство по делам меннонитов Восточной России и Сибири, сами колонисты направляли свои ходатайства в различные инстанции, вплоть до ВЦИКа. В 1922 году эти волости отошли к Оренбургской и Самарской губерниям, в связи с чем был составлен любопытный документ – акт приема-передачи волостей с перечнем имеющихся в наличии населенных пунктов.

Самая достоверная информация содержится в отчетах и ответах на запросы различных вышестоящих органов за подписью старост сельских общин, председателей сельских советов. В них

сообщается о количестве хозяйств и жителей, школ и учеников, о наличии сельскохозяйственного инвентаря, домашних животных, размерах земельных наделов. Ценными документами являются описи имущества молитвенных домов, относящиеся к 1924 году, и акты о передаче этой утвари в пользование местным общинам.

Тяга колонистов к образованию зафиксирована в уставах Общества подъема образования колонистов Оренбургской губернии (1907 г.), Донского меннонитского училищного общества (1908 г.), Общества подъема образования меннонитов Оренбургской губернии (1918 г.). В этой связи представляет интерес документ, обнаруженный в Государственном архиве Российской Федерации, – письмо выпускников 1922 года школы II ступени Якова Левена и Якова Мартенса из колонии Родничное представителю Всероссийского Меннонитского Сельскохозяйственного Общества о выделении учебных мест в Московском государственном университете: «Если Вы это сделаете, то поможете двум стремящимся меннонитам».

Среди материалов третьей группы источников особую значимость имеет протокол съезда меннонитов Уранской волости в 1927 году, на котором рассматривались итоги деятельности меннобщества, политика правительства по отношению к меннонитам в условиях нарастания эмиграционного движения, обсуждался вопрос о вхождении общества в Оренбургский губернский союз кредитно-сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов. На этом фактически закончилась деятельность Уранского сельскохозяйственного меннонитского общества. В стране начиналась реформа землеустройства, завершившаяся коллективизацией.

Документы меннонитских колоний 1930-х годов, тяготеют ко второй группе источников. После создания немецкого подрайона внешне меннонитские поселения как бы оставались самостоятельными (делопроизводство велось на немецком языке, были восстановлены национальные школы и т.д.), но фактически вся работа осуществлялась под зорким наблюдением НКВД, а также районных комитетов партии и комсомола, которые состояли, в основном, из прикомандированных коммунистов. Среди меннонитов коммунистами и комсомольцами были единицы.

Документов общественно-политических организаций военнопленных (1918-1921 гг.) гораздо меньше, чем в предыдущих группах, но они рассматриваются нами отдельно, так как по своим целям и задачам, характеру деятельности их авторов сильно отличаются от всех остальных. Получив в декабре 1917 года равные права с местным населением и гражданство РСФСР (по желанию), военнопленные I мировой войны стали полноправными членами российского общества. Большая часть их поддержала действия новой власти и приняла активное участие в боевых действиях на стороне Красной Армии. Среди документов этой группы выделяются протоколы заседаний Революционного Совета германских рабочих и солдат, собраний секции иностранных коммунистов, немецкой секции РКП (б) г. Оренбурга, которые раскрывают суть агитаторской работы среди военнопленных и местных колонистов, передают бедственное положение пленных, их стремление выжить в чужой стране в условиях гражданской войны. Именные списки и количественные данные об этой категории немцев содержатся в материалах Оренбургского комитета по оказанию вспомоществования германским и австрийским подданным. Отделение этого комитета действовало в колонии Претория, так как в немецких и меннонитских поселениях находилось большое количество военнопленных и гражданских лиц – иностранных подданных.

Среди опубликованных источников первостепенное значение имеют два тома «Истории российских немцев в документах», составленных В.А. Ауманом и В.Г. Чеботаревой и отразивших основные этапы истории немцев в России от Манифеста Екатерины II 1763 г. до документов о реабилитации жертв политических репрессий 1990-х гг.¹ По сути, эти две книги охватили всю 250-летнюю историю немцев в России. Последующие издания документов лишь конкретизируют основные этапы истории российских немцев.²

¹ История российских немцев в документах. (1763-1992 гг.) / Составители В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М., 1993; То же. Т. II. Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965-1992 гг.) / Составители В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М., 1994.

² См. напр.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сборник документов. / Составление, предисловие и комментарий Н.Ф. Бугая. – М., 1998; Из истории

В сборник документов «Из истории оренбургских немцев» вошли материалы Государственного архива Оренбургской области и Центра документации новейшей истории Оренбургской области за период с 1817 по 1974 гг. Опубликованные архивные материалы свидетельствуют о правовом, социальном, политическом положении оренбургских немцев в различные периоды истории. Ценность этого сборника заключается в том, что читателю предоставляется возможность объективно оценить те процессы, которые происходили среди немецкого населения России.

При составлении сборников документов очень опасно «сваливать в одну кучу» объективные данные о происходивших исторических процессах и сфабрикованные дела, фальсификации. Особенно это относится к документам 1930-1940 гг., когда репрессивная машина работала в полную силу. В 1950-е и в последующие годы были отменены постановления высших органов государственной власти, «выездных троек», судов, трибуналов. Поэтому работа над сфабрикованными, признанными незаконными документами требует скрупулезного отношения исследователей. Помещая такие материалы в массовой печати, необходимо сопровождать их комментариями и разъяснениями. Это обстоятельство не было учтено составителями сборника документов «Из истории немцев Казахстана (1921-1975 гг.)». Здесь, например, приводятся секретные донесения органов НКВД, в которых содержатся нелюбезные высказывания переселенцев о советском строе, Красной Армии, их восторженные отклики о фашистах. Настроения ссыльных немцев, разумеется, были озлобленными, но отнюдь не враждебными. Время подтвердит потом эту истину. Также без каких-либо комментариев опубликованы секретные документы партийных и оперативных органов, в которых советские немцы именуется «нацистами», «фашистской сволочью». Сборник документов «Из истории немцев Казахстана», вышедший тиражом 2000 экземпляров, вряд ли будет способствовать укреплению межнациональных отношений и стабильности на постсоветском пространстве.

немцев Казахстана (1921 – 1975 гг.): Сборник документов: Архив Президента Республики Казахстан. – Алматы – Москва: Готика, 1997; Из истории оренбургских немцев: Сборник документов (1817-1974 гг.). – Оренбург; Москва: Готика. – 2000.

В целом, использованная источниковая база репрезентативна для изучения поставленных проблем и решения задач исследования.

Научная новизна данной работы заключается в том, что она представляет собой первую попытку на основе обобщения архивных материалов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, проследить в комплексе историю немцев и меннонитов Оренбуржья с момента заселения до эмиграции 1990-х годов. Привлекается и анализируется зарубежная литература по данной теме. Сделана попытка рассмотреть различные социальные группы немецкого населения Оренбургского края, проанализировать политику государства в отношении немцев в разные периоды истории, изучить деятельность немецких национально-территориальных образований и общественных организаций в Оренбуржье, проблемы взаимоотношения меннонитов с другими религиозными конфессиями и государственной властью.

Автор стремился к объективному анализу исследуемых вопросов, преодолению односторонности и заданности в оценках рассматриваемых событий.

Практическая значимость. Анализ проблем, поставленных в исследовании, имеет самостоятельное значение не только в плане изучения истории российских немцев, но и в контексте межнациональных взаимоотношений в Оренбуржье, где живут представители более 80 национальностей. Оно дает представление об изменениях в количественном и качественном составе немецкой диаспоры в Оренбуржье, об особенностях национальной политики царского правительства, советской власти, попытках решения межнациональных проблем в современном российском обществе.

Сегодня, когда российские немцы (как, впрочем, и все народы РФ) находятся на новом этапе своего развития, задача историков состоит в том, чтобы, изучая прошлый опыт и извлекая из него необходимые уроки, предупреждать от повторения ошибок, способствовать сближению и сотрудничеству народов.

Глава I
СОЗДАНИЕ НЕМЕЦКИХ ДОЧЕРНИХ КОЛОНИЙ.
ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТ-
НОШЕНИЙ (1890-1917 гг.)

§ 1. Условия водворения. Аграрная специализация

Земли Оренбургской губернии были отведены для заселения иностранными колонистами еще в Манифесте Императрицы Екатерины II от 22 июля 1763 года: «В Оренбургской губернии по реке Самаре, в сорока верстах от Оренбурга и вниз реки Самары... по реке Волге, до устья речки Иргиза и вверх по Иргизу, к поселению несколько тысяч семей, весьма плодородные и выгодные земли имеются».¹ В то время территория Оренбургского края простиралась от Волги до Ишима, от Камы до Аральского моря. Нас же, исходя из целей данной работы, интересуют история заселения немцев в пределах современной Оренбургской области, тем более что понятие «оренбургские немцы» закрепилось уже после административно-территориальной реорганизации в 1934 г. В Оренбургской области компактные места проживания немцев находятся в Александровском, Переволоцком, Красногвардейском, Беляевском, Соль-Илецком и Акбулакском районах. Рассмотрим причины, побудившие их переселяться на эти земли, и условия водворения.

Массовому заселению немецких колонистов в Оренбуржье в конце XIX века предшествовало несколько неудачных попыток, предпринятых Оренбургским военным губернатором П.К. Эссеном, привлечь иностранцев (1817–1825 гг.).

После восшествия на престол император Александр I 25 августа 1817 года подтвердил изданные при Павле I в 1804 году Правила о принятии и поселении иностранных колонистов на помещичьих землях.² Препровождая данный указ губернаторам малонаселенных губерний, министр внутренних дел просил довести его до сведения помещиков и владельцев земель и внушить

¹ История российских немцев в документах. (1763-1992 гг.). / Составители В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. - М., 1993. – С. 22.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 5938. Л. 2.

им «весьма важную пользу, какую от такового населения они приобретут через лучшее обработание земли, через заведение разных иностранных рукоделий и через верное получение оброка или других доходов».¹ Изучив мнения местных помещиков, Оренбургский губернатор доложил, что никто не изъявил желания принять колонистов на свою землю.²

Влиятельный оренбургский землевладелец Тимашев удостоил Эссена письменным ответом, в котором подробно изложил «превеликие неудобства» к поселению колонистов. По его мнению, степные земли удобны только для скотоводства, а близлежащие к лесам все почти заселены. «Превеликими неудобствами» помещик также считал отдаленность в переселении и путевые издержки, суровость климата, дороговизну в приготовлении строений из-за дефицита леса. Одна крестьянская изба из соснового леса стоила около 300 рублей, а для колонистов «надобно иметь две, как привыкшим жить чисто и хорошо». По грубым подсчетам Тимашева, колонистский двор вместе с избами, конюшней и прочими строениями будет стоить более тысячи рублей. В разряд «неудобств» помещик относил и отсутствие огородных овощей, «до коих иностранцы, как известно, большие охотники», а в Оренбуржье ничего кроме капусты не росло.³

Как видно из письма Тимашева, ему были хорошо известны добродетели колонистов. И не понаслышке – с 1810 года у него в имении находился немец Филипп Тринак из колонии Усть-Грязнуха Саратовской губернии.⁴ Саратовская Контора опекунов иностранных с 1775 года, согласно императорскому указу, не способных к хлебопашеству колонистов отпускала на заработки в другие губернии. Им выдавался «плакатный паспорт» на 1 год, который затем подлежал продлению или изъятию.⁵ На таких условиях проживал у Тимашева Тринак. Этот «хорошего поведения... хорошего искусства в механическом деле по наблюдению за неисправностью мельниц» колонист так при-

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 5938. Л. 3об.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Д. 3438. Л. 1.

⁵ Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. – М., 1998. – С. 179.

глянулся оренбургскому помещику, что он через своих уполномоченных просит продлить сроки паспорта на 3 года, затем на 1 год, на 5 лет. Тимашев даже соглашается заплатить за Тринака общине в Саратовской губернии все повинности, лишь бы немедленно уволили его «на свободное здесь проживание».¹

В 1820 году П.К. Эссен снова попытался пригласить в губернию иностранных колонистов, но теперь уже на казенные земли. Во время инспекторской поездки П.К. Эссен узнал о ссыльном саратовском колонисте Антоне Ролгейзере, который с 1807 года служил при Донгузском форпосте, следил за казенным строением и продавал сено проезжающим из Илецкой Защиты в Оренбург солевозцам. За добропорядочное поведение А. Ролгейзера, уже успевшего к тому времени обзавестись семейством, освободили от ссылки и приписали мастерским Илецкого соляного промысла. По предложению губернатора Ролгейзер пообещал вызвать из саратовских колонистов несколько семейств для совместного с ним поселения, так как «в тамошнем месте оказывается уже для них недостаток в пахотных землях».²

В связи с тем, что земли, на которые Эссен намеревался поселить колонистов, принадлежали Илецкому соляному промыслу, к делу был подключен Департамент горных и соляных дел. Директор департамента в письме министру финансов 21 октября 1820 года полагал, что переселение на соляной тракт колонистов заслуживает особого внимания, так как, во-первых, они будут обеспечивать солевозцев в пути следования продовольствием и кровом, и, во-вторых, промысел получит свободных мастерских ремесленников и трудолюбивых хозяев. По мнению директора департамента, «изобретения и усовершенствования колонистов в домозаведении, хлебопашестве, скотоводстве и в других сельских упражнениях послужат примером для солевозцев».³

После четырехлетней переписки между Илецким Соляным Правлением, Оренбургским генерал-губернатором, Саратовской Конторой опекунов иностранных поселенцев и различными министерствами было решено переселить при форпостах Донгуз-

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 4094. Л. 12.

² Там же. Д. 7306. ЛЛ. 12-12об.

³ Там же. Л. 18об-19.

ском и Елшанском 40 семейств саратовских колонистов, «отведя им из земель Илецкого Соляного Промысла нужное для хлебопашества и скотоводства количество земли, на общих узаконениях о водворении в Россию колонистов на казенных землях, и предоставив им все права и преимущества, дарованные колонистам».¹ Кроме того, с подачи Комитета Министров 3 мая 1825 года императором были утверждены трехлетние льготы для переселенцев, как в платеже казенных податей, так и в исправлении всех повинностей.²

Однако организация переселения не была продумана, и поэтому первая попытка колонизации потерпела неудачу. Летом 1825 года 41 семейство прибыло из Саратовской губернии на земли Илецкого соляного промысла. Большая часть колонистов посчитала отведенные земли при Донгузском и Елшанском форпостах непригодными к заселению и просила, чтоб им дозволено было поселиться при устье реки Донгуз.³ Но так как в царском указе были означены только два места для поселения, колонистам в их просьбе было отказано. Переселенцы направили жалобу Оренбургскому генерал-губернатору на поверенного их, что они обмануты им в описании мест, при которых они должны заселяться.⁴ Однако управляющий Илецким Соляным Правлением Струков не был согласен с требованием переселенцев и считал, что на этих землях «удобства для земледелия и скотоводства превышают неудобства, лишь леса мало». По его мнению, саратовские колонисты не знакомы со способами степного хлебопашества и скотоводства, и вторая причина, их испугавшая, – приграничное положение земель с Киргизской степью. Струков докладывал, что «все семейства и особо женский пол обуяты страхом в предположении, что могут достаться в добычу воровским киргизским партиям».⁵

Опасаясь набегов киргизов, колонисты просились перезимовать в Оренбурге или в окрестных селениях. Но уже осенью никого из них в Оренбурге не обнаружили, все они вернулись в

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 7486. Л. 82об.

² Там же. Л. 84.

³ Там же. Л. 77-77об.

⁴ Там же. Л. 105-105об.

⁵ Там же. Л. 105об-106.

прежние саратовские колонии.¹ 3 апреля 1826 года Комитет Министров, рассматривая дело о самовольно вернувшихся из Оренбургской губернии колонистах, решил «не принуждать их к переселению на земли Илецкого Соляного Промысла и причислить по прежнему к Саратовским колониям; селиться же там предоставить другим желающим».² Но больше желающих не было.

Постоянное стремление колонистов к поиску лучших земель, лучшей доли очень точно охарактеризовал выходец из саратовских колонистов депутат I Государственной Думы Яков Дитц: «Люди, бросившие отчизну, оставившие могилы предков своих и перешедшие в далекую Россию, чтобы найти там свое счастье, действительно, не дорожили насиженным местом и видели свою родину там, где им было хорошо. Эта особенность характера проходит красной нитью через всю историю колонистов».³ Эти слова в полной мере относятся к меннонитам, общины которых за свою историю сменили несколько мест компактного проживания (Голландия, германские земли, Польша, Россия, Северная и Южная Америка) и ныне существуют практически на всех континентах. Однако кроме чисто религиозных и этнических причин миграции, не на последнем месте у меннонитов была экономическая выгода, ибо «они умеют одинаково твердо держать руку, как на Библии, так и на кошельке».⁴

В конце XIX – начале XX вв. на территории современной Оренбургской области появились четыре дочерних поселения колонистов: три меннонитских и одно лютеранско-католическое. Каждое из них имело свои особенности переселения. Рассмотрим их в хронологическом порядке по времени прибытия колонистов.

Первое поселение колонистов на территории современной Оренбургской области было основано меннонитами в 1890 году и получило название Ново-Самарское, т.к. до 20-х гг. XX в. Бузулукский уезд относился к Самарской губернии. Старо-Самарские колонии (ныне это Новоузенский и Николаевский районы Самарской области) заселялись в 50-60 гг. XIX в. и являются, по всей

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 7486. Л. 115.

² Там же. Л. 128.

³ Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. - М., 1997. – С. 226.

⁴ Ипатов А.Н. Меннониты. - М., 1978. – С. 115.

вероятности, последним примером переселения меннонитов (не считая Волынь) из-за границы в Россию. Условия их водворения оставались такими же, как и ранее в Екатеринославской, Таврической, Херсонской губерниях. При въезде в Россию они платили по 350 талеров, которые на месте им возвращались на обустройство. Семья получала 65 десятин земли. Колонисты селились на казенных землях.¹

Совершенно иные условия переселения наблюдаются через 30 лет в Ново-Самарских колониях. Причинами массового переселения колонистов из материнских колоний Юга России стали процессы обезземеливания, об опасности которых предупреждал в 1860 г. чиновник особых поручений Крокус, занимавшийся вопросами миграции в Министерстве государственных имуществ: «Не следует упускать из виду, что у нас еще нет пролетариата, что в более развившихся европейских государствах его в свое время не было, что этот класс и у них развился постепенно и что поэтому нужно противодействовать наплыву такого рода людей не только массами, но и отдельными семействами. Уже из водворенных в последнее время меннонитов [так в тексте] многие нуждаются в капиталах... начинают уже быть бременем для общества». ² «Ничто так не связывает человека с интересами государства, - продолжал Крокус, - как владение недвижимою собственностью... только те семейства, которые не находят работы, предаются разврату и делаются тяжелым для общества и государства бременем». ³

Процесс обезземеливания (или по Крокусу – пролетаризация) начался в колониях Таврической, Херсонской, Екатеринославской губерний еще в 1860-1870 гг. Этому способствовала принятая в меннонитских обществах система наследования, когда земельный надел и имущество не делились между сыновьями, а переходили одному из них. В среднем в семьях меннонитов было по 8 детей.⁴ Именно эти безземельные и стали дрожжами недовольства и первыми кандидатами... на выделение и выселение из

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13757. Л. 5.

² Там же. Л.9об.

³ Там же. Л. 12об.

⁴ Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). – М., 1995. – С. 8.

колоний. К середине XIX века они уже составляли в некоторых меннонитских колониях до 56% семей.¹

К этому времени правительство уже прекратило бесплатную раздачу наделов, и единственным выходом из ситуации было создание новых колоний на арендованной или купленной земле. Постоянный рост арендной платы и цен на землю (за период только с 1882 по 1907 гг. цены на юге России поднялись с 30 до 300 руб. за десятину, а полное хозяйство колониста в 60 десятин вздорожало за полвека с 3 до 25 тыс. руб.) заставил общины обратить свой взгляд на Восток, где цены на землю были в несколько раз меньше.²

В сентябре 1890 года земельными комиссиями поселян-собственников Гальбштадтской и Гнаденфельдской волостей Бердянского уезда Таврической губернии были приобретены смежные земли в Юмуран-Табынской и Тоцкой волостях Бузулукского уезда Самарской губернии. В общей сложности было закуплено 20 388 десятин земли, принадлежащей ранее самарскому купцу И.М. Плешанову, кандидату прав А.Н. Хардину и бузулукскому купцу Ф.Ф. Красикову.³

С учетом всех расходов окончательная цена установлена в среднем по 34 руб. за десятину. Общая сумма сделки составила 644 417 рублей.

Часть стоимости всей земли была оплачена сразу: 125000 рублей – задаток и 52 330 рублей 85 копеек – при заключении договора. Оставшуюся сумму материнская община обязалась выплачивать в течение 3 лет, для чего в Донском и Дворянском аграрных банках был взят кредит на срок 43 ½ лет.⁴

В год покупки земли было составлено «Положение о заселении Самарской губернии Бузулукского уезда».⁵ Все переселенче-

¹ Малиновский Л.В. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на восток в XIX - начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. - М., 1998. – С. 91.

² Там же. С. 92.

³ Государственный архив Самарской области (далее ГАСО). Ф. 3. Оп. 226. Д. 16. Л. 2-2об.

⁴ Чибилев А.Г. К вопросу о заселении немцами Южного Урала // Немцы и Оренбургский край: Сборник материалов и тезисов. – Оренбург, 1994. – С. 19-21.

⁵ Хранится в Подольском народном музее Красногвардейского района Оренбургской области.

ские мероприятия проводились в строгом соответствии с этим положением, поэтому его необходимо рассматривать, как основной (и единственный сохранившийся) документ по заселению немцами Ново-Самарской дочерней колонии. В положении предусматривалось переселение двух категорий колонистов: вольнопокупателей и безземельных. Первые привлекались потому, что у общины не было средств, чтобы полностью уплатить за землю, а они, как люди состоятельные, должны были сразу же внести почти половину суммы. Приобретение земли безземельными осуществлялось на льготных условиях: треть стоимости участка они выплачивали общине без процентов в течение 10 лет; 2/3 с процентами – Донскому и Дворянскому аграрным банкам в течение 43 ½ лет. В положении подчеркивалось, что эти граждане и их родители должны быть действительно безземельными или иметь незначительный участок в материнской колонии. Всего предусматривалось переселить 60 семей вольнопокупателей из расчета 80 десятин на семью, остальная земля отводилась безземельным по 40 десятин.

Положением также регламентировалось расположение и размер колоний, обязанности колонистов. Они были направлены на улучшение землепользования и повышение культуры земледелия. Так, в одной колонии должно было поселиться 30 семейств, имеющих 40 десятин земли. На двор и огород отводилась 1 десятина. Ширина двора устанавливалась в 40 сажень. При заселении рекомендовалось избегать расположения колонии с востока на запад. Владелец, имеющий 80 десятин, обязан был посадить лес на полдесятины, а владелец 40 десятин - 1/4 десятины. Посадку леса переселенцы должны были закончить в течение 10 лет, по желанию и раньше.

Чтобы население вновь образованных колоний могло обеспечивать землёй своих потомков, из общей площади землепользования исключались 1400 десятин, которые считались общинной арендной землёй. В эти земли вошли водяная мельница на реке Ток и каменоломня на правом берегу этой реки. Доход от арендованной земли пополнял общую кассу, а затем использовался для покупки земли безземельным членам общества. Таким образом, материнские колонии позаботились об обеспечении землёй потомков переселенцев.

В первом же 1890 году на купленных землях в Бузулукском уезде Самарской губернии были основаны 3 колонии – Каменец, Плешаново и Красиково. Здесь поселились меннониты из числа вольнопокупателей. Безземельные семейства стали селиться только в 1891 году. В течение 1891 - 1892 гг. здесь были основаны ещё 13 колоний: Богомазово, Ишалка, Долинск, Донской, Клинок, Юговка, Калтан, Луговск, Подольск, Кутерля, Аненское, Владимировка, Равнополь. В 16 колониях поселились 424 меннонитских семьи.¹ По сведениям Самарского губернатора, на 1903 год в Бузулукском уезде существовало 19 поселений немецких колонистов с населением в 2720 человек, в их владении находилось 20 443 десятины земли; казенных земель в распоряжении поселенцев не было.²

Каждая волостная земельная комиссия из губерний юга России приобретала землю самостоятельно, поэтому условия заселения разных дочерних колоний несколько отличаются. Земельная комиссия меннонитов Хортицкой волости Александровского уезда Екатеринославской губернии, закупила в 1893 году 14 тысяч десятин земли в Оренбургской губернии у помещиков Деевых в среднем по 28 рублей за десятину. Безземельным гражданам отводилось так же по 40 десятин. Они получали по 200 рублей подъемных и на 2 года освобождались от уплаты долга материнским колониям.³

В 1894 году были образованы первые пять колоний. Долгое время у них не было названий, и они именовались по номерам: № 1 (Хортица), № 2 (Петровка), № 3 (Сыпай, затем - Канцеровка), № 4 (Каменка), № 5 (Деевка). В следующем 1895 году была основана колония № 6 (Николаевка) и ещё через год, в 1896-м, – № 7 (Федоровка) и № 8 (Романовка).⁴ У этого поселения нет официального названия, но большинство исследователей называют его «Деевским».

¹ Вальде И. Они были первыми // Красногвардеец. – 1991. – 5 декабря.

² Сеселкина Л.М. Обзор материалов Российского государственного исторического архива по теме «Немцы Оренбуржья» // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург, 2000. – С. 116.

³ Энс М. Большое путешествие // Звезда. – 1989. – 25 июля.

⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 219. Л. 10об.

Через год, в 1893 – 1894 гг., земельная комиссия меннонитов Молочанской волости Бердянского уезда Таврической губернии закупила у помещиков Шихобалова и Субботина 11 000 десятин земли для основания 8 сёл по 30-40 дворов в каждом. Здесь в 1895 году были заселены семь колоний: Карагуйская, Черно-Озерная, Клубниковская, Кубанская, Камышевская, Степановская, Алисовская. В 1897 году основано восьмое село – Зеленевская.¹ Некоторые исследователи называют это поселение «Молочанским», хотя в последующие годы на этих землях селились колонисты из Пришибской волости Таврической губернии, а по соседству в 1899 г. Хортицкой волостью Екатеринославской губернии была куплена земля ещё для шести колоний. В 1900 - 1901 гг. здесь возникли Долиновка (№ 9), Родничное (№ 10), Добровка (№ 11), Кичкасс (№12), Суворовка (№ 13) и Претория (№ 14).²

Всего к началу XX века в смежных Абрамовской и Кипчакской волостях Оренбургского уезда Оренбургской губернии (Деевское и Молочанское поселения) было основано 22 поселка меннонитов, в которых в 1902 году, по нашим подсчетам, проживало не менее 3300 человек. В 1905 году эти колонии входили в одну волость – Бурзян-Кипчакскую и в списке населенных мест, входящих в район 3-го земского участка Оренбургского уезда, значились уже 23 колонии, последняя из них – Сабангул. Судя по архивным документам, Сабангул был основан в промежутке между 1901 и 1905 гг. По данным К.Э. Линдемана, к 1916 году в этих новых поселениях уже насчитывалось 800 хозяйств с населением 2265 мужчин и 2289 женщин.³ Несмотря на то, что колонисты Деевского и Молочанского поселений приехали из разных волостей и даже губерний юга России, в хозяйственном, культурном, религиозном отношении они были одной большой колонией, которая затем выделилась в самостоятельную Уранскую волость, а в 30-х годах – самостоятельный Кичкасский район.

Год, предшествующий заселению колонистов, оказался для Оренбургской губернии неурожайным. Оренбургский губернатор

¹ Нейфельд М.Я. Судьбы поколений. - Оренбург, 1995. – С. 7-8.

² ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 219. Л. 11; Ф. 14. Оп. 2. Д. 240. Л. 120.

³ Линдеман К.Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников. Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 г.; 10, 15 июля и 19 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние Южной России. - М., 1917. – С. 182-183.

В.И. Ершов в отчете за 1893г. докладывал: «Значительная часть хлебных посевов пострадала от града, мороза, засухи и вредных для полевой растительности животных и насекомых... Более всего в этом отношении пострадал Оренбургский уезд, так что... в пяти волостях... получился полный неурожай».¹

В своем отчете губернатор, сопоставляя результаты среднего в губернии урожая за последнее десятилетие,² приходит к выводу, что за этот период времени хорошие урожаи были в Оренбургской губернии довольно редко и что в деле хлебопашества местное население чаще всего терпит убытки. Однако губернатор прекрасно понимал, что не всё зависит от погодных условий и добавляет: «В таком упадке экономического благосостояния весьма немаловажное значение имеет также и самое отношение сельских хозяев в деле эксплуатации производительных сил почвы. Недостаток в умении пользоваться природными богатствами служит причиной значительного во многих местах истощения почвенного слоя, а отсутствие знания и надлежащего усердия в обработке земли ставят громадное большинство местных поселян относительно результатов их сельскохозяйственной деятельности в полную зависимость от чисто естественных – атмосферических, почвенных и т.п. причин, обуславливающих столь часто повторяющиеся в Оренбургской губернии недороды хлебов».³ Эту новую мысль губернатора доказали колонисты.

В первый после переселения год колонисты не старались вспахать всю землю, засевали только «мягкую» (так русские из соседних сел называли ранее вспаханную землю), оставляя целину на следующий год, т.к. надо было строить жилища к зиме. А часть пашни арендовали в ближайших селах, что позволяло им заготовить необходимое количество хлеба.⁴ В письме-воспоминании первые жители колонии № 4 (Каменка) Якоб Гейде, Якоб Тевс и Герман Нейфельд пишут: «После окончания полевых работ приступили к разметке села, где каждый по жребию

¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 63. Л. 83.

² В 1883 - сам 4, в 1884 - сам 7, в 1885 - сам 3,5, в 1886 - сам 4, в 1887 - сам 2,8, в 1888 - сам 1,7, в 1889 - сам 1,8, в 1890 - сам 1,9, в 1891 - сам 0,8, в 1892 - сам 5 и в 1893 - сам 3,3.

³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 63. Л. 83об.

⁴ Нейфельд М.Я. Судьбы поколений. - Оренбург, 1995. - С. 7.

получал номер участка. На нем семья строила своё временное жильё - шалаши, землянки. Позже стали строить дома из самана. Первый урожай был хорош, но из-за ранних заморозков мы не успели его полностью убрать. Материнская колония помогала нам деньгами, одеждой, семенным зерном, лошадьми».¹

По воспоминаниям П. Дика, в близлежащих русских деревнях водяные мельницы давали только грубый размол. Муку тонкого размола можно было получить в Оренбурге, куда в первые годы освоения целины и возили зерно меннониты Деевского и Молочанского поселений. У владельца паровой мельницы Оберлендера колонисты могли брать муку в кредит до нового урожая.² В конце 1890-х гг. в колониях появились свои первые мельницы. На реке Уран водяные мельницы построили Якоб Фризен из села Степановки и Генрих Янцен из Долиновки. «Мельницы-каторги», где размельчение зерна шло посредством конного привода, появились в Николаевке, Деевке, Каменке. В 1900 г. в Кубанке была построена мельница, работающая от локомотива. Но все эти предприятия были маломощными и не могли удовлетворить потребности населения в переработке зерна. В 1906 г. «каторгу» в Деевке переоборудовали в паровую. Она была оснащена валиками и мучными ситами для разного размола. В том же году в колониях меннонитов по инициативе Якоба Вибе и Петера Коопа был создан семенной фонд на случай засухи.³

К 1912 году, когда дочерние колонии стали самостоятельными, перерабатывающие предприятия были открыты практически в каждом селе: мельницы, кузницы, маслобойни, сыроварни. Они обслуживали не только колонистов, но и крестьян соседних русских, башкирских, татарских сел.

Переселение в Оренбуржье немцев католического и лютеранского вероисповедания носило менее организованный характер, чем меннонитов, и менее массовый. Колонии лютеран и католиков основывались примерно в это же время, т.е. в 1890-е годы, и, в основном, в окрестностях Оренбурга. Эти населенные пункты

¹ Цит. по: Энс М. Большое путешествие // Звезда. 1989. 25 июля.

² Бахарева О.Я. Развитие мукомольного производства в оренбургских колониях меннонитов // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург, 1998. – С. 23.

³ Там же. С. 24.

представляли собой небольшие хутора с числом жителей от нескольких человек до нескольких десятков. К 1898 году в Оренбургском уезде насчитывалось 11 лютеранских, 6 католических и 10 смешанных хуторов. Самым большим был хутор Мещерякова (Фриденсталь) у Перовского поселка Богуславской станицы, в нем жили 96 немцев-лютеран. На двух смешанных хуторах Пашкова в Дмитровской волости и Меркурьева у Павловской станицы проживало соответственно 68 и 38 человек, в остальных было гораздо меньше.¹ Некоторые хутора основывались на арендованных землях и были временными. После окончания срока аренды колонисты переселялись на новые земли. Так, в 1898 году жители хутора Михайловского Дмитровской волости переехали на хутор Григорьевка на землю Пашкова той же волости.² Кроме Оренбургского уезда хутора немецких колонистов в начале XX века находились в Орском уезде: хутор Султакай (167 человек) и хутор Фейтенсеймерский (67 человек) и в Троицком уезде: колония на арендованной земле у Верхнеувельского поселка в числе 94 жителей.

В немецких колониях Оренбургского уезда к 1903 году, по нашим подсчетам, проживало около 3500 меннонитов и около 1300 католиков и лютеран. Количество жителей в колониях постоянно увеличивалось, т.к. в эти поселения прибывали безземельные переселенцы из западных губерний. Немецкое население меннонитских колоний было очень разобщено и в силу территориального фактора (их хутора располагались в разных частях уезда чересполосно с русскими, башкирскими, татарскими, украинскими селами), и в силу религиозного фактора (в немецких хуторах проживали не только лютеране и католики, а также евангелические сепаратисты, баптисты).

По данным Е.Я. Нейфельд, к 1915 г. в Оренбургском уезде было 55 колоний и хуторов католиков и лютеран, 22 колонии и один хутор меннонитов. В целом в Оренбуржье, включая Ново-Самарское поселение, было около 10 тысяч немцев крестьян. В течение двух десятилетий они освоили 106 853 десятины земли,

¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 409. Л. 29.

² Там же.

которая преимущественно была целинной.¹

После 1917 года несколько раз изменялось административно-территориальное деление Оренбуржья, в результате чего немецкие колонии оказывались в разных волостях и даже уездах. Например, в 1925 году 41 хутор лютеран и католиков относился к 2 уездам (Оренбургскому и Каширинскому) и 9 волостям. Лишь Деевско-Молочанское меннонитское поселение после создания в 1918 году Уранской волости территориально и административно являлось одной большой колонией.

Уровень экономического развития немецких хозяйств Уранской волости, несмотря на отрицательное влияние I мировой войны, был достаточно высок. На 5663 человека (это примерно 800 хозяйств) приходилось 3890 коров и телят, 3592 лошади, 1599 свиней, 2071 овца.² Почвообрабатывающей и хлебоуборочной техникой хозяйства также были неплохо обеспечены. Приведенная ниже таблица по трем селам волости отражает примерное состояние всех немецких хозяйств:

Села	Число хозяйств	Плуги	Многолемешные плуги	Сноповязалки	Жатки, жнейки	Мололотилки	Веялки	Бороны	Сеялки
Карагуй	40	36	22	5	19	7	16	33	18
Камышовка	38	19	20	3	15	8	16	42	14
Зеленое	29	19	18	1	17	11	17	36	12

За 25 лет на степных землях немецкие колонисты создали развитое по тем временам сельскохозяйственное производство, огородничество, наладили кузнечное и слесарное дело, торговлю. За это время в немецких поселениях произошла качественная эволюция социально-экономических отношений. Если в первые годы после переселения все без исключения хозяйства были обеспечены землей, то к 1917 году примерно половина семейств были безземельными. Например, в колонии Петровка 30 из 62 семей не имели земли³, а некоторые колонисты владели участка-

¹ Нейфельд Е.Я. Российские немцы в Оренбуржье // Немцы и Оренбургский край: Сборник статей и тезисов. – Оренбург, 1994. – С. 13.

² Нейфельд М.Я. Судьбы поколений. – Оренбург, 1995. – С. 29.

³ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

ми по 80-100 десятин. Экономический кризис не наступал по двум причинам:

- желающим отводились участки на запасных землях (так были образованы две новых колонии Любимовка и Погорное);
- безземельные могли заниматься торговлей, кузнечным, мельничным, сыроваренным делом. С развитием крестьянских хозяйств эти сферы деятельности с каждым годом получали все большее распространение.

Главной причиной переселения меннонитов в Россию были религиозные гонения. Миграция внутри страны, образование дочерних колоний на Южном Урале, в Средней Азии и Сибири было вызвано земельным кризисом на Украине и в Центральной части России. Немецкие колонисты попали в русло переселенческой политики правительства после отмены крепостного права в 1861 году, когда десятки тысяч крестьян устремились на восток. Приобретая землю за немалые деньги, колонисты приложили максимум усилий для того, чтобы хозяйство как можно быстрее окрепло, стало приносить прибыль. В самые трудные первые годы меннониты опирались на помощь материнских колоний. С Украины везли они семенной материал, элитные породы скота, сельскохозяйственный инвентарь. Связь была настолько тесной, что более 20 лет оренбургские колонисты были приписаны к своим прежним обществам на Украине, которые руководили всей работой дочерних колоний.

В Оренбуржье прибывали не только безземельные граждане, но и зажиточные колонисты, которые сразу приобретали огромные наделы земли (80 и более десятин), строили мельницы, маслобойни, сыроварни, кузницы. На обустройство своих селений и подъем хозяйства меннонитам требовалось 2-3 года. За короткое время в степной зоне были созданы образцовые аграрные предприятия. Таким образом, немецкие и меннонитские колонисты несли на новые земли более высокую культуру земледелия, новые ремесла, современную технологию переработки сельскохозяйственной продукции. Это имело большое значение для дальнейшего экономического развития Оренбургского края, улучшало землепользование на новых землях.

§2. Культурная и религиозная жизнь колонистов. Роль местной печати в консолидации диаспоры

Большинство поселившихся в Оренбуржье колонистов (23 колонии в Оренбургском уезде и 16 - в Бузулукском) принадлежали к особому течению в протестантизме - меннонитству, возникшему в 30-х гг. XVI в. в Нидерландах. К моменту переселения меннонитов в Россию в конце XVIII в. постоянные притеснения и гонения со стороны официальной церкви различных этнических групп меннонитов (голландцев, фламандцев, фризов, северных немцев) объединили их в единую этноконфессиональную общность. Вековая обособленность привела меннонитов к идее «особой нации» со своим языком, культурой, религией.¹ Вся их духовная культура, быт были подчинены религиозным законам. И даже земледелие они воспринимали как следование библейским предписаниям и одну из религиозных обязанностей.² Основными звеньями передачи этноконфессиональных традиций были: семья, школа, община. Вот почему в первый же год переселения колонистов с Юга России в Оренбуржье сразу же при планировке улиц в самом центре будущего села отводилось место под молитвенный дом и школу. Тогда же колонисты возбудили ходатайства перед губернским начальством об открытии «всецело за счет местных средств» школ грамоты и о постройке молитвенных домов. Несмотря на нехватку времени и рабочей силы почти во всех колониях, основанных в 1894 - 1895 гг., к 1898 году были возведены помещения для школы.

«Оренбургская газета» сообщала: «Занятия предполагалось вести с 15 сентября по 15 мая, а учителей приглашать из Гальбштадтского и других центральных меннонитских училищ».³ Учебники «Русская речь» Вольпера, задачник Гольденберга и другие были одобрены учебным комитетом при Министерстве народного просвещения. Колонии предоставляли учителю отапливаемое жилое помещение, выделяли средства на его содержа-

¹ Остроух И.Г., Шервуд Е.А. Немцы в России: Исторический очерк // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. – С. 43.

² Ипатов А.Н. Меннониты. – М., 1978. – С. 20.

³ Оренбургская газета. 1898. 29 октября.

ние (от 300 рублей ежегодно) и приобретали необходимые учебные пособия. Первыми ходатайствовали об открытии школ колонии Алисово, Сыпай (№ 3), Карагуй, Деевка и Петровка.

С разрешением о строительстве молитвенных домов одними из первых обратились меннониты Камышевки и Каменки. Однако губернское начальство, не разбираясь в особенностях меннонитского вероучения и ссылаясь на Закон об управлении дел христиан протестантского исповедания, рекомендовало обратиться в Московскую евангелическо-лютеранскую консисторию.¹

В некоторых колониях одно и то же помещение использовалось и под школу, и под молитвенный дом. Одна стена была подъемной, днем ее опускали, разделяя здание на классы, а вечером поднимали.² Были случаи, когда богатые колонисты сдавали под школу и квартиру учителю комнаты в своих обширных домах. О таком факте сообщала «Оренбургская газета» в 1908 году: «Сначала сюда был назначен учитель из русских с соответствующим образованием, но немцы пожелали иметь учителя из своей среды и выписали из места прежнего жительства меннонита. Занятия начаты на немецком языке, потом предположено перейти на русский. Курс школы шестилетний; с четвертого года обучения будет проходить латинский язык».³ Одна из первых учениц колонистской школы Мария Францевна Вольф (1898 – 1989) вспоминала: «Занятия начинались в 8 часов детским хоралом и продолжались часов до 5 вечера. Все предметы, кроме русского языка, велись на немецком языке. Дети сидели за партами шестером и все классы в одном помещении. По окончании школы проводились экзамены».⁴

Все немецкие школы по Указу от 1 мая 1881 года находились в ведение Министерства народного просвещения. Однако должного влияния на программу обучения министерство не оказывало. Немецкие колонисты пытались изолировать свою жизнь от русского языка, что вызывало справедливые нарекания со стороны некоторых государственных структур. В 1902 г. командуя-

¹ Оренбургская газета. 1898. 20 ноября.

² Федорова А.В. Немецкие колонии на землях войска Оренбургского // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. – Оренбург, 1998. – С. 27.

³ Оренбургская газета. 1908. 3 января.

⁴ Цит. по: Энс М. Развитие немецких сел с 1894 по 1917 гг. // Звезда. 1989. 27 июля.

щий войсками Московского военного округа сообщил императору: «Немецкие колонисты, назначенные в части войск вверенного мне округа, отличаются полным незнакомством с русским языком и очень тихо усваивают его на службе. Это вредно отзываясь на подготовке их, как молодых солдат, затрудняя первоначальное обучение».¹ На что Николай II заметил: «Это очень меня удивляет». После этого Министерство внутренних дел, признавая, что «возбужденный Его Императорским Величеством вопрос имеет весьма серьезное в государственном смысле значение», потребовало от губернаторов срочно обратить «внимание на изучение русского языка в немецких колониях, из которых многие существуют в России более ста лет, и тем не менее колонисты не желают освоиться с языком нашей родины, которая оказала им такое широкое гостеприимство».²

Выясняя причины незнания колонистами русского языка, начальник 5 участка Новоузенского уезда докладывал Самарскому губернатору:

«Первая и одна из главных причин - это отправление исключительно на немецком языке всех церковных обрядностей [так в тексте] и проповедей; вторая - это врожденное самомнение, подкрепленное сознанием превосходства, основанного на некоторых бывших преимуществах ...а также непозабытого ещё звания культуртрегеров с убеждением, что не они, а у них должны учиться; третья - недостаточное распространение школ с правильным изучением русского языка и необязательность для всех мальчиков и девочек этого изучения».³

Начальник 1 участка Николаевского уезда Самарской губернии добавил, что «в настоящее время [имеется в виду начало XX века] разбогатевшие колонисты, ведя крупные торговые операции, приходя в столкновение с внешним торговым миром... знают русский язык... вполне сознают необходимость изучения его и... дают своим детям соответствующее образование».⁴ Были опрошены и колонисты о причинах незнания ими русского языка. Жи-

¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. 3. Оп. 119. Д. 57. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 19об.

тели села Зихельберг Новоузенского уезда сказали, что с самого начала их перехода из Германии в Россию они поселены отдельно от русского народа и занимаются мирно и трудолюбиво исключительно земледелием на отведенной им правительством земле, не имея других промыслов вне их оседлости, поэтому и не имеют никакого сношения с русским народом для изучения русского языка.¹

Не желая в полной мере допускать государственный русский язык в свои национальные школы, меннонитские общественные деятели выдвинули лозунг: «Судьба немецкой школы будет перспективной, если объединятся пастор, учитель и представители общины».² Первые шаги по объединению колонистской общности предпринимаются в 1905 г., когда было создано «Южно-русское немецко-евангелическое общество». Через два месяца возникло «Общество поощрения духовного развития немецких колонистов в России», переименованное в 1906 г. в «Южно-русское немецкое просветительское общество». В том же году возник «Молочанский меннонитский союз учителей», а в августе 1907 г. – «Союз учителей Поволжья». В марте 1907 г. было зарегистрировано «Общество по подъему образования колонистов Оренбургской губернии». Его учредителем выступил поселянин колонии Претория Петр Петрович Дик.³ В инициативную группу вошли Г. Козловский, Г. Фогт из Претории, вдова Маттис, И. Дик из Карагуя. Они предложили построить центральную школу в колонии Претория. Согласно уставу, каждый член общества был обязан внести 50 рублей вступительных и по 10 рублей членских взносов. Ежегодный взнос за обучение ученика составлял 30 рублей. Сразу после создания общества в него вступило 50 самых зажиточных колонистов.⁴ В мае 1908 г. с прошением об утверждении устава меннонитского училищного общества к Самарскому губернатору обратились поселяне собственники Юмуран-Табынской волости Бузулукского уезда. Ответ пришел только в ноябре. Самарское губернское по делам об обществах и союзах

¹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 119. Д. 57. Л. 55об.

² Шлейхер И.И. Пособие по истории российских немцев. – Славгород, 1992. – С. 78.

³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/8. Л. 5.

⁴ Нейфельд М.Я. Судьбы поколений. – Оренбург, 1995. – С. 16.

присутствие, высказав несколько формальных замечаний, «не признало возможным утвердить устав общества».¹ Устав Донской (Донского) меннонитского училищного общества Самарской губернии был утвержден лишь после третьего обращения, в июне 1909 г. Цель общества: «Дать возможность пополнять детям в своей среде свои познания... в русском и немецком языках, Законе Божиим и других науках в дополнительном к нашим начальным школам общеобразовательном училище, меж колонистов меннонитского вероисповедания». В соответствии этому ставилась и задача: «Открыть и содержать из своих средств русско-немецкое общеобразовательное училище с программой Центральных училищ с трехлетним курсом в кол. Донской... руководствуясь при этом законами о народном просвещении».² К улучшению качества образования, которое у меннонитов было в основном религиозным, ибо только грамотный человек может прочитать Библию, колонисты стремились и после революции 1917 г. В мае 1918 г. в колонии Добровка было создано «Общество подъема образования меннонитов Оренбургской губернии». Общество планировало читать рефераты по всем отраслям знания, для чего приглашать «когда и где представится возможность» доцента или профессора, устраивать общедоступные литературные вечера, наглядные народные чтения, чтобы дополнить и расширить образование меннонитов, способствовать поднятию их умственного уровня. Главная цель общества – основать библиотеку из добровольно пожертвованных членами общества книг, составить примерный каталог для библиотек меннонитских начальных училищ Оренбургской губернии.³ За первый же месяц «Общество подъема образования меннонитов» создало народную библиотеку приблизительно в две тысячи книг.⁴ К 1 января 1915 г. в Оренбургском уезде было 23 русско-немецких школы, т.е. в каждой меннонитской колонии, с количеством учеников – 475 мальчиков и 344 девочки.⁵

Школы в меннонитских колониях назывались русско-

¹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 124. Д. 96. Л. 7.

² Там же. Л. 12-12об.

³ ГАОО, Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 84. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 11об.

⁵ Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 145. Л. 35-36.

немецкими лишь формально, т.к. входили в ведение Министерства народного просвещения. Русский язык изучался в них как иностранный, и основным предметом был Закон Божий. И неудивительно, так как и при царской власти, и при советской (вплоть до конца 30-х гг.) колониетские школы содержались за счет населения.¹

Плохое знание русского языка фиксировалось и позже. Рассматривая в июне 1938 года вопрос о переводе немецких школ на русский язык, бюро Оренбургского обкома ВКП (б) отмечало, что кроме трех школ (в поселках Цветная Пустошь, Погромное Павловского района и селе Вознесенское Сакмарского района) «учащиеся всех остальных начальных школ Люксембургского, Кичкасского, Буртинского, Соль-Илецкого, Сакмарского и АкБулакского районов плохо владеют разговорной русской речью или же совсем не знают её».²

Религия влияла на все сферы духовной жизни колонистов, в том числе на воспитание и образование подрастающего поколения. 1 июня 1918 года Уранской земской волостной управой Оренбургского уезда был получен экземпляр декрета об отделении школы от церкви, а 15 июня на волостном собрании в проект устава школьной комиссии была демонстративно внесена поправка об обязательном преподавании Закона Божьего в школах.³

В 1924 году в докладе губкома РКП (б) о сектантском движении в Оренбургской губернии был отмечен «случай полного влияния сектантов на школу (преподавания религии и проч.)» в Уранской волости.⁴

Религия, пронизывающая все стороны жизни меннонитов, ко времени переселения колонистов в Оренбуржье не была единым духовным институтом. В 60-е гг. XIX в. в меннонитстве оформился раскол на братскую и церковную общины. В братской меннонитской общине более требовательно относились к прихожанам, следя не только за внешним исполнением духовных заповедей, но и вторгаясь в хозяйственную, семейную, личную жизнь

¹ Смычка. 1930. 28 марта.

² Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДНИ ОО). Ф. 371. Оп. 2. Д. 391. Л. 95.

³ Ипатов А.Н. Меннониты. – М., 1978. – С. 140.

⁴ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 797. Л. 3.

колониста. К примеру, братские меннониты резко осуждали курение, употребление спиртных напитков, красивые одежды, веселые песни и танцы, пышные свадьбы, тогда как в церковной общине к этому относились более лояльно.

Приверженцы разных направлений меннонитства на новом месте объединялись в разные общины, даже поселяясь в одной колонии в соседних домах. Так, в первых восьми колониях переселенцев из Хортицкой волости Екатеринославской губернии (Хортица, Петровка, Сыпай, Каменка, Деевка, Николаевка, Федоровка, Романовка) в 1898 году насчитывалось 614 последователей церковного меннонитства и 61 представитель братской общины.¹ Последние в документе записаны как «баптисты», но их официальное объединение с евангельскими христианами-баптистами оформилось лишь в 1963 г.² В 1924 году на территории меннонитских колоний Оренбургского уезда насчитывалось 5 общин, причем в колонии Карагуй находились центры двух общин – Николаевской и Карагуйской. Если судить по количеству членов (а последователей братского направления было всегда меньше), то Николаевская община (561 человек) объединяла церковных меннонитов, а Карагуйская (162 человека) – братских меннонитов. Братские меннониты входили также в Клубниковскую (194 человека) и Каменскую (333 человека) общины, а церковные – в Деевскую (1245 человек).³

Это подтверждает и М.Я. Нейфельд: «В год основания Каменки только 5 семей из 41 объединились в братскую общину. В 1901 году с привлечением в эту общину верующих из других сёл, братская община стала самостоятельной. С 1905 по 1910 годы эта община разделилась на три братские общины с центром в Каменке, Клубникове и Карагуйе... Церковная община была многочисленна».⁴

Поселившиеся в конце XIX – начале XX вв. колонисты различались не только по особенностям вероисповедания, но и долгое время тяготели к материнским колониям. Так, меннониты 15

¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 409. Л. 13

² Ипатов А.Н. Меннониты. – М., 1978. – С. 162.

³ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 797. Л. 6-7.

⁴ Нейфельд М.Я. Судьбы поколений. – Оренбург, 1995. – С. 21.

колоний, прибывшие из Хортицкой волости Екатеринославской губернии, объединились в Деевскую церковную общину, а меннониты-церковники, прибывшие из Молочанской волости Таврической губернии и поселившиеся в 8 соседних колониях, основали свою общину с центром в колонии Карагуй.

Самая большая меннонитская община – Деевская церковная 5 сентября 1902 года на сельском сходе приняла решение о строительстве молитвенного дома, но по разным причинам молельня не была построена сразу. К этому вопросу вернулись лишь через 10 лет, в декабре 1912 года, а за разрешением к губернскому начальству обратились ещё позже – в конце 1914 года. Уполномоченный от жителей Деевской колонии Кипчакской волости Абрам Абрамович Фрезе к ходатайству приложил все документы: и приговор Деевского сельского схода от 5 сентября 1902 г., и постановление общины от 31 декабря 1912 г., а также проект плана постройки молитвенного дома и два удостоверения старшины Хортицкой меннонитской общины Екатеринославской губернии от 9 апреля и 14 июня 1914 года.¹

Строительное отделение губернского правления дало заключение о «неимении с технической стороны препятствий на постройку, Оренбургская же Духовная Консистория находит разрешение постройки означенного молитвенного дома не только неправильным, но и не допустимым», – сообщал в Департамент духовных дел при МВД Оренбургский губернатор Тюлин.² Консистория ссылалась на особые условия местоположения немецкой колонии, «расположенной в той части Оренбургской губернии, где православные жители находятся в близком соседстве с последователями разнообразных сект рационалистического толка; таким образом, по мнению Консистории, вновь открытый молитвенный дом являлся бы опорой в делах сектантской пропаганды».³

Департамент духовных дел МВД не отказал в разрешении на постройку дома, но, учитывая мнение консистории, намекнул губернатору: «Не следует ли признать постройку означенного мо-

¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3032. Л. 6.

² Там же. Л. 11об.

³ Там же. Л. 2об.

литвенного дома, независимо от технической стороны дела, нежелательной по религиозным соображениям»¹ и просил губернатора информировать об окончательном решении.

Принятие окончательного решения и переписка по этому поводу продлилась несколько лет. Затягивая решение вопроса, губернатор цеплялся за формальности и для начала запросил выяснить у меннонитов такие сведения: «1) все ли проживающие в кол. Деевской принадлежат к меннонитскому вероисповеданию, и ... какие они имеют к тому доказательства; 2) все ли они состоят в русском подданстве и могут ли подтвердить это документально, так как из 22 подписей, имеющих под приговором от 5 сентября 1902 г., только 13 подписей сделаны по-русски, а остальные девять – по-немецки; 3) какое отношение имеет Хортицкая меннонитская община Екатеринославской губернии к меннонитам, проживающим в Деевской колонии; 4) кем и когда утвержден образец печати Деевского меннонитского общества, которой пользуются меннониты Деевской колонии; 5) кем ведутся метрические книги ... и куда представляются на ревизию».² Задаваемые губернатором вопросы свидетельствуют о том, что спустя 20 лет проживания в Оренбуржье, в 70-80 верстах от губернского центра, меннониты оставались для губернии чужаками, о них мало что знали (в том числе губернатор и губернское правление), ими мало кто интересовался. Несмотря на отмену льгот меннонитам, попытки ввести преподавание в колониистских школах на русском языке, введение обязательной для всех подданных России военной службы, немецкие колонисты в Оренбуржье продолжали оставаться «государством в государстве»³ со своими органами управления, юрисдикцией, судом, замкнутым хозяйством.

Убедившись в русском подданстве меннонитов, Оренбургский губернатор, ссылаясь на Указ от 17 апреля 1905 года о свободе вероисповедания, докладывал в Департамент духовных дел: «Меннониты не лишены права свободного исповедания веры и одна лишь принадлежность просителей к меннонитскому вероис-

¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3032. Л. 2об.

² Там же. Л. 6об.

³ Чеботарева В.Г. Немецкие колонии Российской империи – «государства в государстве» // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 1. – С. 129.

поведанию не дает мне оснований высказаться в отрицательном смысле по делу о разрешении постройки в Деевской колонии... молитвенного дома».¹ Тем не менее, губернатор не только не разрешил постройку дома, но распорядился: полицейскому исправнику отобрать метрические книги, печать и «иметь неослабное наблюдение за деятельностью проживающих в колонии меннонитов, с тем, чтобы о каждом выступлении их немедленно доносить... для надлежащих распоряжений».² Меннонитской колонии было объявлено, что метрическая книга, скрепленная губернским правлением, и печать, утвержденная Министерством внутренних дел, выдается только общинам, утвержденным губернским начальством, после «внесения таковых в реестр и припечатания о сем в Сенатских и Губернских Ведомостях, для чего необходимо, чтобы сектанты, желающие образовать самостоятельную общину, подали о сем в местное губернское правление письменное заявление, подписанное не менее чем 50-ю лицами совершеннолетними, имеющими право голоса на сходе».³ В прошении о регистрации общины меннониты указывали, что «предполагается постройка трех молитвенных домов в колониях Деевке, Петровке и Кичкассе».⁴

Но и после соблюдения всех формальностей общину не зарегистрировали, не было дано разрешения на постройку молитвенного дома. Переписка продолжалась долго. И каждый год, пока тянулось дело, информацию запрашивал Департамент духовных дел. В последний раз, 5 января 1917 года, Департамент просил Оренбургского губернатора сообщить «о результатах наблюдения полиции за меннонитами и насколько собранная просителями наличность денежных средств соответствует стоимости постройки».⁵ К тому времени строительство молитвенного дома в Деевке уже шло к завершению, оставалось только оштукатурить стены, настелить полы. Из необходимых на постройку 8 тысяч рублей 3 тысячи пожертвовали материнские общины Екатеринославской губернии, остальные собирались с местных колонистов путем

¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3032. Л. 12.

² Там же. Л. 12об.

³ Там же. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 29об.

самообложения. 29 января 1917 года пристав 6 стана докладывал уездному исправнику, что «в раскладке на постройку молитвенного дома участвуют все 15 колоний... никаких выступлений в смысле религиозной пропаганды не замечается».¹

Деевская меннонитская община была зарегистрирована только 31 декабря 1916 года. И лишь в марте 1917 года уже новой властью – Оренбургским губернским комиссаром Временного правительства – Деевская меннонитская община была внесена в реестр сектантских общин и меннонитам были возвращены метрические книги.²

Необходимо подчеркнуть, что дочерние колонии меннонитов ещё долго тяготели к материнским, ведь до депортации в 1941 году Украина оставалась крупнейшим центром меннонитской диаспоры мира. Там издавалась литература на национальном языке, существовали центральные училища по подготовке церковнослужителей и учителей для меннонитских школ, вырабатывалась общая тактика взаимоотношений с правительством. Нередко выпускники колониетских школ из Сибири, Средней Азии, Урала направлялись для продолжения учебы на Украину, затем возвращались работать в родные села. Так поддерживалась преемственность поколений, сохранялись традиции и обычаи.

Оренбургские общины вели активную переписку со своими соплеменниками, были в курсе событий в других колониях России, Украины, Канады, Америки. С одной стороны, отгороженность от внешнего мира, с другой стороны, теснейшая связь внутри этноконфессиональной общности, несмотря на территориальную отдаленность, позволили меннонитам сохранить свою этническую и религиозную самобытность. Религиозный фактор не позволил колониетам активно взаимодействовать с местным населением, стать естественной частью местной культурной и религиозной жизни, что позднее сыграло не последнюю роль в массовой эмиграции российских немцев за границу.

¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3032. Л. 34.

² Там же. Л. 44.

§ 3. Начало войны с Германией и нарастание антинемецких настроений в обществе

Антинемецкие настроения в российском обществе появились задолго до I мировой войны. Основная причина этих настроений заключалась в росте немецкого землевладения, что происходило в основном за счет скупки земель разорившихся русских помещиков и крестьян. Не понимая сложного комплекса общественно-хозяйственных преобразований, связанных с зарождением капитализма, многие авторы конца XIX – начала XX вв. обвиняли «немецкое зло» и оплакивали судьбы русских крестьян, которые уходили на заработки в отдаленные губернии. Решающее значение на развитие антинемецких настроений в официальных кругах оказала книга А.А. Велицына «Немцы в России», изданная в Санкт-Петербурге в 1893 году.¹ Большинство правительственных указов о борьбе с «немецким засильем», появившихся с началом I мировой войны, не только основывалось на идеях Велицына, но и дословно повторяло его формулировки. Велико было реакционное воздействие главного тезиса Велицына: «Сплоченная идеей германизма, враждебная ко всему русскому и стремящаяся всячески установить свое владычество над нами, тихо, но неуклонно надвигается на нас масса немецкой национальности. Правда, здесь еще не гремят пушки и не льется кровь, но разве эти военные атрибуты так уж существенно необходимы для завоевания». В увеличении немецкого землевладения и росте числа колоний на Юге России автор видел реальную угрозу национальной безопасности: «То, что происходит на юге, есть форменное завоевание».²

Книга А. Велицына была самой обыкновенной политической провокацией. В обществе заговорили об опасности, надвигающейся с юга; реакционные органы печати подхватили сенсацию. В прессе развернулась полемика по немецкому вопросу». Тезисы Велицына были опровергнуты П.В. Каменским,³ Г.Г. Писарев-

¹ Велицын А.А. Немцы в России. - СПб, 1893. – С. 31.

² Там же. С. 32.

³ Каменский П.В. Вопрос или недоразумение? (К вопросу об иностранных поселениях на юге России). – М., 1895.

ским,¹ депутатами Государственной Думы.²

Чтобы доказать тенденциозность концепции «немецкого зла», П. Каменский в предисловии к своему исследованию писал: «С легкой руки г. Велицына... объявлена невероятная и ужасная новость: немец тайно и мирно завоевывает Южную Россию! Под этим немцем-завоевателем подразумевались наши бывшие колонисты, которые прибыли к нам более ста лет назад... и в четвертом поколении живут в России».³

Каменский видел причину возникновения антинемецкого движения в экономическом расцвете колоний. Материальное благополучие немецких колонистов, пользовавшихся на протяжении более ста лет привилегиями, вызывало ненависть определенной части российского общества. Каменский приходит к выводу, что нелепо считать «признаком антирусским высший подъем благосостояния, культуры, морали, как это делают многие. Повальное объявление части русскоподданных граждан вредными не имеет основания».⁴

В принципе, к такому же заключению, даже не вдаваясь в социально-экономические причины процесса, приходит и Велицын: «Смешно негодовать на немцев за их благосостояние... Немцы – такие же люди, и дико было бы, если бы стали требовать от них отказа от всех даруемых им земель, денег, привилегий и пр.»⁵

Развернувшаяся в российской печати антинемецкая кампания то угасала, то разгоралась с новой силой в зависимости от общественно-политической ситуации. I мировая война стала новым этапом в истории «немецкого вопроса».

До вторжения германских войск на территорию России антинемецкая кампания не затрагивала традиционных условий жизни

¹ Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в 18 в. (По неизданным архивным документам). – М., 1909; Он же: Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II. – Варшава, 1914; Он же: Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в 18 и первой четверти 19 в. – Ростов-на-Дону, 1916.

² Эйхельберг Е.А. Немецкий вопрос в Государственной Думе // Немецкий российский этнос: веки истории: Материалы научной конференции г. Москва, 24-25 июня 1993 г. – М., 1994.

³ Каменский П.В. Указ. соч. С. 3.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Велицын А.А. Указ. соч. С. 177.

колонистов, не сказывалась на их взаимоотношениях с органами власти. В июне 1914 года в Самарской губернии состоялось празднование 150-летия со времени поселения иностранных колонистов в России по манифесту Екатерины II. По ходатайству поселян колонии Екатериненштадт Николаевского уезда Самарской губернии Давида Сабельфельда, Карла Фишера, Александра Кернера и других Министерство внутренних дел разрешило учредить Комитет по празднованию юбилея.¹ Празднование состоялось 29 июня 1914 года и «носило торжественный характер... После молебна... был провозглашен тост за здравие Государя Императора и Августейшей семьи, покрытый... громким «Ура».²

В связи с началом войны с Германией и Австрией 26 июля 1914 года Николай II выступил на торжественном заседании Государственной Думы. Император выразил уверенность в том, что «на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные», вся Россия «поднимется на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце».³

Депутаты от различных национальных регионов, воодушевленные идеей единства народов Российской империи, горячо поддержали царя. О стремлении защитить Россию – свою Родину с большим чувством говорили представители польского, латышского, эстонского, еврейского народов.

Депутат от Курляндской губернии барон Фелькерзам заверил царя и членов Думы: «Верноподданное немецкое население Прибалтийского края всегда готово встать на защиту престола и Отечества... мы... по примеру наших предков готовы жертвовать жизнью и имуществом за единство и величие России».⁴

Депутат Люц выразил чувства потомков колонистов Херсонской губернии, твердо заявив, что Германия не найдет сателлитов среди немцев южных губерний: «Германские круги в своем стремлении *Drang nach Osten*, очевидно имели предположение видеть форпосты в лице немцев русско-подданных...» Россий-

¹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 282. Л. 1.

² Там же. Л. 6.

³ Чеботарева В.Г. «Немецкий вопрос» в исторической литературе России // Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы научной конференции, г. Москва, 24-25 июня 1993 г. – М., 1994. – С. 17.

⁴ Там же. С. 17.

ские немцы, сказал он, «сумеют защитить достоинство и честь великого государства и снять то оскорбление, которое могло быть нанесено одним предположением, что русско-подданные немцы могут изменить своему отечеству...».¹ Под бурные аплодисменты Люц заверил царя и депутатов Думы, что немцы Российской империи «всегда считали своей матерью и своей родной великую Россию и за достоинство и за честь этого великого государства они все, как один... сложат свои головы».²

Но идея объединения не стала мощным идеологическим фактором в условиях войны. Неудачи на фронтах обострили антинемецкие настроения в обществе. Бессмысленная гибель более миллиона русских солдат и офицеров в первый год войны, голод и лишения в тылу, массированная антигерманская и антинемецкая пропаганда в печати привели к закономерному результату: в пылу ожесточения многие уже не различали солдата германской армии – «насильника и убийцу» и немецкого колониста – верно-подданного Российской империи в четвертом или пятом поколении.

Патриотический порыв народа, выразившийся с начала войны в верноподданных демонстрациях на улицах Петрограда и Москвы, весной 1915 года сменился возмущением народа, недовольством общим кризисом. Чтобы «выпустить пар», жандармы организовали погромы немецких магазинов, лавок, различных мелких предприятий, владельцы которых подозревались в принадлежности к немецкой национальности. В Москве в погромах участвовали десятки тысяч человек.³

Погромы были спровоцированы и в других городах страны. Например, в Оренбурге волнения приняли массовый характер в мае 1916 года. Толпа солдаток и горожан разграбила тридцать (не только немецких) магазинов и хлебных лавок. Посланный на разгон толпы казачий отряд забросали камнями, ранив шестерых офицеров и 46 казаков. Лишь с помощью пехотных частей выступление было подавлено, а 188 его участников арестовано. Но

¹ Чеботарева В.Г. «Немецкий вопрос» в исторической литературе России // Немецкий российский этнос: вехи истории. – М., 1994. – С. 18.

² Там же.

³ Независимая газета. – 1998. – 27 ноября.

этот факт отмечен только спустя полтора года после начала войны.¹ А в 1914-1915 гг. оренбургские газеты пестрели верноподданническими заверениями представителей всех народов и всех сословий губернии.

В августе 1914 года меннониты Оренбургского уезда прислали в «Оренбургскую газету» письмо, в котором отмежевывались от «пруссских башибузуков», творящих «гнусные насилия»: «Нашедши в России новую родину, все узы с Пруссией мы прервали навсегда. Меннониты ничего общего с Пруссией – Германией не имеют. У нас только одно Отечество – Россия, один Царь Государь Император Всероссийский. Враги России – наши враги».² В письме сообщалось, что хотя меннониты не участвуют активно в боевых действиях, в тяжелые времена они помогают деньгами и натурой. Так было во время Отечественной войны 1812 года, турецкой и японской кампаний. В настоящее время меннонитские юноши служат в санитарных отрядах, поселяне помогают в полевых работах русским солдаткам, жертвуют на нужды Красного Креста.

3 августа 1914 года в Оренбургской римско-католической церкви состоялось торжественное богослужение за здравие Государя Императора и о ниспослании победы русскому воинству над врагами. Во время литургии был произведен сбор пожертвований в пользу русских воинов и их семейств. Об этом «Оренбургская газета» сообщала 6 августа. В этом же номере помещено воззвание Верховного Главнокомандующего генерал-адъютанта Николая к русскому народу: «...Не обижая мирных людей, какой бы они не были народности, не полагая своего счастья в притеснении иноземцев, как это делали швабы, обратите меч свой на врага».³

В первые дни войны столица России Санкт-Петербург получила новое имя на русский манер – Петроград и была создана особая комиссия по переименованию городов. Перед Оренбургом также встала проблема переименования. (Немецкое имя Орен-

¹ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. – С. 343.

² Оренбургская газета. 1914. 9 августа.

³ Там же. 6 августа.

бург носил с момента подписания документа об основании города-крепости в 1734 году: «Ohren» по-немецки – «уши», «Burg» – «крепость»). Этот вопрос дебатировался в городской Думе.

27 октября 1914 года на заседании школьной комиссии Думы с докладом выступил председатель Оренбургской ученой архивной комиссии А.В. Попов. Он сообщил, что не находит никаких веских оснований к переименованию города, а наоборот, признает необходимым ходатайствовать перед комиссией по переименованию городов об оставлении за Оренбургом его названия, т.к. с названием Оренбург тесно связаны понятия об Оренбургском крае, оренбургских степях, оренбургском казачестве, оставивших заметный след в истории России. С заменой названия Оренбург на новое целый комплекс исторических, этнографических, топонимических знаний потеряет свое значение и будет навечно утрачено. «Никакая война, – говорил Попов, – не может уничтожить следов того влияния, какое оказал Запад, вообще, и Германия, в частности, на развитие культуры России, что, однако, не помешало русским сохранить свою самобытность».¹

Школьная комиссия не пришла к единому мнению и предоставила решение вопроса самой городской Думе. Затем по предложению губернатора была создана особая комиссия о переименовании г. Оренбурга, которая, обсуждая вопрос 12 апреля 1915 года, также не смогла прийти к единогласному решению и также постановила: «Выбор названия предоставить городской Думе».²

Городская Дума, обсудив доклад о переименовании г. Оренбурга, в конце апреля 1915 года единогласно определила: «Название города не изменять».³ Вот так долго и мучительно, с изучением разных точек зрения, архивных документов, с учетом мнений общественности решались вопросы, связанные с «немецким засильем», в российской провинции в первые месяцы войны.

В дальнейшем столичные идеологи шовинистического толка оказали определенное влияние на оренбургскую общественность и на губернатора, в частности, оно проявилось при сборе и подготовке сведений о лицах немецкой национальности, затребован-

¹ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 85. ЛЛ. 552-552об.

² Там же. Л. 553.

³ Там же.

ных от Оренбургского губернатора Департаментом общих дел Министерства внутренних дел 5 октября 1915 года. Губернатор Тюлин докладывал: «Живущие здесь колонисты считаются русскими подданными уже рождением своим. Но, несмотря на это, все они плохо владеют русским языком, ведут совершенно обособленный от коренного русского населения образ жизни, уклоняются от малейшего сближения с русскими на почве гражданско-правовых отношений и при всякой возможности проявляют пренебрежительное отношение к русским вообще. В такой же обособленной обстановке воспитывается и молодое поколение этих колонистов, которые обучаются исключительно в школах, имеющихся в немецких селениях, под руководством учителей из тех же немцев-колонистов; преподавание в этих школах ведется преимущественно на немецком языке и особое предпочтение отдается изучению Германской империи, немецкого языка, германских порядков и обычаев. Изучению же России, ее государственного языка, населения и прочего отведено второстепенное место... Все почти немцы-колонисты занимаются земледелием, но какой-либо пользы в смысле образцового ведения хозяйства окружающему русскому населению не приносят. Наоборот, в упорных случаях немцы-колонисты вместо помощи стараются создать для русских крестьян, кроме конкуренции, такие условия, которые давали бы им возможность эксплуатировать собственность и труд русских... Нанявшемуся к немцу в работники русскому крестьянину не позволялось даже войти в дом немца, а разрешалось жить лишь в конюшне вместе с домашними животными».

Губернатор обвинил колонистов в отсутствии патриотизма. «С момента объявления войны с Германией и по настоящее время, – пишет он, – немцы-колонисты даже в единичных случаях совершенно не проявляют ни малейших патриотических чувств. Они не принимали и не принимают никакого участия в пожертвованиях на нужды, сопряженные с войной, и относятся к переживаемым событиям совершенно безучастно, заботясь лишь о своем личном благополучии».¹

Данное донесение без разрешения отправителя (Оренбургского губернатора) и получателя (МВД) почти слово в слово, с

¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 446. Л. 9об-11об.

небольшими сокращениями, появилось в петроградских газетах «Голос Руси» (29 декабря 1915 г.) и «Свет» (4 января 1916 г.). Причем в первой из них было добавлено примечание от редакции: «Эта колония, насаждающая немецкий дух, существует после 17 месяцев тяжелой упорной борьбы с немцами, которые каждый день проявляют свою культуру, в изощрении всевозможных зверств и истязаний, вряд ли известных даже зулузам или папуасам. Интересно знать, - вопрошал «Голос Руси», - есть ли в Германии не только губерния, но даже отдаленная хижина в глухой деревне, где бы было произнесено слово на русском языке».¹

В Департаменте общих дел МВД России были возмущены тем, что конфиденциальная переписка просочилась в прессу и, прислав вырезки этих заметок Оренбургскому губернатору Тюлину, требовали выяснить причину утечки информации. Но поскольку напечатанные заметки соответствовали официальной идеологии военного времени, расследование по этому факту не проводилось.

Сообщая о непатриотичности немцев, губернатор не мог не знать, что многие колонисты с началом войны были призваны в армию. Только из меннонитской колонии Петровка Кипчакской волости 29 августа 1914 года было мобилизовано 7 человек. Их жены: Елена Вибе, Маргарита Гизбрехт, Анна Вальман, Аганета Гизбрехт, Аганета Дик, Мария Редеккоп и Мария Варкентин 8 августа 1917 года направили прошение попечителю Оренбургского губернского присутствия, в котором писали, что «оставшись без кормильца со своими малолетними детьми», пособия они начали получать только спустя почти год после мобилизации их мужей, с июня – августа 1915 года. Несмотря на справедливость просьбы солдаток, в выплате разницы пособия им было отказано.²

Не сообщил в МВД губернатор и еще об одном факте, когда с его разрешения в «Оренбургской газете» в 1914 году от имени комитета при Оренбургской лютеранской церкви было напечатано обращение ко всем прихожанам «с покорнейшей просьбой исполнить святой долг посильными пожертвованиями деньгами и вещами по имеющимся в комитете образцам, прийти в этот гроз-

¹ Голос Руси. – 1915. – 29 декабря.

² ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 75. Л. 3.

ный час великого испытания на помощь раненым воинам, участникам в защите дорогой нашей Родины».¹ Пожертвования просили направлять на квартиру пастора лютеранской кирхи Штенцеля. Месяца не прошло, как на собранные средства был освящен лазарет евангелическо-лютеранского прихода.

Вопрос о немецком засилье бурно обсуждался в Государственной Думе. Шовинистически настроенные депутаты рассматривали немецкий вопрос как часть германского вопроса, а российских немцев как представителей Германии, а не России. Было бы наивно видеть причину идеологической агрессии в традициях политики великодержавного шовинизма царского правительства. В условиях тотального социально-экономического кризиса, сокрушительного поражения на фронтах, для всех становилось все более очевидным, что бездарные политики ведут государство к неминуемой гибели. И тогда эти политики находят виновников поражения в «инородцах», и в первую очередь – в российских немцах. Как метко выразился один из депутатов Думы, организаторы националистической травли «пытались остановить наступление германских войск... дешевыми, эффектными выступлениями».² Так формировалась политическая стратегия в национальном вопросе.

Император Николай II в отношении отчуждения земель колонистов 2 мая 1915 года писал: «Необходимое и благое дело. Вполне одобряю и дам свои указания. Вся суть вопроса в широкой скупке Крестьянским банком колонистских земель. Приступить к ней немедленно».³

Тогда же в особом журнале Совета Министров указано: «Осевшие на надельных землях немецкие колонии, несомненно, представляют серьезную угрозу государственной безопасности».⁴ По инициативе председателя Совета Министров Б.В. Штюрмера

¹ Судоргина Т.В. Лютеранская кирха в Оренбурге // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей. – М., 1998. – С. 97.

² Чеботарева В.Г. «Немецкий вопрос» в исторической литературе России // Немецкий российский этнос: вехи истории. Материалы научной конференции, г. Москва, 24-25 июня 1993 г. – М., 1994. – С. 36.

³ Цит. по: Шрадер Т.А. Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998. – С. 196.

⁴ Там же.

в 1916 году учрежден «Особый комитет по борьбе с немецким за-сильем», 1 июня Николаем II было утверждено положение о комитете. Он был образован «для объединения, согласования и руководящего направления деятельности правительственных и общественных учреждений и должностных лиц по осуществлению... распоряжений Правительства, ограничивающих права неприятельских подданных и выходцев, а также для соображения и обсуждения предположений о мероприятиях по освобождению страны от немецкого влияния во всех областях народной жизни Государства Российского».¹

В июле 1916 года вышло положение Совета Министров о запрещении преподавания в школе на немецком языке.² Так законы военного времени постепенно распространились на все сферы российской жизни.

Подобные явления происходили и в Германии. Издевательствам были подвергнуты российские подданные, оказавшиеся в Германии в первые дни войны. Ещё накануне разрыва отношений с Россией, правительство Германии организовало дезинформацию своего населения: распространялись слухи, листовки, утверждавшие, что райх наводнен русскими шпионами, граждан призывали выполнить свой долг и содействовать поимке шпионов. В первые дни военных действий возбужденные толпы нападали на русских, возвращавшихся с германских курортов, сотрудников российских представительств. Сотни жертв русофобии, разжигаемой полицейскими чинами, оказались в тюрьмах, где их морили голодом, избивали, женщин насилвала солдатня.³

Анализируя центральную прессу, «Оренбургская газета» в августе 1914 года писала: «Нет номера газеты, в котором не были бы сообщения о возмутительных издевательствах и насилии над русскими».⁴ В Берлине полиция арестовала всех русских мужчин в возрасте от 17 до 45 лет. В Ростокке арестованы все мужчины

¹ История российских немцев в документах. - М., 1993. – С. 45.

² Эйхельберг Е.А. Немецкий вопрос в Государственной Думе // Немецкий российский этнос: веки истории. Материалы научной конференции г. Москва, 24-25 июня 1993 г. – М., 1994. – С. 46.

³ Чеботарева В.Г. Немецкие колонии Российской империи – «государства в государстве» // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. – С. 141.

⁴ Оренбургская газета. – 1914. – 6 августа.

(всего около 600 человек), среди них камер-юнкер барон Тизенгаузен. Арестованные определены на принудительные работы. Одни мостят улицы, другие сопровождают городской обоз. Барона Тизенгаузена заставили печатать на пишущей машинке в канцелярии ростокского полицмейстера. Каждый должен был питаться на свои средства.¹

Для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками 9 апреля 1915 года была утверждена Чрезвычайная комиссия под председательством Первоприсутствующего Сенатора А.Н. Кривцова. Собранные сведения комиссия разослала по всем губерниям для «широкого напечатания». В документе приводятся показания российских граждан, побывавших в немецком плену, о добывании раненых, об обращении с ранеными в плену, концентрационных лагерях, эпидемических заболеваниях, тяжелой работе и истязаниях. Чрезвычайная комиссия обратилась «ко всем учреждениям, к органам печати и к отдельным лицам с просьбой сообщать... не стесняясь формой... обо всех известных им случаях проявления австро-венгерскими и германскими войсками зверств над нашими воинами, насилия над пленными, над мирными жителями, ограблений и бесцельного истребления имуществ их».²

Согласно этому предписанию пристав I стана Бугурусланского уезда опросил беженцев, расквартированных в селе Ерзовка Толкаевской волости. В его протоколе записаны показания католиков Сувалкской губернии С.С. Патерковского, С.Ф. Ратиса, П.А. Шмидта, Ю.П. Малиновской. Они утверждали: «Германские солдаты отбирали коров, быков, овец и другое имущество, грозились убить».³ Примерно то же самое показал и беженец из Волынской губернии З.А. Драц, расквартированный в числе других в селе Большой Толкай Бугурусланского уезда.⁴

Ещё изощреннее действовали русофобы Австро-Венгрии: недалеко от города Граца был организован концентрационный лагерь для геноцида над мирным населением Карпатского региона,

¹ Оренбургская газета. – 1914. – 6 августа.

² ГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 5. Л. 6.

³ Там же. Л. 16-18.

⁴ Там же. Л. 19.

отстаивавшего своё этническое право оставаться русскими. Население всех русских деревень было согнано в концлагерь, где их подвергали изощренным издевательствам и казням.¹ Так политики, развязавшие мировую бойню, во имя достижения своих империалистических целей натравливали народы друг на друга, используя примитивные методы воздействия на психологию и чувства людей.

I мировая война стала лакмусовой бумажкой отношения российской государственной власти к собственным гражданам немецкой национальности. Законы военного времени, ограничившие права германских и австрийских подданных, проживающих в России, вскоре распространились на все немецкоязычное население страны, в том числе и на русскоподданных в нескольких поколениях. Впрочем, практическое исполнение этих законов коснулось в основном лиц, проживающих в прифронтовой полосе. В условиях войны у государства не было возможности (да, в принципе, не было и необходимости) ограничивать права граждан немецкой национальности, проживающих в глубоком тылу. Подавляющая часть немцев Оренбуржья, особенно меннониты, во время I мировой войны продолжала жить обособленно, не отождествляла себя с германцами и вместе с остальными россиянами разделила всю тяжесть военного времени.

¹ Чеботарева В.Г. Немецкие колонии Российской империи – «государства в государстве» // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. – С. 141.

§4. Германские и австро-венгерские подданные и военнопленные в оренбургских колониях

Вскоре после начала первой мировой войны Оренбургская губерния была определена как место ссылки проживавших на западных окраинах российской империи германских и австро-венгерских подданных, подлежащих по возрасту поступлению в войска неприятельских армий, а также подозрительных в отношении шпионства иностранцев. Как указывалось во всеподданнейшем отчете о состоянии Оренбургской губернии за 1914 год, «прибытие этих иностранцев в губернию совпало с производством мобилизационных работ, а потому потребовало со стороны губернской администрации и чинов полиции крайне напряженного труда по размещению их в пределах губернии, надзору за поведением в местах водворения, разрешению массовых ходатайств о принятии в русское подданство, о выезде на жительство в другие места и за границу и т.п.»¹ С августа по декабрь 1914 года в Оренбургскую губернию прибыло свыше 10 000 военнообязанных германских и австро-венгерских подданных, а если учесть, что многие из них прибывали с семьями, то фактически их было гораздо больше.²

Поначалу согласно телеграмме зам. министра внутренних дел Золотарева германцы размещались вдали от железных дорог и немецких колоний,³ но уже к марту 1915 года политика расселения все больше корректируется в сторону немецких колоний.⁴ В первый год войны положение подданных воюющих с Россией держав, поступающих по постановлению судебных и административных властей в места заключения, определялось указаниями Главного тюремного управления Министерства юстиции, направленными всем губернаторам, начальникам областей и градоначальником 18 августа 1914 года: «Подданные воюющих с Россией держав... должны быть рассматриваемы не иначе, как аре-

¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 145. Л. 74.

² Там же. Л. 38

³ ГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 213. Л. 3.

⁴ Решетов Д.Г. Немецкие колонисты западных губерний России, депортированные в Поволжье в годы первой мировой войны//Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. - М., 1998. – С. 185.

станты непривилегированных сословий... содержание и продовольствие их должно производиться на общем основании с означенными категориями арестантов, в частности и в отношении выписки продуктов для улучшения их пищи, в чем не следует допускать каких бы то ни было излишеств и льгот. Те из них, которые не состоят под следствием и судом, должны продовольствоваться за собственный счет».¹

В первые месяцы войны германцы выселялись с линии фронта в спешном порядке, еще не была отлажена система их пересылки по этапу, не было организовано питание в пути следования и на месте водворения. Так, в декабре 1914 года Бузулукский уездный исправник в рапорте на имя Самарского губернатора докладывал: «Вверенные в пределах уезда под надзор полиции... германские подданные с семьями в числе 1500 человек находятся в самом бедственном положении и ввиду полной невозможности добывать средства к жизни личным трудом за неимением каких-либо работ в местах их водворения - вдали от железной дороги, терпят крайние лишения, почему нуждаются в выдаче им ежедневного кормового довольствия впредь до приискания работ».² Исправник просил кредит в размере 1000 рублей, т.к. из полутора тысяч человек 1200 питались исключительно подаванием. Кредит не был выделен быстро, и 5 января 1915 года исправник Бузулукского уезда вновь ходатайствует перед губернатором о помощи, тем более, что «население с объявлением 30 декабря мобилизации ратников ополчения стало относиться к ним недоброжелательно и подаваний им почти не делает, почему некоторые из водворенных пытаются бежать».³

В соседнем Бугурусланском уезде ссыльных было меньше - 528 человек, но положение их было ничуть не лучше. Уездный исправник также обращался к губернатору за кредитом. Из водворенных в бугурусланских селах было много детей: 72 – в возрасте до 5 лет, 63 – от 5 до 10 лет, 323 человека – свыше 10 лет.⁴

Сначала в Оренбуржье поступали военнопленные и военно-

¹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 213. Л. 24.

² Там же. Л. 34.

³ Там же. Л. 36.

⁴ Там же. Л. 35.

обязанные – подданные воюющих с Россией держав, затем – подозрительные в шпионстве иностранцы, а потом – все немцы и австрийцы, независимо от подданства, социального положения и возраста из полосы, занимаемой войсками вплоть до фронтовых тылов. Вопросами перемещения вглубь России, как военнопленных, так и гражданских лиц занималось военное начальство, не согласовывая свои действия с гражданскими властями. Огромный поток переселенцев насторожил руководство Министерства внутренних дел, и 19 января 1915 года министр Н.А. Маклаков направил письмо начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Н.Н. Янушкевичу: «В последнее время из занятых нашими войсками местностей Восточной Пруссии военными властями высылаются внутрь Империи все жители этих местностей, не исключая дряхлых стариков, женщин и детей, и в этих целях направляются, иногда с принадлежащим им скотом и другим имуществом, в поездах, целыми партиями, по несколько сот человек, в распоряжение гражданских властей, без предварительного уведомления последних. При этом высылаемые в большинстве весьма плохо одеты, без всяких средств для пропитания, так что некоторые в пути голодают, вследствие чего возможно развитие болезней. Препровождение высылаемых производится этапным порядком, поэтому попутные тюрьмы, и без того переполненные, не в состоянии вместить прибывающие неожиданно партии».¹

В феврале 1915 года министр Маклаков в телеграмме губернаторам указывал: «Высылаемые по распоряжению военных властей из Привисленского края немцы-колонисты, если они русские подданные, могут проживать в избранных ими местах вне театра военных действий и ненаходящихся на военном положении».² Данная мера вряд ли могла облегчить задачу местных властей по размещению прибывающих партий вынужденных переселенцев. Единственное, чего удалось добиться от военного командования, – предварительного уведомления о направлении следования по-

¹ Нелипович С.Г. Переселение немцев из Восточной Пруссии в Россию: «вольнопленные», или злосключения восточнопруссских немцев в России (1914-1917 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998. – С. 176.

² ГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 212. Л. 3.

ездов с высылаемыми немцами, а также были назначены главноуполномоченные по устройству беженцев при фронтах и внутри империи. В конце января 1916 года Самарский губернатор получил телеграмму из действующей армии: «С 6 февраля отправляются в Оренбургскую и Астраханскую губернии поезда с немцами-колонистами, выселяемые из Волынской губернии».¹ Губернатору предписывалось принять меры по организации питательных пунктов по пути следования поездов в пределах вверенной ему губернии.

Ответственность перед Министерством внутренних дел за расселение и обустройство немцев из западных губерний была полностью возложена на губернские администрации, основная же, реальная работа была связана с Всероссийским земским союзом – его уездными и местными комитетами, в компетенцию которых входили все вопросы обустройства переселенцев, с момента принятия их от приемных комиссий железнодорожных станций.² Самарский губернский комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам 9 февраля 1916 года информировал Самарского губернатора, что «в связи с ожидаемым движением поездов с немцами-колонистами, направляемыми в Оренбургскую губернию... Бузулукскому уездному комитету предложено срочно подготовить возобновление деятельности Бузулукского и Ново-Сергиевского питательных пунктов».³

После отправления из западных губерний очередной партии депортируемых губернское начальство и питательные пункты информировались телеграммами о точном количестве и времени отправления. Например: «Едут немцы-колонисты, 1292 души. Предполагается накормить их в Кинели. Проводник Гогитадзе».⁴ «21 февраля десять дня поездом 220, 18 теплушках отправлено немцев взрослых 291, детей 142. Назначение Оренбург».⁵ Через Самару поезда с беженцами, переселенцами и пленными направ-

¹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 45. Л. 4.

² Решетов Д.Г. Немецкие колонисты западных губерний России, депортированные в Поволжье в годы первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. - М., 1998. – С. 186.

³ ГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 45. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 13.

лялись также в Орск, Челябинск, Миасс, Троицк.

В Оренбургской губернии ссыльные немцы размещались не только в уездах, но и в губернском центре. Специально изданным постановлением губернатора военнообязанным воспрещалось: а) собираться на улицах и площадях группами более 3-х человек; б) разговаривать в публичных местах на немецком языке, чтобы не вызывать озлобление местного населения; в) посещать рестораны, театры и другие увеселительные места и г) выходить из квартир после шести часов вечера.¹ Впрочем, в 1915 году из иностранцев в Оренбурге оставались только военнопленные. Одна часть выселенных вглубь России германских и австро-венгерских подданных добивалась российского гражданства и уезжала за границу, другая часть проживала в уездах губернии. Немцами были переполнены не только немецкие и меннонитские колонии, но и русские, татарские, башкирские села.

Отношения между местными жителями и высланными из западных губерний германскими и австрийскими подданными складывались непросто. В начале 1915 года 16 военнообязанных иностранцев, выселенных на временное жительство в село Дмитриевское Оренбургского уезда, обратились к американскому генеральному консулу в Москве с заявлением, что к ним очень враждебно относится местное население и при появлении их на улице забрасывает разными предметами, причиняющими увечья.² Сообщая об этом Оренбургскому губернатору 27 марта 1915 года, консул просил сделать распоряжение местным властям о прекращении насилия со стороны сельского населения.³ При расследовании факты подтвердились. Причем, если военнообязанные указывали, что взрослые и ребяташки, действительно, «называли их хулиганами и бросались даже камнями», то Дмитриевский сельский старшина Сорокин и сельский староста Колотвин показали, что «со стороны крестьян к ним очень хорошее отношение».⁴

Земский начальник 5 участка Оренбургского уезда в рапорте

¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 145. Л. 74.

² Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2600. Л. 2.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 8об.

губернатору указал: «Если были случаи нетактичного обращения отдельных личностей, то таковые составляют единичные случаи. В большинстве случаев жалобы исходят на мальчишек, которых, кстати сказать, ранее избаловали сами военнообязанные различными подачками вроде раздачи мелкой монеты на конфеты, семечки и пр. В настоящее время мною разъяснено крестьянскому населению о том, чтобы было внушено детишкам более корректное отношение к военнообязанным».¹ В другом рапорте губернатору земский начальник высказал мысль о «возможности дальнейшего оставления в с. Дмитриевском живущих здесь военнообязанных; замечавшиеся же ранее единичные выходки, чисто мальчишеского характера, со стороны крестьян в настоящее время не повторяются и население совершенно спокойно относится к пребыванию военнообязанных в с. Дмитриевском».²

Ответ губернатора не удовлетворил американского консула и 23 июля 1915 года он вновь беспокоится о том, что «народонаселение в с. Дмитриевском в высшей степени угрожает жизни тамошним выселенным германцам и австрийцам».³ Консул также сообщал об издевательствах и в других селах губернии: в Буланово,⁴ Кизильской станице.⁵

Если поначалу губернское начальство очень серьезно относилось к просьбам американского консула, предписывая уездным исправникам принять срочные меры «к устранению издевательств над немцами со стороны местного населения»,⁶ то позднее письма и телеграммы американцев стали раздражать. К примеру, на очередном письме консульства от 23 июля 1915 года оренбургским вице-губернатором Пушкиным начертано: «Может не беспокоиться, лучше его знаем».⁷

27 сентября 1915 года Зобовское сельское общество ходатайствовало перед Оренбургским губернатором о водворении из села Зобово военнообязанных германских и австрийских подданных

¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2600. Л. 4.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 2602. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 2606. Л. 4.

⁶ Там же. Д. 2602. Л. 11.

⁷ Там же. Д. 2600. Л. 11.

(всего 26 человек). Указывалось две причины: «1) вследствие упомянутых немцев все подорожало, как из продуктов, так и из одежды; 2) к нам, зобовцам, привезли беженцев, а поместить их, наш русский народ, некуда».¹

Еще более веские причины для высылки немцев указывали крестьяне с. Марьевки Имангуловской волости Оренбургского уезда: «38 военнообязанных немцев... с каждым днем стесняются все меньше и меньше, пользуясь тем, что в виду мобилизации в селе оказалось очень мало мужчин. Эти военнообязанные немцы устраивают вечеринки, на которые приглашают женщин-солдаток, и, вообще, ведут веселую жизнь, что, несомненно, портит общественные нравы. Помимо этого, за последнее время стали часто случаться пропажи домашней птицы и разных съестных припасов из погребов, в чем жители подозревают тех же военнообязанных немцев, т.к. неоднократно слышали от них, что они скоро не будут покупать продуктов - им хватит готового - и что они являются здесь хозяевами положения. Наряду с таким своеволием военнообязанных женщины нашего села, будучи беззащитными, сплошь и рядом переносят от них всякие оскорбления».²

Рассмотрев ходатайства, губернские власти не стали переселять немцев из села Зобово, а в отношении военнообязанных в с. Марьевка было предписано «выселить всех немцев ... в башкирскую деревню».³ Через некоторое время Оренбургский уездный исправник докладывал в губернское правление, что все военнообязанные иностранные подданные «переводворены на основании предписания... из села Марьевки в деревню Биккулову».⁴

Отношения между переселенцами и местными жителями были натянутыми не только в русских селах, но и в немецких колониях, особенно после окончания войны и падения царской власти, когда долгое пребывание посторонних стало уже невыносимым. 4 марта 1918 года германские подданные, проживающие в колонии Кичкасс на квартире Я.Я. Лейн, обратились к волостно-

¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2605. Л. 10.

² Там же. Д. 2597. Л. 3-3об.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2597. Л. 6.

му старшине Уранской волости с просьбой уладить отношения между сыном хозяина Я. Лейн-младшим и квартирантами вдовой Меде, ее дочерью Ратман, проживающими вместе с 6 малолетними детьми. 2 марта Яков Лейн-младший с толпой человек 30-40 большей частью жители других селений около 4 часов пополудни вторглись силою в квартиру беззащитных женщин и под угрозой насильственного выселения требовали немедленного освобождения квартиры. В переговорах некоторые из толпы заявляли, что «закона и суда в России вообще не существует, что германские подданные не имеют никакого права и что с германцами им вольно поступать, как угодно».¹ Приглашенный для составления протокола на месте происшествия Кичкасский сельский выборный Петр Берген отказал в содействии, заявив, что «это дело его не касается».²

К 1918 году общественное мнение было уже настолько враждебно по отношению к чужеземцам, что подписавшим ходатайство не только не помогли, но и вынудили подписать обязательство: к 1 апреля освободить квартиры гражданина с. Кичкасс Я.Я. Лейн и отозвать свое прошение от 4 марта.³

Подобные проблемы существовали и в других колониях Уранской волости. Так, в апреле 1918 года германскоподданные, проживающие в колонии Камышевка, обратились в соседний Кипчакский волостной совет с прошением, в котором указывали: «Нашими домохозяевами нам отказаны квартиры, получить где-либо в колониях квартиру нет возможности, почему мы вообще и не обращаемся с нашей просьбой в Уранскую волость. Многие из нас пытались счастье в русских деревнях, но благодаря продовольственному вопросу жители оных отказываются от сдачи квартир, так что мы к 1 мая остаемся совершенно без крова».⁴ В ответе Кипчакского волостного исполкома Уранской волостной земской управе предложено обратиться в Судьбодаровскую волость: «Возможно, там имеются и квартиры, и запасы продовольствия».⁵

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 1. Л. 1-1об.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 2об.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Л.12об.

В 1918 году в колонии Претория действовало отделение Оренбургского комитета по оказанию вспомоществования германским и австрийским подданным. По его данным, на 1 мая 1918 года в списке по колониям и по гражданству числилось 2414 иностранцев, их них немцев: мужчин - 1026, женщин - 433, детей - 844, австрийцев: мужчин - 60, женщин - 19, детей - 32.¹

И если сельские населенные пункты к 1918 году были переполнены гражданскими лицами, то губернский город Оренбург изнемогал от огромного количества военнопленных. На основании статьи 548 Устава о земских повинностях обязанности по расквартированию военнопленных лежали на городском общественном управлении, но поскольку в первый же месяц войны, в августе 1914 года, Оренбургу было предписано принять 2300 пленных, вопрос этот рассматривался Городской Думой. Первые партии пленных размещались на Меновом Дворе в складских помещениях, но с наступлением холодов на заседании 27 августа 1914 года Дума постановила: «Приспособить под теплое помещение большой пакгауз на Меновом Дворе, причем потребный для этого расход в сумме 400 рублей отнести на запасной капитал и Земские средства».² Так как 2300 человек в приспособленном пакгаузе разместить было невозможно, то 4 сентября Дума вновь возвращается к этому вопросу и приходит к следующему решению: «1000 человек разместить пока на Меновом Дворе в лашкаях, а зимой в приспособляемом там же для них пакгаузе, затем для 300 человек просить город нанять свободные помещения на заводе Эверта и для 1000 человек устроить землянки внутри Менового Двора. Устройство этих землянок произвести через посредство самих пленных... В возмещение расходов, понесенных городом по расквартированию военнопленных, казною отпускается по 9 рублей 50 копеек на человека в год».³

25 сентября 1914 года Совет Министров разрешил привлекать «военнопленных чинов неприятельской армии к работам по земскому и городскому хозяйству», причем было определено, что «военнопленные в местах работ должны размещаться в бараках и

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 1. Л. 9.

² Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 81. Л. 91об.

³ Там же.

землянках и лишь при отсутствии таковых и невозможности срочно выстроить их в ближайших селениях в частных домах, но непременно казарменным порядком... продовольствоваться же во все время работ военнопленные нижние чины должны из общего котла на одинаковом основании с нижними чинами русской армии».¹ По просьбе городского санитарного врача Дегтярева 11 февраля 1915 года Оренбургская Дума ходатайствовала «о предоставлении для производства работ по отводу канавы 500 военнопленных на срок 6 месяцев».² Кроме того, пленные привлекались для «засыпки озера позади Архиерейского дома, к мостовым работам и работам в городских садах и по очистке улиц и площадей».³

Согласно директиве из столицы, производимые военнопленными работы оплате не подлежали, однако не исключалось право ведомств и учреждений, в распоряжение которых поступали военнопленные, производить им денежные выдачи «в целях поощрения более усердному труду в размерах, соответствующих производительности труда каждого пленного». Рассмотрев эту телеграмму на заседании 22 апреля 1915 года, городская Дума разрешила городской управе «производить выдачу военнопленным при производстве ими городских работ, в виде поощрения, не свыше 20 копеек в день на человека». В апреле 1915 года в Оренбурге ожидали еще большую партию военнопленных, в связи с чем сырейный базар на Меновом дворе был отгорожен глухим забором, чтобы «военнопленные не имели возможности... соприкоснуться с привозимыми туда из разных мест сырейными товарами и получить какую-либо заразную болезнь».⁴

Принимаемые меры не решали всех проблем по содержанию пленных. 4 августа 1915 года на чрезвычайном заседании Дума констатировала: «Из существующих на Меновом дворе помещений, кроме занятых, ни одно к зимнему расквартированию не пригодно. Средств же на постройку бараков для военнопленных не имеется».⁵ По предложению гласного В.А. Воскресенского

¹ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 85. Л. 186об.

² Там же. Л. 186.

³ Там же. Л. 420–420об.

⁴ Там же. Л. 420, 468, 496.

⁵ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 87. Листы без нумерации.

Дума единогласно постановила: «Возбудить ходатайство об освобождении города Оренбурга от размещения военнопленных и, в случае неудовлетворения этого ходатайства, просить губернский распорядительный комитет о выдаче городу ссуды на постройку 12 землянок для расквартирования 3000 человек военнопленных».¹ Впрочем, вряд ли кто из членов городской Думы верил, что город и в самом деле освободят от размещения пленных, поэтому на этом же заседании было сразу же определено место для постройки землянок для будущих партий пленных – за Менным двором.

Всего к концу 1917 года на территории Оренбуржья по неполным данным находилось более пяти тысяч военнопленных из состава Германской и Австро-Венгерской армий.² Все они декретом Советской власти от 17 декабря 1917 года были освобождены из лагерей и получили равные права с местным населением и по желанию гражданство РСФСР. В стране началась гражданская война, власть в Оренбурге несколько раз менялась, и каждая из противоборствующих сторон стремилась привлечь пленных в свои ряды.

Весной 1918 года на заседании Оренбургского военнореволюционного комитета решался вопрос об организации интернациональной Красной Гвардии из добровольцев-военнопленных. Решено было выделить для этой цели кредит размере 5 тысяч рублей.³ Усилиями военнореволюционного комитета в феврале-марте 1918 года в Оренбургской губернии был создан интернациональный легион из венгров и немцев, сочувствующих идеям советской власти. Среди них были коммунисты. В составе легиона сражались и местные жители – татары, башкиры, представители других национальностей. Первоначально в интернациональный легион записалось 750 человек. Интернациональный легион сыграл важную роль в отражении набега банд белоказаков на Оренбург 4 апреля 1918 года. Позднее легион был преобразован в III Интернациональный полк. Среди активных

¹ Там же.

² ЦДНИ ОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 106. Л. 4.

³ Футорянский Л.И. Немецкие военнопленные и колонисты в период Октября и гражданской войны на Южном Урале // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей. – М., 1998. – С. 67.

участников и организаторов полка был немец Биран - командир артиллерийской батареи. В составе Туркестанской армии III Интернациональный полк сражался против войск Колчака, мятежного чехословацкого корпуса, участвовал в боях под Уфой, а затем на Южном фронте.¹

Захвативший в июле 1918 года власть в Оренбурге атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов распорядился: «Всех германских и австрийских подданных мужского пола свыше 18-летнего возраста без различия национальности, находящихся на работах в гражданских и общественных учреждениях и у частных лиц, а также проживающих в г. Оренбурге и в Оренбургском уезде - поселить на Меновом Дворе... По сбору всех германских и австрийских подданных на Меновом Дворе коменданту лагеря определить пригодность их к военной службе».² Приказ Дутова, растиражированный телеграммами и телефонограммами, вызвал некоторую неразбериху в волостях. В связи с тем, что некоторые волостные управы стали снимать с работы пленных и направлять их на Меновой двор, отдел военнопленных Оренбургской уездной земской управы разъяснял, что «приказ этот касается только военнообязанных... военнопленных с работ до особого распоряжения не снимать».³ Осенью 1918 года в колониях Уранской волости находилось 1410 военнообязанных германских и австрийских подданных.⁴ Пленных было гораздо меньше – всего 21 человек: в Карагуде - 5, Алисове - 5, Камышевке - 4, Клубникове - 2, Зеленой - 2 и по одному – в Долиновке, Черноозерном, Кичкассе. Называя причину появления пленных, сельские старосты указывали: «Все они пришли в колонии сами искать работу».⁵ Видимо, поняв, что многотысячная толпа иностранцев не сможет поместиться на Меновом дворе и вряд ли с таким количеством немцев и австрийцев легко будет справиться, 20 октября 1918 года атаман Дутов отдает новый приказ:

«1) надзор за военнопленными и военнообязанными, работающими на фабриках и заводах и частных предприятиях, возло-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 106. ЛЛ. 5-6.

² ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 5. Л. 46.

³ Там же. Д. 1. Л. 78.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 32-39.

жить на владельцев предприятий и администраций фабрик и заводов, которые являются ответственными за все действия обслуживающих их военнопленных и военнообязанных.

2) надзор за военнопленными и военнообязанными, отпущенными на сельскохозяйственные работы, возлагаются на Станичные и Волостные Управы.

3) воспретить появление военнопленных и военнообязанных на улицах в городах и местечках после 6 часов вечера».¹

Далеко не все иностранцы были втянуты в боевые действия на той или иной стороне. В декабре 1918 года отдел военнопленных Оренбургской уездной земской управы предписал волостным земским управам взыскивать с работодателей за труд пленных не по 4, а по 15 рублей в месяц, т.к. плата эта была увеличена постановлением уездной управы еще с 1 августа 1918 года.²

После взятия Оренбурга Красной Армией в январе 1919 года была образована так называемая Оренбургская губернская коллегия о пленных и беженцах, в чьи функции входила помощь, организация и защита эвакуируемых.³ Однако невозможно было отправить сразу всех желающих выехать на родину. 28 февраля 1919 года Оренбургский исполком уездных Советов сообщал всем волостным Советам уезда, что «ввиду перегрузки железной дороги германские и австро-венгерские военнопленные, а также беженцы должны быть задерживаемы в местах их жительства до особого распоряжения».⁴ Для работы среди военнопленных немцев был создан Германский Революционный Совет, который возглавил коммунист Дебель. При Совете действовал политотдел, занимавшийся пропагандой и агитацией среди военнопленных, беженцев и гражданского населения. В то же время создается ячейка интернационалистов - коммунистов. Одним из ее организаторов был присланный штабом Южной группы войск Восточного фронта Рейнгард Подевилльс.⁵ Немецкие коммунисты пришли к выводу, что «хорошая организация нуждается в хорошей

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 1. Л. 81.

² Там же. Д. 3. Л. 37.

³ Сафонов Д.А. Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край. – Оренбург, 1994. – С. 26.

⁴ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 2. Л. 50.

⁵ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 6.

подготовительной школе». Такой школой стал интернациональный клуб им. Розы Люксембург, созданный 30 июля 1919 года.¹ Клуб имел устав, члены клуба платили взносы, руководил клубом президиум из шести человек во главе с председателем Фрицем Ферсманом. Клуб ежемесячно проводил собрания, вечера, регулярно устраивал концерты, митинги, лекции. При нем была создана школа русского языка, т.к. основная масса немцев его не знала.

В середине марта 1920 года произошло разделение секции иностранных коммунистов по языковому признаку: немецкая секция при губкоме РКП (б) оформилась как самостоятельная. В ней в апреле 1920 года было 130 членов партии и 19 кандидатов. Особенно плодотворно секция работала с конца марта по сентябрь 1920 года. Ее неизменным председателем был Рейнгард Подевилльс, секретарем Фрейтаг, членами президиума – Дебель, Столлер, Блаугут.²

Немецкая секция при губернском комитете РКП (б) просуществовала до 12 июня 1921 года.³ И в последние месяцы своей работы малочисленные члены секции испытывали крайнюю нужду. На экстренном собрании немецкой секции 16 мая 1921 года, на котором присутствовало 13 человек, отмечалось, что «к ведению партийной работы товарищей привлекать не можем из-за их работнеспособности [так в документе]. В ближайшее время т. Подевилльс выходит из состава активных партийных работников из-за болезни глаз, а т. Барч из-за недостаточного питания. В таких обстоятельствах существование немсекции для агитпропаганды немыслимо и толку не имеет отзывать из центра новых партийных работников, если таковой не имеет свое хозяйство или частное имущество, потому что тот, как и т. Барч после 2-х месячной деятельности больше неработоспособен. В почти том же самом положении находятся все члены немсекции, не имеющие своего хозяйства».⁴ Чтобы спастись от голода, члены немсекции решили организовать рыболовецкую артель. В резолюции было отмечено,

¹ Там же. Д. 75. Л. 1.

² Панина Т.С. Немецкие организации в Оренбуржье в 1917 - 1921 гг. // Немцы и Оренбургский край. – Оренбург, 1994. – С. 28.

³ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 217. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 4.

что таким образом они «надеются помогать более полезно в строительстве советской власти, принимая участие в устранении продовольственного кризиса».¹ Революционный совет германских рабочих и солдат проводил работу не только среди военнопленных, но и способствовал возвращению на родину германских подданных, находящихся в сельской местности губернии. 1 октября Совет отправил предписание в Уранскую волость: «Выдать пропуск германским гражданам, которые желают ехать на родину, в Москву, а также предоставить подводы бесплатно до станции Платовка».² К тому времени в немецких колониях Уранской волости проживали военнообязанные с семьями из Холмской, Волынской, Ковенской, Варшавской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской губерний, Риги, Москвы, Петрограда, Германии, Восточной Пруссии. Сюда были сосланы и немцы, уже вышедшие из призывного возраста. К примеру, в списке военнообязанных иностранцев по колонии Федоровка числился 82-летний Йотцио Карл Готлибович со своей 77-летней женой Юлией.³ По иронии судьбы в оренбургских немецких колониях оказались их собратья из материнских колоний Украины. Например, в колонию Хортица была выселена семья Шенград из колонии Хортица Екатеринославской губернии.⁴ И такие случаи не были единичными.

Хотя основная часть иностранцев была отправлена на родину к весне 1921 года, советским властям приходилось заниматься реэвакуацией и в более позднее время.⁵ Согласно приказу № 34 Оренбургского губисполкома от 25 августа 1922 года, все беженцы бывшей империалистической войны, желающие выехать на родину, должны были не позднее 25 сентября зарегистрироваться в отделе управления Оренбургского губисполкома. Лица, не заявившие о своем желании выехать на родину к указанному сроку, теряли право выезда за счет РСФСР.⁶

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 217. Л. 4.

² ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 2. Л. 54.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Сафонов Д.А. Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край. – Оренбург, 1994. – С. 26.

⁶ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 14. Л. 146об.

В сентябре 1924 года в Оренбург из Посольства Германии в Москве стали приходиться запросы о германских подданных и военнопленных. Указывались имена Иогана Музиоля, Эдуарда Берга и других.¹ 6 ноября 1924 г. был составлен список иностранцев по Уранской волости, итого: 20 взрослых, 7 детей.² Из перечисленных только Карл Карлович Фишер родился в Германии, да и то с детских лет, с 1873 года, жил в России. Остальные так называемые иностранцы родились в России: в Екатеринославской, Самарской, Оренбургской губерниях, в Риге. Возможно, записавшись иностранцами, многие из них лукавили. К тому времени оренбургские колонисты почувствовали притеснения со стороны новой власти, и уже начинался процесс эмиграции.

Итак, в суровое десятилетие 1914-1924 гг. немцы, по разным причинам оказавшиеся в Оренбургской губернии, разделили общую судьбу со всеми россиянами. Если до декабря 1917 года подданные воюющих с Россией держав (как военные, так и гражданские лица) рассматривались как враги и имели статус военнопленных или ссыльных, то после Октябрьской революции им была дарована свобода и все права наравне с местными жителями. Это обстоятельство не облегчило участи иностранцев в России. В условиях гражданской войны, перехода власти в Оренбурге из рук в руки многие оказались втянутыми в боевые действия. Под воздействием немецкой коммунистической секции, большинство военнопленных сражались на стороне Красной Армии и приняли активное участие в установлении Советской власти в Оренбуржье. Другая часть германских подданных, ожидая разрешения выезда на родину, работала в сельском хозяйстве, в том числе и в немецких колониях. Огромный поток западных немцев (беженцев, переселенцев, военнопленных) обострил процесс национального самоопределения российских немцев и меннонитов. В те годы перемещенные вглубь России германские и австро-венгерские подданные воспринимались колонистами как чужие, поэтому никто из депортированных не прижился в немецких поселениях Оренбуржья. Все военнопленные и подданные Германии после окончания войны покинули Россию.

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 8. Л. 55-56.

² Там же. Л. 68.

Глава II

СОЗДАНИЕ НЕМЕЦКИХ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ОРЕНБУРЖЬЕ (1917 – 1938 гг.)

§ 1. Национальное самоопределение колонистов

Оренбургские колонисты, жившие обособленно от всего остального населения, равнодушно отнеслись и к первой мировой войне, и к революции 1917 года, как впрочем, и ранее к любым событиям, не затрагивающим их общинных устоев. Стремясь еще больше уйти от мирской суеты, собрание представителей 23-х колоний меннонитов Оренбургского уезда 25 ноября 1917 года вынесло постановление об образовании самостоятельной Уранской волости с центром в колонии Кичкасс, а 9 января 1918 года собрание представителей вновь возбудило ходатайство об этом.¹ Свое требование меннониты обосновывали следующими обстоятельствами: «население меннонитов в Оренбургском уезде имеет 6 000 жителей, что составляет более требуемого числа для открытия самостоятельной волости; разнородный состав населения Кипчакской волости вынуждает нас отделиться ввиду того, что интересы башкир расходятся с нашими интересами во всех отношениях; дальнейшее расстояние Кипчакской волости от крайних колоний меннонитов; мы платили в земство всегда аккуратно и благодаря коренной башкирской волости по сие время от земства ничего не имеем; до сего времени мы нужны были Кипчакской волости лишь как плательщики и для подписей разных их постановлений».²

Свое ходатайство колонисты направили и в органы новой власти: в губернский и уездный комиссариаты, и в органы прежней власти: в губернскую и в уездную земские управы и в уездное земское собрание.

24 января 1918 года уездное земское собрание удовлетворило ходатайство меннонитов и выделило их в самостоятельную Уранскую волость. Затем состоялись выборы гласных в Уранское

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² Там же.

волостное земство по сформированным округам.¹

Однако с отделением в самостоятельную волость колонистам так и не удалось обособиться. В течение 1918-1919 гг. в Уранский волисполком приходили самые разные директивы от различных властей: от Оренбургского губернского реввоенсовета, от белоказаков, от Башкирской республики. Представители разных органов власти пытались использовать меннонитов в своих интересах.

В различные инстанции обращался и волисполком. Так, летом 1918 года председатель Уранского ВИКа Д. Эйцен писал командующему войсками Оренбургского округа: «Красноармейцами 18-19 июня сего года из нашей волости выведены 110 лошадей, мобилизованные ими без расписки и без денег. По разным циркулирующим слухам, лошади эти находятся растерянными по пути их бегства. Населению Уранской волости лошади нужны для уборки хлеба».²

Неразбериха гражданской войны усугубилась территориальными изменениями. С июля 1919 года недавно созданная Башкирская Советская Республика начинает претендовать на территорию Уранской волости. Совет уполномоченных военно-революционного комитета Башреспублики, созывая съезд депутатов Ток-Чуранского кантона, указывал: «Хотя Ваша волость по соглашению Российского Рабоче-крестьянского правительства с Башкирским правительством не указана вошедшей в состав Ток-Чуранского кантона, в действительности она обязательно должна войти в состав Башкирской Советской Республики.

Во-первых, Уранская волость расположена на середине территории Кипчакской волости и по этому одному уже не может находиться, будучи оторванной, в ведении Оренбургской губернии. Во-вторых, эта волость образована совсем недавно, когда уже был окончательно выработан территориальный проект Башкирской Советской Республики.

На основании вышеизложенного Совет уполномоченных указывает на необходимость обязательного участия депутатов Уранской волости на съезде».³

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

² Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 4.

³ Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 105.

Подобные распоряжения башкирские власти отдавали и Люксембургскому волисполкому Самарской губернии, на территории которого находились меннонитские колонии Ново-Самарского поселения. Бузулукский уездный исполком 12 июля 1919 года разъяснял, что Люксембургская волость «в число волостей Башкирской Республики не входит и всецело находится в ведении Российской Социалистической Республики, почему никакие распоряжения Башкирской Республики на нее не распространяются».¹ Уранские же меннониты долгое время оставались в неведении: кому же им подчиняться? Из Оренбурга приходили противоречивые указания. 27 июля 1919 года Президиум Оренбургского губисполкома сообщил, что на заседании «совместно с уполномоченными Башкирского Ревкома... решено временно впредь до окончательного разрешения этого вопроса Центром подчинить указанную волость в административном отношении Совету Уполномоченных Башкирской Советской Республики».²

Более поздний документ губисполкома, датированный 30 октября 1919 года, доводил до сведения Уранского волисполкома, что их волость «в ведение Башкирской Республики на основании соглашения Российского Рабоче-Крестьянского правительства не входит, а посему предлагается все предписания и распоряжения отделов губисполкома исполнять без всякой промедленности».³ Меннониты, которым царское правительство оказывало особую опеку, и которые всегда аккуратно исполняли требования местных властей, были в недоумении. Тем временем новая власть молодой Башреспублики активно проводила свою политику не только в башкирских селах, но и в немецких колониях. Ток-Чуранский кантонный исполком был недоволен тем, что «не твердо выполняются распоряжения, исходящие от кантона». 7 августа 1919 года от Уранского волисполкома требовалось «немедленно переорганизовать как волостной, так и сельские советы и о каждом созыве волостного съезда доносить сему исполкому, от которого будет высылаем представитель».⁴ Ознакомив председа-

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

² Там же. Л. 43.

³ Там же. Л. 77.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 47.

телей сельских советов Уранской волости с инструкцией о проведении 3 ноября 1919 года Дня Красной Башкирии и сборе для этого вещей и денег, руководство Ток-Чуранского кантона взяло с них расписку, что они «обязуются со своей стороны сделать все для успеха сбора» и «лично отвезут собранные вещи и деньги в деревню Ахмерово».¹

Осенью 1919 года Башкирское правительство распорядилось оставить в колониях на каждого едока по 30 фунтов хлеба на месяц, на каждую рабочую лошадь 1 пуд 20 фунтов овса, на дойную корову 32 фунта. Домашних животных оставить из расчета: одну рабочую лошадь на 10 десятин земли и одну дойную корову на 5 человек.²

Посетившему осенью 1919 года Уранскую волость члену ВЦИК Шишилову жители колонии Зеленая жаловались: «От такого неправильного постановления наше трудовое хозяйство идет к полному упадку, после такого проведенного приказа мы остаемся без посева на 1920 год».³ Они просили содействия Шишилова перед председателем ВЦИК М.И. Калининым в отделении Уранской волости от Башкирии и просили «не нарушать наш хозяйственный аппарат, которым мы можем дать продукты Центру и нашим товарищам рабочим фабричным Москвы и Петрограда и нашей доблестной Красной Армии, но не тунеядцам автономистам кочевникам».⁴

С 1919 года Наркомат по военным делам Башреспублики стал призывать меннонитских юношей на действительную военную службу. Ввиду злоупотребления декретом Совнаркома от 4 января 1919 года об освобождении от воинской обязанности по религиозным убеждениям, 4 января 1920 года наркомат разъяснял: «Указанный декрет Совнаркома совсем не освобождает от общегосударственной повинности с целью отправить по домам сектантов, наоборот, признанный народным судом за действительно убежденного сектанта... красноармеец назначается санитаром в эпидемические госпитали или на другую более трудную

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.

² Там же. Л. 54.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 54об.

общепользную работу».¹

6 апреля 1920 года комиссия по борьбе с дезертирством Ток-Чуранского кантона распорядилась арестовать и представить в военкомат председателя Уранского волисполкома для объяснения по поводу укрывательства дезертиров. «И если меннониты не явятся, - угрожал приказ, - то будут высланы вооруженные силы для ареста таковых».² А 23 октября 1920 года военкомат Ток-Чуранского кантона и вовсе переехал с хутора Айяргул в колонию Донскую Люксембургской волости.³ По мнению главы Представительства по делам меннонитских колоний Восточной России и Сибири Н. Классена, в начале августа 1921 года обратившегося с письмом в Наркомнац, «переселение не было вызвано необходимостью, а просто диктовалось видами на сытое существование в колониях. А до полной дезорганизации хозяйственной жизни колонии, до разрушения хозяйств им, конечно, не было дела».⁴

В докладной записке 13 августа 1921 года делегаты Уранской и Люксембургской волостей указывали: «На меннонитов легла вся тяжесть фактического содержания всех кантонных (уездных) учреждений с их штатами. Так, например, в Люксембургской волости (где помещалась большая часть учреждений) служащие в количестве до 1000 человек, на основании местных распоряжений, возложили на местное население обязанность не только представлять им помещения, но также убирать и отапливать их, а самих жильцов продовольствовать, безвозмездно отпуская им молоко, хлеб, масло, обеды и пр. Это бесплатное нахлебничество сопровождалось жестокой подводной повинностью. За последние 6 месяцев в одной Люксембургской волости подано более 18 000 подвод, сделано 440 000 верст».⁵

Колонисты просили защиты от грабительских действий местных деятелей, разорявших меннонитские колонии. Один из

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 79. Л. 23.

² Там же. Л. 88.

³ Там же. Л. 128.

⁴ Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918 - 1941 гг. - М., 1999. - С. 145.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1064. Оп. 1. Д. 23. Л. 64.

представителей местной власти Садык Габзелилов, бывший председатель кантонной комиссии по борьбе с дезертирством, «со своим воинствующим отрядом в 50 человек время от времени совершает набеги на колонии, устанавливает свой образ правления и, не довольствуясь в таком случае захватом власти, всеми способами терроризирует местное население: выгоняет из дома и хозяйства мирных жителей; при его содействии разрушаются сады и другие культурные сельскохозяйственные ценности. Со всем своим отрядом он расположился в колонии и ставит невероятные требования на продукты и прочее, что при нынешнем тяжелом продовольственном положении, в связи с... неурожаем, совершенно недопустимо. Такого рода «объезд» С. Габзелилова... напоминает набег вражеских бандитов».¹

Однако, стремясь к отделению от Башкирии, меннониты были заинтересованы, в первую очередь, в своем обособлении как от башкирских соседних селений, так и от русских. 15 июня 1918 года Уранское волостное собрание отклонило просьбу граждан села Ново-Никольское о принятии их в Уранскую волость, но этим же решением принимает в волость Классена П.П. и Янца Я.Х.² Вопрос о выходе Уранской волости из ведения Башкирии и причислении ее к Оренбургской губернии окончательно был решен только в апреле 1922 года. Волость была самостоятельной до 30 мая 1927 года.³

Вплоть до коллективизации сельского хозяйства 1929 – 1930 гг. жизнь в немецких колониях протекала по меннонитским общинным законам, ограничиваясь лишь некоторыми предписаниями в отношении обучения в школе и вовлечения молодежи в религиозные обряды. Что же касается собственности на землю, то каждый колонист пользовался тем количеством земли, которое у него было до революции. Проведенное волисполкомом в 1924 года землеустройство фактически закрепило существующие формы землепользования, установив лишь предельный размер надела в 80 десятин.⁴

¹ Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918 - 1941 гг. - М., 1999. – С. 145.

² ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 50об-51.

³ ГАОО. Описание фонда Р-11. Л. 2.

⁴ ЦДНИ ОО. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

Безземельные же, как и прежде, арендовали землю у собственников или нанимались в батраки на мельницы, сыроварни, в хозяйства богатых колонистов.

Земельный кризис, вынудивший колонистов переселяться в Оренбуржье в конце XIX в., на новом месте сказался уже через 20-25 лет. Например, в колонии Петровка, основанной в 1894 году, к 1918 году проживало 30 семейств безземельных и 32 землевладельца. Среди безземельных 12 семей имели собственные дома, т.е. уже жили отдельно от родителей, 18 семей не имели и домов. Не имел землю и так называемый класс ремесленников или предпринимателей. В Петровке это были мельник Я.Я. Вибе, торговец Н.Н. Вибе и кузнец Ф.П. Эннс.¹

Для решения земельного вопроса некоторые семьи делили свои 40-десятинные наделы пополам. В списке жителей Петровки в 1918 году кроме владельцев 40- и 80-десятинных наделов встречаются владельцы наделов в 20 десятин.²

Пути решения земельной проблемы искала и меннонитская община. Осенью 1919 года земельный отдел Уранского волисполкома согласно постановлению волостного собрания отвел 400 десятин земли для безземельных граждан колоний Зеленое и Карагуй. И в 5 верстах от колонии Зеленое был образован поселок Погорное.³ Близ колонии Кичкасс было отведено 110 десятин для безземельных граждан колоний Алисово, Добровка, Камышевка, Претория и Хортица.⁴ В возникшем здесь поселке Любимовка в 1920 году поселилось 10 семей. В основном, это были родившиеся уже на оренбургской земле и не наследовавшие отцовские наделы.⁵

В 1921-22 гг. на Южном Урале и в Поволжье разразился голод. Он был вызван засухой, повлекшей неурожай, а также продразверсткой, гражданской войной, порушенными хозяйственными связями. В 1921 году в Оренбургской губернии каждая десятина посева дала в среднем 4,3 пуда хлеба. Весь годовой сбор по Киргизской республике составил 2,5 млн. пудов зерна, тогда как

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 5. Л. 7об.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Д. 44. Л. 26.

⁴ Там же. Л. 72.

⁵ Там же. Л. 140.

только в семенной фонд необходимо было ссыпать 6,24 млн. пудов.¹ По сведениям о состоянии хлебов на 1 июля 1922 года по Уранской волости в 23 колониях из 8473 десятин посевов только 52 десятины оценивались как хорошие, 144 - выше среднего, 2002 – средние (подсчитано нами). Остальные посевы были плохими или погибли.²

В октябре 1921 года в Оренбург на Всекиргизский съезд Советов был командирован сотрудник Наркомнаца Михаил Павлович, который по возвращении докладывал в Совнарком: «1921 год явился одним из самых страшных катастрофических годов для Киркрая. Зима была ранняя, суровая, запаса сена и подножного корма не было, ибо... названному году предшествовали ряд лет неурожая трав, а имевшиеся небольшие запасы сена отбирались продорганами».³

С ведома советского правительства за помощью для голодающих к американскому народу обратился А.М. Горький. В августе 1921 года в Риге было подписано соглашение между правительством РСФСР и Американской Администрацией Помощи («American Relief Administration» – АРА).⁴ Продовольственную помощь стала оказывать также Американская Меннонитская Помощь (АМП). В Оренбургской губернии за период с ноября 1921 года по середину февраля 1922 года было охвачено питанием около 150 тыс. детей в почти 900 столовых. Туда поступило 1520 пудов 37 фунтов медикаментов.⁵

В январе 1922 года председатель Люксембургского волисполкома Дик телеграфировал директору АМП в России Миллеру: «Число лиц, не имеющих никаких своих продуктов и живущих исключительно пайком американских меннонитов, 20 января равнялось 2050, остальное население питается большей частью овощами, которые также на исходе. Всего населения в волости 3850... Все наши попытки добыть себе хлеба неудачны. Привоза кроме вашего нет. Заболевания на почве голода очень часты, есть

¹ ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 89. Л. 57.

² ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 48. Л. 23.

³ ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 89. Л. 27.

⁴ Там же. Д. 17. Л. 40.

⁵ Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920 -1921 гг. и Южный Урал. – Оренбург, бург, 1999. – С. 83.

смертные случаи».¹

Не лучше была ситуация в Уранской волости. Целые села жили большей частью сусликами. За зиму 1921-1922 гг. было зарегистрировано 30 случаев голодной смерти.² В начале 1922 года Уранский волисполком просил в Оренбургском отделении АРА «медикаментов... для нужд населения волости в 5625 душ»,³ так как «в последнее время заболевания эпидемического характера... повторяются все чаще, и число больных увеличивается с каждым днем, а оборудованный в кол. Деевка фельдшерский пункт медикаментов никаких не имеет».⁴

Зимой 1922 года Уранский волисполком направил еще одно заявление в АРА, где указывалось, что «культурные хозяйства меннонитов... свободно могли бы засеять 10 000 десятин, какие и приготовлены на 1922 год, причем количество десятин пашни выражается цифрой 6113, а предполагаемая весенняя запашка – 4000 десятин.

Вследствие полного отсутствия семенного материала, приобрести каковой волисполком пока находит невозможным при полной разрухе железнодорожного транспорта... волисполком просит не отказать в отпуске Уранской волости 70 000 пудов семенного материала».⁵

В те годы представитель АМП американец Я. Геппнер с большим складом продовольствия для голодающих располагался в колонии Клубниково. В план американской помощи входила не только поддержка голодающих, но и восстановление хозяйств местных меннонитов, для чего в Уранскую волость были доставлены несколько импортных тракторов и большое количество семенного материала.⁶ Под руководством американских специалистов 4 трактора работало в Уранской волости и 3 – в Люксембургской.⁷ А всего в России в 1923 году было 50 тракторов, дос-

¹ ГАРФ. Ф. А-424. Оп. 1. Д. 14. Л. 97.

² Там же. Д. 76. Л. 32.

³ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 47. Л. 167.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 167об.

⁶ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 145.

⁷ ГАРФ. Ф. А-424. Оп. 1. Д. 10. Л. 101.

тавленных по линии АМП.¹ Американские благотворительные организации опекали российских меннонитов вплоть до 1927 года. В Уранскую и Люксембургскую волости поступал семенной материал, лошади.

Благотворительная деятельность иностранных организаций резко критиковалась местными властями. Так, в докладе Оренбургского губисполкома V губернскому съезду Советов подчеркивалось: «Нужно считать, что эта помощь своеобразная... а именно: принцип кормления внеклассовый, тогда как голод переносят главным образом крестьянство и рабочие... помощь АРА в ряде случаев оказывается не нужной населению».² Упреки были отчасти справедливы, поскольку американские организации занимались не только благотворительностью, но и агитацией среди колонистов эмигрировать в США и Канаду. А созданное в 1923 году при поддержке АМП Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество, отделения которого на местах стали распределять продовольствие, взяло на себя функции посредника при эмиграции в Америку.³ Подстрекательство к эмиграции послужило поводом того, что в ноябре 1925 года директору АМП в России Миллеру было отказано в продлении вида на жительство. Ему надлежало покинуть страну в 7-дневный срок. После обращения в Совнарком и к председателю Московского Совета Л.Б. Каменеву вид на жительство все же был продлен.⁴

Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество (далее – ВМСХО или меннобщество) было основано на религиозно-националистических началах, так как согласно уставу его членами могли быть лишь меннониты, потомки переселенцев из Германии и Голландии. Неменнониты могли стать членами общества только по постановлению общего собрания.⁵

Сразу же после создания Уранского отделения ВМСХО его руководство повело линию на 100-процентную кооперацию меннонитского хозяйства и начало борьбу с уже имевшимся в волос-

¹ ГАРФ. Ф. А-424. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.

² Цит. по: Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920 - 1921 гг. и Южный Урал. – Оренбург, 1999. – С. 83.

³ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 145.

⁴ ГАРФ. Ф. А-424. Оп. 1. Д. 151. Л.Л. 3, 4, 11.

⁵ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 27.

ти Урано-Деевским кредитным сельскохозяйственным товариществом, которое ставило перед собой только экономические задачи.

Губернский союз кредитно-сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов (далее – Губкредитпромсоюз) констатировал, что устав Уранского отделения ВМСХО был зарегистрирован в Оренбурге 26 мая 1924 года, а 18 января 1926 года его деятельность была распространена на все немецкие колонии волости.¹ В справке Губкредитпромсоюза о деятельности меннобщества подчеркивалось: «Целью организации общества было создание чисто кастовой организации для защиты прав меннонитов, а фактически – создание наряду с органами советской власти своего управленческо-хозяйственного органа. В уставе наряду с хозяйственными задачами стоит целый ряд заданий иного, не входящего в задачи кооперации, порядка... В 1926 году общество содержало почтовую контору и организовало переселение в Америку. Из обследований по партийной и советской линиям было выяснено, что меннонитское общество подменяло собой ВИК даже в таких вопросах, как налоговые».² Советские и партийные органы добивались выхода уранских меннонитов из-под влияния ВМСХО и создания чисто экономического кооператива, но в условиях нэпа этого сделать не удалось.

Кстати, меннонитским обществом и волисполкомом руководили одни и те же люди. Председатель Уранского волисполкома Кливер был одновременно членом совета меннобщества, председатель меннобщества являлся председателем ревизионной комиссии ВИКа, секретарь ВИКа состоял в ревизионной комиссии меннобщества.³ Но меннонитские общины к тому времени не были однородны, сказывался раскол на братскую и церковную общины, имущественное и земельное неравенство, влияла и большевистская агитация. В мае 1925 года было зарегистрировано Преторийское кредитно-сельскохозяйственное товарищество «Единение», член правления которого А.А. Прис в письме в немецкую секцию губкома ВКП (б) писал: «Весной 1925 года стало

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 27.

² Там же.

³ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1045. Л. 55.

ясно, что мы с меннонитским обществом во взглядах на кооперацию расходимся и открыли в Претории кооператив... Первоначально целями нашего общества было снабдить население дешевыми товарами и наладить сбыт продукции сельского хозяйства... На второй год были приобретены поросята Йоркширской породы и овцы Волжской породы для организации рассадников... Был открыт сыроваренный завод... К августу 1926 года наш баланс стал уже настолько сильным, что мы смогли выделить значительную часть на организацию потребительского общества... Товарищество из чисто сельскохозяйственных было реорганизовано в кредитно-сельскохозяйственное и включило в район своей деятельности район бывшего Урано-Деевского кредитного сельскохозяйственного товарищества, что дало нам порядочный приток членов».¹

Уранское отделение Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного общества существовало на базе Клубниковского крестьянского сельскохозяйственного товарищества,² и заведующий избой-читальней Уранской волости Я. Мартенс 11 июля 1926 года сообщал в губком ВКП (б), что «между Клубниковской и Преторийской кооперациями – вражда...

Сторонники меннонитского общества еще на прошлых выборах метили в председатели ВИКа своего руководителя Бергмана. На прошлых выборах это не удалось, отложили до следующих».³

Однако орган губернского комитета ВКП (б) и губисполкома газета «Смычка» 2 января 1926 года расценила итоги выборов в Уранский волостной Совет как победу меннобщества: «Во время предвыборной агитации по колониям и на заседании Совета общества накануне съезда предлагалось избирать в будущий ВИК только членов общества, а ни в коем случае не коммунистов. Цель – сделать будущий ВИК игрушкой в руках ядра общества. Результаты выборов показали, что они справились с этой задачей».⁴

В марте 1926 года «Смычка» вновь обращается к теме Уран-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 146.

² Там же. Л. 145.

³ Там же. Д. 1045. Л. 55 .

⁴ Смычка. – 1926. – 2 февраля.

ского меннонитского общества и повествует об издевательствах общества над теми колонистами, которые не являлись его членами, и над «упрямой Преторией»: «Несмотря на то, что колония Претория является фактически культурным центром Уранской волости, несмотря на то, что там находится школа 9-летка, нарсад, агроном, зоотехник и один из лучших кооперативов, волостные акулы намериваются эту колонию отрезать и изолировать, за то, что о меннонитском обществе и знать не хочет».¹ Через Преторию долгие годы проходил почтовый тракт из села Покровки в Кичкасс. Чтобы наказать преторийцев, не послушных меннообществу, руководители волысполкома и меннообщества решили поставить новый мост в Камышовке, отводя тем самым почтовый тракт от Претории и лишая колонии Суворовку и Любимовку связи с их сельским советом, кооперацией и сыроваренным заводом, куда ежедневно доставлялось молоко.

Меннонитское общество стремилось быть единственной властью в колониях, чтобы диктовать единые хозяйственные, идеологические, религиозные принципы для всех меннонитов. И борьба с Преторийским кредитно-сельскохозяйственным товариществом – не единственный пример подавления инакомыслия. Еще во времена становления меннообщества в 1923 году, когда жители колонии Сабангул, состоявшей из 22 дворов, в основном, небогатых собственников, решили организовать кооператив и потребовали в соответствии с существующими законами раздела земли, меннонитское общество увидело в этом нежелательный прецедент и поспешило вынести на совещание представителей колоний Уранской волости вопрос «о распределении граждан колонии Сабангул». Совещание постановило: «Распределить граждан колонии Сабангул по жребию, перевезти их со всем имуществом. Постройки их возвести в других колониях».² Поселок растащили. Такая мера мотивировалась тем, что «легче помочь каждой колонии, взяв по одному двору, чем помочь целой колонии». Позже выяснилось, что бывшие жители Сабангула, размещенные по другим колониям, не получили ни земли, ни помощи и, прода-

¹ Смычка. – 1926. – 21 марта.

² Ипатов А.Н. Меннониты. Вопросы формирования этноконфессиональной общности. – М., 1978. – С. 139.

вая последнюю корову, вынуждены были покупать землю.¹

4 декабря 1926 года Уранское меннонитское общество вступило в члены Оренбургского губернского Союза кредитно-сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов, в котором состояло и Преторийское кредитно-сельскохозяйственное общество. Это решение было вызвано тем, что к концу 1926 года американские благотворительные организации постепенно свернули свою деятельность, а самые активные члены меннобщества эмигрировали за границу. К тому же губернский селькредитпромсоюз все функции по кредитованию, хлебозаготовкам, снабжению машинами на территории Уранской волости передал Преторийскому товариществу. Но, даже вступая в селькредитпромсоюз, директивным органом для себя меннобщество признавало только Центральное меннонитское общество.²

Это же было подчеркнуто и на меннонитском съезде Уранской волости, состоявшемся 9 февраля 1927 года в колонии Кубанка. На нем, кстати, председательствовал председатель волисполкома Кливер. К тому времени в меннобществе было 665 членов, из предприятий: арендованная мельница, 3 сыроваренных завода, из них 2 – собственных, молочная ферма и как подсобное предприятие – лавка для сбыта в Оренбурге. Кроме того, был организован контрольный молочный союз. Имелся зернопункт, проводилась работа по организации племенных табунов из молодняка, была проведена сельскохозяйственная выставка, велся учет племенного материала и сбыт красно-немецкого скота. Были привлечены агроном и зоотехник.³

В марте 1927 года губернский союз кредитно-сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов, проанализировав опыт работы Уранского меннобщества, сделал заключение, что «оно имеет все задатки стать ценной в системе сельхозкооперации организацией и сейчас уже по развитию своей агроработы является ценной сельхозячейкой». Однако рост общества значительно сдерживался его замкнутостью в узкие рамки

¹ Ипатов А.Н. Меннониты. Вопросы формирования этноконфессиональной общности. – М., 1978. – С. 140.

² ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 29.

³ Там же.

меннонитской организации, самоизоляции, что проявлялось в следовании только указаниям Центрального меннонитского общества и полным отрывом от губернского союза «из боязни потерять свою самостоятельность», – подчеркивалось в заключении.¹

Итак, в первые послереволюционные годы единство меннонитов России и зарубежья было как никогда крепким. Этому способствовали американские благотворительные общества, которые, начав деятельность в голодные 1921-22 годы, вели работу по подготовке российских меннонитов к эмиграции. Все общины сразу вывезти было невозможно, поэтому одновременно проводились мероприятия по укреплению хозяйств своих единоверцев здесь, в России. Это совпало по времени с новой экономической политикой в СССР. В эти же годы оренбургские колонисты попали в водоворот национальных преобразований, связанных с созданием Башкирской республики и отнесением Оренбургской губернии в ведение Киргизской АССР. Чужие национальные проблемы мало интересовали колонистов. Они, прежде всего, заботились о сохранении своего этноса, даже в ущерб экономическим интересам. Нежелание колонистов интегрироваться в новую жизнь, стремление к сохранению своей религиозной и этнической самобытности определили активное эмиграционное движение в 1929-30 гг.

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 29.

§ 2. Эмиграция в зарубежные страны

Хотя ко второму десятилетию XX века оренбургские дочерние колонии стали самостоятельными и в хозяйственном, и в религиозном отношении, центром духовной жизни для них еще долгое время оставалась Украина. Там издавались центральные меннонитские газеты, печаталась церковная и иная литература, готовились учительские кадры для меннонитских школ всей империи, и даже паспорта до 1917 года оренбургские переселенцы все еще получали в материнских общинах Екатеринославской и Таврической губерний.¹ Украинские колонии являлись одним из крупнейших центров меннонитской диаспоры мира. По данным на 1921 год, на Украине проживало около 60 тысяч меннонитов.²

Однако после революции 1917 года и отмены новой властью всех царских указов, в том числе и по меннонитам, последние забеспокоились за будущее своей диаспоры. Меннониты юга России в 1922 году создают «Союз потомков голландских выходцев на Украине», таким образом, отделившись от своих собратьев в других регионах бывшей российской империи, в том числе в дочерних колониях Оренбуржья, Башкирии, Сибири, Средней Азии.

Несмотря на то, что согласно уставу «Союз потомков» имел статус кооператива, он обеспечивал непосредственное руководство не только экономической, но и политической жизнью колоний, являлся гарантом сохранения самоуправления поселений, максимально ограждающим их от процессов советизации. Важнейшей полулегальной стороной деятельности объединения стала организация выезда меннонитов в Канаду и Германию.

Причины эмиграционных настроений в 20-е годы XX столетия были те же, что и всегда побуждали меннонитов покидать обжитые места и устремляться на новую родину: притеснения по религиозной линии, призыв на военную службу, посягательство на собственность. Причем, религиозные мотивы почти всегда стояли на первом месте, так как вера была главным объединяю-

¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3032. Л. 9.

² Осташева Н.В. Организационная деятельность меннонитского объединения «Союз потомков голландских выходцев» как фактор обеспечения эмиграционного процесса первой половины 20-х гг. XX в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. - М., 1998. - С. 231.

щим фактором меннонитской этноконфессиональной общности. Уже первые декреты советской власти показали, что религии не найдется места в новом общественном и государственном устройстве.

Объективным последствием эмиграционного процесса на Украине первой половины 20-х гг. стало уменьшение численности меннонитского населения и ослабление украинского центра меннонитской диаспоры мира. В период до 1927 года число членов меннонитских общин на Украине уменьшилось до 19277 человек.¹

В Оренбуржье первые попытки эмиграции были предприняты в 1919 году.² На эмиграционные настроения первых послереволюционных лет повлияло свержение царизма, гарантировавшего льготы меннонитам, и последовавшая затем чехарда многовластия в Оренбуржье. Директивы к исполнению поступали в колонии от Оренбургского реввоенсовета, от Оренбургского уездного по воинской повинности Присутствия, командующего войсками Оренбургского округа Дутова, Башкирского Добровольческого кавалерийского полка, Башкирского правительства и т.д. У колонистов отбирали лошадей, упряжь, повозки, хлеб. Молодых меннонитов насильно включали в разного рода воинские формирования. Все это ломало привычные устои меннонитов, живших замкнутыми общинами. Однако эмиграция в эти годы была небезопасна и неорганизована.

Основной причиной следующей волны миграции 1921 – 1925 годов явился голод. Неурожай 1921-22 гг., а также грабительские действия продотрядов вынудили тысячи жителей Урала и Поволжья спасаться в хлебных губерниях России и в Средней Азии. Голод приобрел такой размах, что в декабре 1921 года чрезвычайная комиссия по оказанию помощи голодающим при ЦИК Киргизской АССР (куда в то время входила Оренбургская губерния) сообщала в Уранский волисполком: «Наблюдаются случаи небрежных перевозок трупов... Трупы перевозятся совершенно неприкрытые и сложенные, как попало... Необходимо принять меры к перевозке трупов в закрытых повозках и по возможности

¹ Осташева Н.В. Указ. соч. – С. 238.

² ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1045. Л. 54.

в ночное время».¹

Судя по поименным спискам колоний, именно в эти годы многие выехали в Бишкек, Екатеринославскую губернию и небольшое количество в Америку.² В докладной записке в губком ВКП (б) заведующий избой-читальней Уранской волости сообщал о причинах эмиграции: «Бациллы этой заразы следующие: недороды, антисоветское настроение».³

Кроме того, выезду немцев за границу во многом содействовала агитация извне. Эмиграции в США и Канаду способствовала деятельность зарубежных благотворительных организаций: «Американской администрации помощи» (АРА) и особенно «Американской меннонитской помощи» (АМП). Не случайно, что созданное в 1923 году Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество, ставшее «посредником при эмиграции в Америку»,⁴ имело «в своем распоряжении семенной фонд АМП».⁵ В августе 1924 года в информационной сводке полномочного представительства ОГПУ по Оренбургской губернии о политическом и моральном состоянии населения отмечалось, что эмиграционным «движением меннонитов руководит АРА посредством переписки. Эта же Американская комиссия имеет связь с немцами Екатеринославской и Таврической губерний, воспитывая в них желание, переселиться в Америку посредством всяких заманчивых обещаний и предложений».⁶

Чуть раньше, в 1921 году, организацией эмиграции занималось Представительство по делам меннонитов Восточной России и Сибири. В октябре 1921 года Представительство сообщало в Уранскую волость: «Наши бесконечные обращения в правительство по поводу эмиграции результатов не дали. Правительство хочет, чтобы такой культурный элемент, как меннониты, остался здесь».⁷

Видимо, предпринимаемые Представительством шаги были

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 14. Л. 263об.

² Там же. Д. 19-40.

³ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1045. Л. 54.

⁴ Там же. Д. 1162. Л. 145.

⁵ Смычка. – 1926. – 21 марта.

⁶ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 511. Л. 4.

⁷ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 14. Л. 270 (на нем. языке.)

так робки и ненастойчивы, что Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество, учитывая предыдущий опыт, повело активную деятельность по возврату былых привилегий и льгот, а «если это не удастся, – то эмиграция за границу». При создании отделения в Уранской волости член Всероссийского меннобщества Классен говорил: «В наших планах и целях воспитать нашу молодежь по-нашему и добиться, чтобы молодежь освободили от военной службы».¹

Под маркой кооперации Урано-меннонитское сельскохозяйственное общество объединило почти все население волости и подменило собой все органы управления. В 1926 году газета «Смычка» писала: «Внешне ВИКи и сельсоветы существуют. В ВИКе образцовый порядок – все на своем месте. Но правят волостями (Люксембургской и Уранской) сельхозкооперативные организации – «Меннонитские общества». Этими обществами разрешаются всевозможные вопросы, включительно до предрешиения фактической раскладки сельхозналога».²

Председатель Уранского волисполкома Вольф, вошедший поначалу в правление Урано-меннонитского сельскохозяйственного общества, был противником эмиграции, за что в начале 1925 года был удален. Почти все правление этого общества к 1926 году уехало в Америку, в том числе и организатор и идейный вдохновитель эмиграции, житель колонии Клубниково Петр Корнельзен.³ 12 февраля 1926 года общее собрание Уранской секции ВКП(б), рассматривая вопрос о переселении немцев волости в Америку, зафиксировало: «В среднем каждую неделю 3 хозяйства производят распродажу всего имущества с торгов. Выезжают или готовятся к выезду преимущественно более обеспеченные середняки с чисто кулацкой психологией, которые чувствуют себя способными с успехом вести не только середняцкие хозяйства, но и стать организаторами труда и вести более крупную фирму с десятками рабочих и надеются, что им для достижения этой цели посредством эксплуатации чужого труда в Канаде не будут ставить разные рогатки... Жалеть о том, что такие люди уезжают из

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 17.

² Смычка. 1926. 20 августа.

³ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1164. Л. 145.

пределов СССР, конечно, не приходится».¹

Не жалели партийные и советские органы и о другой группе отъезжающих – «заядлых баптистах, которые боятся, что их дети, выросшие в СССР, станут безбожниками».²

Меннобщество составляло список желающих эмигрировать в Америку, обещало денежную помощь Московского центра. Такая помощь в частности была обещана К. Бергену из колонии Любимовка.³

В результате деятельности меннонитского сельскохозяйственного общества в 1924 году среди колонистов Уранской волости «было почти 100-процентное стремление к переезду».⁴ Этому способствовало «распространяющееся настроение переселения... [влияющее] на остающихся на местах крестьян».⁵

Однако реализовали свое стремление немногие. Уменьшение числа жителей Уранской волости с 1 января по 1 мая 1925 года на 198 человек губисполком объяснял переездом «немцев в другие районы, как-то: на Украину, в Бишкек и не очень большого количества в Америку... Вопрос о переезде немцев, населяющих Уранскую волость, приобретал серьезное значение... но к настоящему моменту он потерял значение, так как стремления к переезду нет».⁶

Что же удерживало основную часть немцев от эмиграции, так как официального запрета в то время еще не было?

Преобразования советской власти вплоть до коллективизации сельского хозяйства (1929-30 гг.) не касались устоев меннонитских общин. В августе 1926 года газета «Смычка» констатировала: «Революция, снесшая старые устои монархизма и буржуазии, не тронула установившейся жизни немецкой колонии Люксембургской волости Бузулукского уезда Самарской губернии. Там остались и по сей день старые порядки».⁷ «Понятие о Советской власти у них очень туманное и искаженное. Это ярко характери-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1045. Л. 4.

² Смычка. – 1926. – 20 июля.

³ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1045. Л. 54.

⁴ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 4. Л. 32.

⁵ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1045. Л. 4.

⁶ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 4. Л. 32.

⁷ Смычка. – 1926. – 17 августа.

зуются вопросом, заданным на одном из собраний зав. нем. секцией Губкома тов. Шмидту:

- Что делала бы Советская власть у нас, в колониях, если бы не нужно было собирать сельхозналог?»¹

В кратком отчете в губком ВКП (б) о работе среди немецкого населения губернии В. Шмидт в августе 1926 года докладывал: «В замкнутой среде существовали свои организации, такие как сиротские благотворительные комитеты, касса взаимопомощи, меннонитское сельскохозяйственное общество, меннонитские высшие и средние учебные заведения (центрально-школе), где воспитывались учителя в меннонитском сектантском духе. Затем у них всегда существовала своя «Библия-школе» (библейское учебное заведение), где готовились «проповедники» (проповедники), свои газеты, журналы, календари и т.д. Все вышеупомянутые меннонитские организации фактически продолжали существовать и при советской власти, часть – нелегально, часть – полулегально».²

Губернский отдел ГПУ также обнаружил «ряд ненормальностей, характеризующих весьма слабый темп советизации немецкого населения Уранской волости и сильное идеологическое влияние на волостной советский и общественный аппарат со стороны меннонитов».³

Вспышка новых эмиграционных настроений относится к 1929 - 1930 гг. И если причинами, побудившими к переселению предыдущих эмигрантов, были недород, запрет в 1924 году преподавания в школах Закона Божия и лишение избирательных прав кулаков и проповедников,⁴ то поводом к эмиграции в 1929 году стало землеустройство. Инструктор немецкой секции Оренбургского окружного комитета ВКП (б) В. Шмидт, работавший в качестве представителя Покровского РИКа при Уранской землеустроительной партии, в докладной записке в окружном сообщал: «Настроение населения было нехорошее, ибо оно чувствовало, что земли им будет даваться меньше, чем у них было».⁵

¹ Смычка. – 1926. – 20 августа.

² ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 178.

³ Там же. Д. 987. Л. 188.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 282. Л. 17об.

⁵ Там же. Л. 19

Далее В. Шмидт приводит предыдущие нормы земли на одного едока. К примеру, в Алисово норма была 9 гектаров, в Родничном - 9,4 га, в Федоровке - 7,49 га, в Хортице - 5,97 га и т.д. По установленным нормам Покровского райисполкома, в ведение которого с 1927 по 1930 годы входили немецкие колонии упраздненной Уранской волости, на каждого едока отводилось всего 3,375 га земли 1 разряда, 4,5 га – 2 разряда и 6,75 га – 3 разряда. Учитывая то обстоятельство, что в Уранской волости большинство земли было 1 разряда, то колонисты получили земельные наделы в 2-3 раза меньше существующих прежде. Тем более что эту землю колонисты покупали на собственные деньги, залезая в долги по кредитам банка и ссудам материнских колоний. В. Шмидт предупреждал, что «ведение хозяйства со скотоводческим уклоном на такой площади невыносимо. Сыроваренные заводы могут после этого прекратить свою работу, если не будет достаточно земли для скота».¹ По заключению В. Шмидта, «настроение населения очень паршивое и можно с уверенностью сказать, что землеустройство – одна из причин, способствующих эмиграции в Америку».²

Землеустройство было поводом эмиграционной волны 1929 года. Причины же были прежние: вмешательство во внутреннюю жизнь колоний, притеснение по религиозной линии, призыв на военную службу, посягательство на частную собственность. Еще одну из причин называет Оренбургский окружком ВКП (б) в докладной записке в ЦК ВКП (б): «Эмиграция в последнее время особенно усилилась потому, что из Москвы получается ряд частных телеграмм о том, что выезд в Америку разрешен... Большое влияние оказывают Московские немецкие газеты «Московское обозрение» и «Центральная газета», сообщающие о том, что Советское правительство разрешило эмиграцию».³

В этом же документе указываются сроки: «Эмиграционное движение среди немецкого населения в Округе началось в августе и приняло широкие размеры в октябре».⁴

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 282. Л. 19.

² Там же.

³ Там же. Д. 178. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 1.

По данным Оренбургского окружкома, на 15 октября 1929 года из Покровского района (из немецких колоний бывшей Уранской волости) выехало 62 хозяйства, около 250 человек, на 8 ноября 1929 года из 16 колоний Сорочинского района (Ново-Самарское поселение) выехало 75 хозяйств.¹

2 ноября 1929 года ответственный секретарь Оренбургского окружкома ВКП (б) в телеграмме Сорочинскому и Покровскому райкомам «ввиду непрекращающегося, а все усиливающегося эмиграционного движения среди немцев» требовал «немедленно под ответственность райкомов принять меры к прекращению эмиграционного движения. Развейте бешеную агитацию, добейтесь немедленного откола бедноты, середняков от кулачества. Мобилизуйте всех наличных членов бюро райкома, Президиума РИКа для посылки в немецкие колонии. Высылку работников производите в 24 часа. Увяжитесь по всем мероприятиям с уполномоченным ГПУ».²

Хотя советские и партийные органы и требовали откола зажиточных от бедноты и считали, что главной причиной эмиграции является агитация кулаков и проповедников, в одном из документов окружкома в начале 1930 года утверждается, что «этим движением охвачены в подавляющей части хозяйства бедняков и середняков. Из кулацкой же и зажиточной части, составляющей 11,5 % всего немецкого населения, эмигрировали очень немногие».³

1 ноября 1929 года в газете «Централь Цайтунг», органе Центрального бюро немецкой секции при ЦК ВКП (б), была опубликована статья об эмиграции, которую перевел на русский язык и отправил в колонии инструктор Оренбургского окружкома Шмидт. В статье говорилось, что обещанные в августе 1929 года Канадским пароходным обществом средства на отправку 8500 эмигрантов не подтвердились, что капиталистические заграничные фирмы рассматривают эмигрантов из России как рабочий скот. Статья заканчивается призывом «не участвовать в этой аванюре, ещё раз всё обдумать. Все бедняки и середняки, же-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп.1. Д. 201. Л. 45.

² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 201. Л. 57.

³ Там же. Д. 282. Л. 14.

лающие вернуться обратно, могут обратиться в соответствующие советские организации».¹

Желающих вернуться не оказалось. Меннониты, распродав своё хозяйство, стремились туда, где лучше, откуда приходили обнадёживающие письма-приглашения уехавших ранее собратьев. Чтобы остановить эмиграционную волну, местные партийные органы просили провести наглядный урок, прислав из Москвы в колонии всех выехавших. «Местные партийцы, специально посланные товарищи из района, округа, пытались задержать, в некоторых случаях насильно заставили оставаться на месте, но немецкое упорство довольно трудно переломить, нужен был наглядный урок, чтобы прийти в состояние равновесия, чтобы созданное агитаторами за эмиграцию настроение изменить»,² - говорилось в справке окружного комитета ВКП (б).

Однако настроения вернувшихся немцев были крайне враждебны³ и это только подогревало эмиграционный процесс. 7 января 1930 года секретариат Оренбургского окружкома ВКП (б) констатировал: «Эмигранты, возвращенные из Москвы, настроены по отношению к Советской власти враждебно, и почти никто не принимается за восстановление хозяйства, заявляя: «Всё равно уедем».⁴

В январе в Покровском районе работала бригада работников судебно-следственных органов по расторжению кабальных сделок купли-продажи имущества. Из их отчета: «Расторгнуто 3 кабальных сделки, и то только те, которые были заключены с русскими... Те же, кто купил имущество, отдают, а те, кто продал - не хотят брать, говоря: «Ничего нам не надо».⁵

Бюро Покровского райкома ВКП (б) 27 января 1930 года также отмечало, что возвратившиеся эмигранты сеять не хотят, возвращаемое имущество не берут, а паёк получают в первую очередь.⁶

Комиссия окружкома ВКП (б), работавшая в Покровском

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 86. Л. 57-58.

² Там же. Д. 201. Л. 18.

³ Там же. Д. 282. Л. 14.

⁴ ГАОО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 67. Л. 69.

⁵ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 179. Л. 16.

⁶ Там же. Л. 23.

районе в январе 1930 года, докладывала: «Та часть бедняков и середняков, которая выезжала и вынуждена была вернуться обратно, находится в крайне тяжелом положении, так как, выезжая, они почти все свое хозяйство ликвидировали...

Из выехавших 217 хозяйств (1129 душ – 18,7 % населения) вернулось 178 хозяйств (81 %). Бедняцких и середняцких хозяйств – 170 (84,5 %). Выезжавшими хозяйствами ликвидировано: лошадей – 389 голов, рогатого скота – 902 головы, мелкого скота – 546 голов, сельхозинвентаря – 670 штук, построек (дома) – 73. Кроме того, проданы пашни и посеы ржи 13 хозяйствами, 206 хозяйствами распроданы все необходимые предметы домашней принадлежности, 198 – имеющийся у них фураж. В настоящее время вернувшимися хозяйствами получено обратно: лошадей – 6 голов, мелкого скота – 9 голов, рогатого скота – 5 голов, инвентаря – 6 шт., построек – 6».¹

Весной 1930 года ожидалась новая волна эмиграции, к ней готовились и колонисты, и партийно-советские органы. 7 января секретариат Оренбургского окружного комитета ВКП (б) подчеркивал, что «движение за эмиграцию не только не ликвидировано, но имеют место некоторые нарастания эмиграционной активности (распространение среди населения разных слухов и сведений о якобы начавшейся отправке меннонитов за границу, о даче разрешений Советским правительством, о вмешательстве в защиту меннонитов германского консула и Лиги Наций, что заставят Советское правительство отправить меннонитов в Германию и Канаду, о разборе этого вопроса в Германском Рейхстаге и сочувственных отзывах буржуазных деятелей о меннонитах, о лучшей свободной жизни в Америке, предоставлении дешевого кредита на 10 лет для организации собственного хозяйства). Все эти слухи широко используются антисоветскими элементами в немецких колониях, приподнимая настроение эмиграции».²

Эти выводы окружкома опирались на информацию Оренбургского окружного отдела ГПУ. Сводка о настроениях немцев по состоянию на 12 марта 1930 года содержала следующие сведения:

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 282. Л. 14.

² ГАОО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 67. Л. 69.

«В колонии Претория Покровского района Фризен Исай Исаевич получил письмо из Сибири от сына Фризена Петра Исаевича, в котором сын пишет: «Все немцы, живущие в Сибири, весной уезжают в Америку». Эти слухи распространились по всем колониям».¹

«В колонии Клубниково Покровского района 1 марта Ланге Яков Яковлевич написал бумажку и приклеил к магазину, где говорилось: «На днях выезжаем в Америку, берите пару белья, остальное имущество оставляйте дома, всё равно отберут».²

«В колонии Кичкасс Покровского района при встрече с секретарем сельского совета Бергеном В.П., бывший эмигрант-средняк рассказывал: «Тяга в Америку среди немцев не только не уменьшилась, но наоборот увеличилась, особенно в кол. Претория, Петровка, Каменка и Николаевка. Во всех дворах готовят сухари и закуплены дорожные чемоданы и корзины. 18 марта надеются выехать за границу. Надежды на выезд немцы питают на Германское консульство в СССР».³

Впрочем, назывались и другие даты организованного выезда за границу. «9-10 мая между колониями, которые поражены эмиграционным настроением (Хортица, Каменка, Канцеровка, Федоровка, Романовка, Суворовка) была устроена конная связь на случай извещения о часе выезда. Выезд был назначен на 12 часов ночи, многие спали одевшись, ожидая извещения, вещи были связаны... Немцы ожидали, что к ним должен будет официально из Москвы явиться германский консул и сказать, какое количество и кто даже едет в Америку, на них же раздать здесь на месте паспорта».⁴

ОГПУ не только собирал сведения, но и действовал силовыми методами. 25 марта 1930 года в записке начальнику особого отдела ГПУ Приволжского военного округа докладывалось: «Проводятся оперативные мероприятия. По Сорочинским колониям арестовано 8 человек, по Покровским колониям намечено к аресту 12 человек».⁵

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 319. Л. 72.

² Там же. Л. 74.

³ Там же. Л. 75.

⁴ Там же. Д. 282. Л. 10.

⁵ Там же. Д. 319. Л. 210.

4 февраля 1930 года за призыв выехать в Канаду Оренбургским окротделом ГПУ был арестован Винс Даниил Гергардович, житель села Ишалка Сорочинского района, а 9 февраля 1930 года арестовали Регер Ивана Петровича, проживающего в селе Долинское того же района. 10 апреля 1930 года тройкой ОГПУ по Средне-Волжскому краю они были осуждены к заключению в концлагерь сроком на 5 лет, с заменой высылкой в Северный край на тот же срок.¹

16 марта бюро Оренбургского окружкома предлагало «начальнику окротдела ОГПУ... немедленно принять решительные меры к недопуску проезда немцев-эмигрантов по железной дороге. Всех, осевших в колониях немцев из других районов и округов, не занимающихся сельским хозяйством, немедленно выселять к месту прежнего жительства».²

Фракции окрисполкома предлагалось «включить в списки выселяемых на запольные участки кулаков-лишенцев, а также те хозяйства, которые не желают заниматься сельским хозяйством, разбазарив все свое имущество в целях эмиграции. Причем выселение немцев-колонистов должно проводиться обязательно за пределы района».³

К выселению за пределы округа по 2-ой категории дополнительно утверждалось 45 «явно кулацких хозяйств, ведущих работу за эмиграцию», в том числе из Покровского района – 20, Сорочинского – 15 и 10 – из Оренбургского и Буртинского районов. Окружному штабу вменялось провести выселение до 25 марта.⁴

В сводке ОГПУ о настроениях немцев по состоянию на 24 марта 1930 года констатировалось: «Раскулачивание на немцев действует сильно, особенно выселение. Подаются заявления за подписями бедняков и батраков с просьбой не разорять того или иного кулака, ручаясь за его лояльность. Выселение среди зимы считается в высшей степени несправедливостью. В связи с этим снова появляется эмиграционное настроение. В разговоре с не-

¹ Ишбулатов Ф.А. Судьбы репрессированных немцев Оренбуржья // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург, 1998. – С. 96.

² ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 257. Л. 118.

³ Там же.

⁴ Там же.

сколькими бедняками... говорят о немедленном выезде, в случае получения разрешения... Соглашаются отдать все, просят только разрешения на выезд».¹

Выселялись из колоний не только зажиточные, но и проповедники. Так, в конце марта 1930 года из колоний Сорочинского района было выселено 11 человек, из них 9 кулаков и 2 проповедника.²

Деление на бедных и богатых, проповедников и прихожан в меннонитских общинах было чисто условное. Проповедником мог быть любой прихожанин, которому община на общественных началах поручала вести религиозную деятельность. Председатель Преторийского сельсовета Виббе предполагал: «Ведь может случиться, что все немцы будут лишены права голоса, т.к. всякий из нас может оказаться избранным в проповедники».³

Пленум Люксембургского сельсовета Сорочинского района, указывая на причину эмиграционного настроения среди середняков, отмечал их опасения: «Сегодня я середняк, а возможно завтра запишут меня в кулаки».⁴

Эмиграцией были озабочены немцы и неменнонитских колоний в Оренбургском и Буртинском районах. В январе 1930 года бюро Буртинского райкома ВКП (б), обсуждая результаты обследования по немецкому вопросу, подчеркивало, что «хотя эмигрантского движения в районе не было, все же отдельные настроения за выезд за границу имели место, особенно на территории Федоровского сельсовета».⁵

В Оренбургском районе по данным на февраль 1930 года выехало 21 хозяйство: из Мещеряковского сельсовета – 3 (позднее вернулись), из Дурнеевского сельсовета – 18 (батрацко-бедняцких – 4, середняцких – 4, зажиточных – 5).⁶ Проблемы эмиграции обсуждались много раз в сельсоветах, райкомах и райисполкомах, окружкоме и окрисполкоме, крайкоме и крайисполкоме, в ЦК ВКП (б), ОГПУ и других органах. Работа велась

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 319. Л. 144.

² Там же. Л. 151.

³ Там же. Д. 201. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 41.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 161. Л. 1.

⁶ ГАОО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 67. Л. 42.

не только карательными и устрашающими методами, пытались убеждать и разъяснять. Но, судя по документам, разъяснительной работы было недостаточно. Один из ответственных работников докладывал в окружном: «Когда выкрикиваешь перед немецкими собраниями истинную подоплеку кулацкой провокации, когда выявляешь перед ними настоящую картину вакханалии, созданную проповедниками, раздаются голоса: почему раньше нас не предупреждали, почему допустили нас так нагло спровоцировать».¹ В сводке ОГПУ о настроениях немцев по состоянию на 24 марта 1930 года также указывалось, что «работа среди немцев против эмиграции никем не ведется, никакой разъяснительной кампании не проводится».²

Проведенные по решению партийных органов собрания бедноты, женщин, актива сельсоветов, сходы граждан выносили примерно одинаковые резолюции: «Мы требуем принятия самых решительных мер по разъяснению вредной эмиграции и предотвращения таковой».³

За широкое применение мер морального воздействия выступал инструктор немецкой секции губкома ВКП (б) В. Шмидт. Еще в августе 1927 года он предлагал проводить собрания на немецком языке, активнее вовлекать немцев бедняков, середняков и батраков в партию и комсомол, построить школы, где их нет, углубить советизацию школ, вовлечь женщин-немок в общественное советское строительство и т.д.⁴ Однако все эти предложения так и остались на бумаге.

Лишь небывалой силы эмиграционный процесс 1929-1930 годов заставил органы власти лицом повернуться к запросам колонистов. Местная власть готова была пойти на любые уступки, чтобы удержать немцев от выезда. Порой доходило до смешного. Так, пленум Люксембургского сельсовета, обсуждая план мероприятий по ликвидации эмиграции, вынес резолюцию: «Просить окрисполком выслать в немецкий район 1-2 самолета для ознакомления с ними населения».⁵

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 201. Л. 18

² Там же. Д. 319. Л. 142.

³ Там же. Д. 201. Л. 18.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 179.

⁵ Там же. Д. 201. Л. 44.

Среди намеченных мероприятий партийных и советских органов предусматривалось: повышение агротехнического и культурно-просветительского обслуживания немецких колхозов; создание для немецких колхозов и колоний тракторной колонны (как минимум в 25 тракторов); повышение норм кредитования немецких колхозов; отпуск достаточного количества дефицитных товаров; пересмотр списков по налогообложению и списков лишенных избирательных прав; направление немцев на учебу в сельскохозяйственный институт, на курсы трактористов; организация немецкого подрайона; перевод делопроизводства на немецкий язык; усиление медицинского обслуживания немецкого населения; создание при избах-читальнях немецких библиотек с количеством книг не менее 500 в каждой; отсрочка немецким колониям уплаты по выданным ссудам и т.д., и т.п.

Анализ намеченных мероприятий свидетельствует о хаотичной работе властных органов с немецким населением. Предлагая среди прочего создать самостоятельную немецкую административно-территориальную единицу и перевести делопроизводство на немецкий язык, парткомы и исполкомы вряд ли предполагали, что это явится главным стабилизирующим фактором в немецких колониях, не только приостановит эмиграцию, а станет адаптировать немецкое и меннонитское население к новым условиям советской действительности.

Таким образом, до 1929 года власти не вникали в причины эмиграции немцев и меннонитов. Вся работа сводилась к двум направлениям. Первое – насильно прекратить эмиграцию путем устрашения и карательных мер. Второе – убедить немцев остаться в России, показывая, что эмигрантов из СССР на западе рассматривают, как рабочий скот. Только перспектива обвального выезда немцев и меннонитов заставила власти обратиться к основному способу прекращения эмиграции. А именно – дать возможность колонистам сохранить свою административно-территориальную, национальную, культурную самостоятельность. Но и после этого идеологические препоны не позволили властям эффективно использовать немецкое упорство и трудолюбие в государственных интересах.

§3. Деструктивная роль коллективизации хозяйств. Деятельность немецкого подрайона

Решение о создании немецкого подрайона принималось на разных уровнях и различными органами власти: партийными и советскими. Архивные фонды хранят большое количество документов об организации подрайона Средне-Волжского краевого комитета партии и крайисполкома, Оренбургского окружного комитета партии и окрисполкома, Покровского райкома партии и райисполкома. Кроме того, решение о подрайоне принималось на конференции немецкой бедноты. Поэтому точную дату организации подрайона сложно установить. Он был образован зимой 1930 года.

Создание немецкого подрайона (НПР) в составе Покровского района горячо приветствовалось, как тогда писали в официальных бумагах, на сходах граждан колоний, на конференциях бедноты, пленумах сельских советов. Одновременно с организацией национально-территориальной единицы проходили другие мероприятия по советизации крестьянства: коллективизация, раскулачивание, антирелигиозная пропаганда. Возражая против новых порядков, колонисты все же пытались применить новые требования к своим условиям. Средне-Волжский крайком ВКП (б) отмечал, что «большинство немецких хозяйств, особенно зажиточные, вступили в колхоз (даже раньше бедняков), отнюдь не потому, что они предпочли колхозную систему своему индивидуальному хозяйству, а именно потому, что они стремятся прикрыться вывеской колхоза для того, чтобы путем паев сохранить свои крепкие хозяйства».¹

В конце марта 1930 года немецкий подрайон отчитывался о сплошной коллективизации, тогда как в ноябре-декабре 1929 года было коллективизировано всего 22 процента хозяйств.²

Партийные органы также отмечали, что большинство немецких колхозов строятся по классовому принципу и «зажиточные всячески стараются не допускать в свои колхозы батрацко-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 201. Л. 19.

² Там же.

бедняцкую часть населения».¹

Двум русским семьям батраков, служивших на мельнице раскулаченного Эккерта, было отказано в приеме в колхоз под предлогом: «Они русские, не будут подчиняться нашим порядкам». Им рекомендовано обратиться в соседний бедняцкий колхоз «Форвертс», тоже немецкий.

В бедняцкий колхоз была отправлена и вдова красноармейца немка, проживающая в колонии Карагуй. «И только после соответствующего разъяснения она была принята в колхоз по месту жительства».²

Подводя итоги, крайком ВКП (б) констатировал, что «хотя формально мы имеем 100% коллективизацию, по существу там предстоит огромная работа по качественному улучшению внутри колхозного строительства, по очищению их от чуждых элементов».³

Но эта задача для новой власти была не из легких, так как даже в Буртинском районе, где проживали католики и лютеране, наблюдалось «почти полное отсутствие классового расслоения среди немецкого населения и подмена его круговой национальной порукой».⁴

Ещё сложнее было в меннонитских общинах бывшей Уранской волости. К примеру, в Претории нужно было раскулачить минимум 85-90 % населения.⁵ Учитывая специфику немецкого подрайона, Покровский районный штаб по раскулачиванию установил для него «две категории I и III, т.е. явно контрреволюционная группа, подлежащая изъятию через органы ГПУ, и группа, подлежащая выселению только за пределы села с предоставлением им лошади с упряжью, а многодетным и коровы».⁶

К марту 1930 года по Преторийскому и Камышевскому сельским советам было раскулачено 10 хозяйств. В справке окружка отмечалось, что «работа проделана удовлетворительно, так как эти хозяйства действительно были эксплуататорскими —

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 201. Л. 19.

² Там же. Л. 21, 22.

³ Там же.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 161. Л. 1.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 201. Л. 23.

⁶ Там же.

мельники».¹

Ответственный секретарь Сорочинского РК ВКП (б) И.Н. Фомичев докладывал, что «к раскулачиванию немцы отнеслись с большой боязнью, т.к. большинство немецкого населения когда-либо да пользовалось наемной рабочей силой».²

В отличие от Покровского, в Сорочинском районе большинство раскулаченных были отнесены ко II категории, т.е. высылка за пределы округа, но без привлечения ОГПУ. Так, в феврале 1930 года из 15 намеченных к раскулачиванию хозяйств, 11 были высланы в Северо-Двинский округ по II категории. Из остальных 4 кулаков, отнесенных к I категории, один бежал, трое в мае 1930 года всё ещё находились в доме заключения по линии ОГПУ.³

Боязнь высылки приводила богатых колонистов к самораскулачиванию. Возвращенные из Москвы неудавшиеся эмигранты отказывались от своего имущества, предпочитая числиться в бедняках. Факт стремления к самораскулачиванию был зафиксирован и раньше. В феврале 1927 года Генрих и Петр Эккеры подали заявление в Урано-меннонитское сельскохозяйственное общество «о том, что они желают подарить мельницу безвозмездно меннонитскому обществу навсегда, может быть, тогда им возвратят право голоса».⁴

Если уж за обретение права голоса колонисты отдавали имущество, то за спасение от высылки они были готовы на большее.

Комиссия окружкома ВКП (б) и окрисполкома в январе 1930 года, докладывая о заметном свертывании за последний год кулацко-зажиточным элементом немецких колоний своего хозяйства, замечала, что «рост середняков произошел не за счет уменьшения бедняцких хозяйств, а за счет уменьшения кулацко-зжиточного элемента. Посевная площадь за эти годы (1928-30) сократилась с 10. 858,02 десятины (1928-29) до 9. 925,41 десятины (1929-30)».⁵

Всего весной 1930 года в 4 районах Оренбургского округа с немецким населением (Покровском, Сорочинском, Буртинском,

¹ ЦДНИ ОО. Оп. 1. Д. 201. Л. 32.

² Там же. Д. 282. Л. 15.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 18-18об.

⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 282. Л. 11об.

Оренбургском) без учета данных ОГПУ по II категории было раскулачено 16 хозяйств, по III - 36.¹

Опасность раскулачивания и высылки дополнялась угрозой расстрелов. Так, в марте 1930 года на Оренбургской районной немецкой конференции батрацко-бедняцких групп представитель Пречистенского сельского совета говорил о том, что «среди немецкого населения нет никакой культурной работы... Приезжающие уполномоченные только пугают расстрелами».² Была названа и фамилия – товарищ Дурманов. Под статью Дурманову вел себя и ответственный секретарь Оренбургского РК ВКП (б) Волкодав. Предписывая уполномоченным райисполкома провести бедняцкую конференцию, он угрожал за неявку делегатов партийным взысканием.³

Именно угрозами, раскулачиванием, высылками и арестами до конца марта 1930 года немецкие хозяйства были сплошь коллективизированы. В Сорочинском районе колонисты всех 16 немецких сел были объединены в один крупный колхоз им. Розы Люксембург, куда вошли 723 хозяйства. Колхозом не было охвачено лишь 20 хозяйств лишенцев.⁴ В сводке о работе среди немцев Люксембургского сельсовета секретарь Сорочинского РК ВКП (б) указывал, что хотя «колхоз организовался на добровольных началах и перегибов в обобществлении не было, есть отдельные заявления о том, что в колхоз втянули насильно (колония Богомазово), взяли в колхоз штурмом (колония Аненское)».⁵

Несколько иная ситуация с коллективизацией была в Покровском районе. Здесь объединение в колхозы началось осенью 1929 года, и на 1.01.1930 г. в каждом из 9 сельских советов было по одному колхозу. Объединяли они 200 хозяйств, что составляло 16,5 процентов по отношению к общему числу немецких хозяйств. Эти колхозы были обеспечены 4 тракторами. К марту 1930 года в Покровском районе было коллективизировано уже 891 немецкое хозяйство, или 79,2 процента к общему числу хозяйств. Колхозами было охвачено 4571 человек, или 78 процен-

¹ ГАОО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 67. Л. 191.

² ЦДНИ ОО. Ф. 796. Оп. 1а. Д. 284. Л. 1.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 282. Л. 15.

⁵ Там же.

тов немецкого населения. Колхозы занимали земельную площадь 35 643 гектара, или 93 процента.¹

Оренбургским колонистам было гораздо тяжелее пойти на коллективизацию земли, чем крестьянам соседних русских и башкирских поселков, чем колонистам на Украине или в Поволжье. Эти земли они купили на свои трудовые деньги. Яков Петрович Гец из колонии Подольск Сорочинского района говорил: «Нас... загнали в колхоз, где ты себя чувствуешь не хозяином, а батраком. Для нас эти колхозы – палка, мы привыкли работать одиночками. Вот, говорят, трактора улучшат нашу жизнь, но эти трактора, наоборот, не смогут дать нам хлеба, так как хозяина не будет. Я, несмотря на то, что нахожусь в колхозе, на свое поле не пушу трактор пахать».²

В колонии Кичкасс немцы, также опасаясь, что трактора повредят земле, записали в протоколе общего собрания: отказаться от обработки пашни тракторами. Только после добавления райисполкомом контрольной цифры под ранние яровые культуры немцы согласились применить трактора.³

С самого начала немецкие колхозы в Покровском районе создавались как кооперативы и представляли собой товарищества по совместной обработке земли. Сразу же было создано и Уранское кустовое объединение колхозов, занимающееся кредитованием. Заведующий орготделом Оренбургского окружного исполкома Маврин в докладной записке в Средне-Волжский крайисполком отмечал, что «немецкое население Покровского района... переводится с сохранившейся ещё участковой формы землепользования на общинную».⁴

Устройство правления Уранского кустового объединения колхозов в колонии Кичкасс сыграло решающую роль при определении центра немецкого подрайона. Комиссия окружкома ВКП (б) и окрисполкома, выезжавшая в бывшую Уранскую волость для организации национального подрайона, докладывала, что Претория больше подходит для центра подрайона. В этой коло-

¹ ГАОО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 67. Л. 191.

² ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 319. Л. 152.

³ Там же. Д. 321. Л. 113.

⁴ ГАОО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 67. Л. 190об.

нии с населением 754 человека имелись школа II ступени, изба-читальня, сыроваренный завод, ветеринарный и судебный участки, потребительское общество. Помимо того в Претории имелось здание (бывшее помещение Уранского волисполкома), пригодное для размещения подрайонных учреждений.¹

В Кичкассе проживало почти на 200 человек меньше – 567. Из учреждений там располагались: потребительское общество, кредитное товарищество, почтовое отделение и кустовое отделение колхозов.

Вопрос о центре подрайона был практически решен. Бюро Покровского райкома ВКП (б) 6 января 1930 года постановило: «Организовать немецкий подрайон с центром его в колонии Претория... Целесообразно укрупнить центр подрайона колонию Претория, влив [в неё] колонии Камышевку и Черное Озеро... Куст [овое] объединение [колхозов], кредитное товарищество и другие [учреждения] перевести в центр подрайона в колонию Претория».² Но бедняцкая конференция, состоявшаяся в январе 1930 года, в отношении центра подрайона высказалась против колонии Претория, настаивая на Кичкассе. Мнение бедняков было в те годы определяющим, поэтому центром подрайона стал Кичкасс.

Поначалу немецкий подрайон именовался и «Уранским», как и бывшая в этих пределах волость, и «Кичкассским» – по названию центра подрайона. Для руководства административно-хозяйственной деятельностью был создан подрайонный совет из представителей всех сельских советов, входящих в немецкий подрайон. На пленуме сельских советов был избран первый президиум подрайона в составе председателя Унгера Ю.И., секретаря (он же заместитель) Изаака, инструктора Кнельзина.³ Кроме них в штате администрации подрайона были счетовод и делопроизводитель – всего 5 человек. Помимо этого в штат Покровского райисполкома введена должность инструктора-немца по оргмассовой работе, и в аппарат РИКа на должность народного судьи и заведующего общим отделом были приняты немцы. Делопроиз-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 282. Л. 14об.

² Там же. Оп. 2. Д. 179. Л. 1., 24.

³ ГАОО. Ф. Р-810. Оп. 1. Д. 4. Л. 185.

водство в немецком подрайоне велось как на русском, так и на немецком языке. Многие документы дублировались на обоих языках¹.

Национальный состав немецкого подрайона в 1931 году был следующим: из 5583 человек немцев было 5535, русских - 47, прочих - 1. Из 25 населенных пунктов 19 были полностью немецкими, без единого человека другой национальности.

С организацией немецкого подрайона в колониях мало что изменилось. Основной задачей советской власти на селе оставалась коллективизация, сопровождавшаяся раскулачиванием, высылкой за пределы края, лишением избирательных прав. В феврале 1931 года процент коллективизации составлял по числу душ – 98,2, по числу семейств – 97,3.² Единоличниками были, в основном, не по желанию, а лишенные избирательных прав. К ним относились те, кто применял ранее наемный труд, а также проповедники, родственники кулаков и прочие.

Выполнение народно-хозяйственного плана страны касалось не только колхозников, но и единоличников. Так, в мае 1931 года Покровский райисполком, предупреждая немподрайисполком и сельские советы о том, что «яйце-, маслозаготовка и контрактация, а вместе с тем и сдача молока являются выполнением одной из главных задач в деле государственного экспорта продовольствия», требовал «дать твердое задание по обоим видам заготовок кулацко-зажиточной части: яиц – 45 шт. на каждую курицу на сезон заготовок и сдачи молока не менее 85 % при наличии одной коровы, а со вторых коров сдается полностью».³

В первые годы после коллективизации обобществленный скот и сельхозинвентарь по-разному использовались в разных колхозах. К примеру, в двух соседних колхозах Преторийского сельского совета не было единой системы распределения молока. В «Юнг-Штурме» молоко было полностью обобществлено и на продовольствие выдавалось литрами – по 1 л на душу. В «Красной Претории» же из обобществленных коров в семьи было от-

¹ Амелин В.В. Немецкие колонии Оренбуржья // Немецкий российский этнос: вехи истории. - М., 1994. – С. 75.

² ГАОО. Ф. Р-810. Оп. 1. Д. 239. Л. 89, 93.

³ Там же. Д. 24. Л. 85.

дано по 1 корове на 4 едоков, но на эту же корову устанавливался план: сдать по 25 пудов молока на сырзавод. Общее собрание ячейки ВКП (б) колонии Претория, рассмотрев этот вопрос, постановило: «Систему Юнг-Штурма сохранить... Ячейке провести массовую работу в Претории. И добиться перехода на устав Юнг-Штурма».¹ В партийно-советских органах считали, что чем меньше у крестьян останется собственности в личном пользовании, тем лучше, тем больше колхозник будет зависеть от новой власти. За неисполнение новых порядков колонистов исключали из колхоза, прекращая выдавать муку, молоко и прочие продукты. Так поступили в январе 1932 года с Кен Марией Ивановной в наказание «за теснейшую связь с раскулаченным Кеном Исааком Давидовичем».² Последний ей приходился, видимо, мужем.

С коллективизацией для немецких колонистов начался новый отсчет времени. В документах немецкого подрайона и сельских советов посевные кампании именовались «второй большевистской весной», «третьим большевистским севом» и т.п. В первые годы колонисты относились к общему имуществу, как к чужому. 3 января 1932 года ударная бригада по обследованию колхоза «Эрфольг» установила, что «арестованный хлеб и мука (граждан колхоза) в мельнице находится в позорном виде, завалена снегом, сырость, мешки изгрызены крысами, мышами и птицами и много просыпано муки и зерна. И это несмотря на то, что семян для сева далеко не хватало».³

Соккрытие хлеба продолжалось и после уборки 1932 года, когда стало понятно, что большевики не отступят. В сентябре Покровский райком и райисполком отмечали, что «в процессе обмола хлеба в отдельных колхозах обнаружен ряд фактов сознательного укрытия хлеба. В колхозе «Уран» немподрайона - 750 пудов, «Культура» немподрайона - 1200 пудов, «Ударная» немподрайона - 180 пудов, «Конкордия» немподрайона - 200 пудов». Виновные были задержаны и преданы суду.

В целом по немецкому подрайону задания по хлебозаготовкам выполнялись и перевыполнялись. 1 сентября 1932 года бюро

¹ ГАОО. Ф. Р-810. Оп. 1. Д. 58. Л. 68.

² Там же. Л. 40об.

³ Там же. Л. 57.

Покровского райкома, отмечая низкие показатели хлебосдачи по Деевскому сельскому совету (колхозы имени Буденного – 36%, «Рекорд» – 16%, «Ударная» – 24%), занесло на Красную доску почета 6 колхозов немецкого подрайона:

- «Красная Претория» Преторийского сельсовета – 149%,
- «Эрфольг» Деевского сельсовета – 130%,
- «Культура» Степановского сельсовета – 100%,
- «Конкордия» Петровского сельсовета – 100%,
- «Уран» Кичкасского сельсовета – 116%,
- «Юнг-Штурм» Преторийского сельсовета – 109%.

Районная газета «Колхозное знамя» писала о колхозе «Юнг-Штурм» как об одном из лучших в районе, который «3 сентября приступил к сортированию зерна для брони на семена. Колхозом оказана помощь в уборке хлеба Платовскому зерносовхозу. Посланная из колхоза бригада обязалась убрать 250 га».¹

Зимой 1932 года по немецкому подрайону прокатилась волна чистки колхозов и сельсоветов. 6 января на заседании комиссии по чистке колхоза «Эрфольг» был снят с работы председатель колхоза Эзау Петр Генрихович «за халатное отношение к своим обязанностям, заключающееся в неправильной организации труда, в несоблюдении выработанного и принятого на общем собрании внутреннего распорядка, налагал штрафы, которые после не взыскивались, в неуборке всего осеннего корма, в незаботливости об увеличении доходной статьи колхоза... и, вообще, в слишком кабинетном ведении всех работ». Полевод Пеннер Я.Я. был исключен из колхоза и предан суду не только за то, что «ездил в минувшее лето в разгар работ в город с целью спекуляции», но и за «неправильный взгляд на мероприятия советской власти по организации МТС и ликвидации кулачества».²

Поплатились за свои слова исключением из колхоза на 2 месяца дочери раскулаченного Кооп Елена Ивановна и Мария Ивановна. Одна из них сказала, что «колхоз не может существовать без зажиточного сословия»³, другая при выселении их из отцовского дома заявила: «Когда в нашем доме будут жить колхозни-

¹ ГАОО. Ф. Р-810. Оп. 1. Д. 53. Л. 72об., 83.

² Там же. Д. 58. Л. 129, 130.

³ Там же. Л. 40, 105.

ки, то он скоро развалится».

В декабре 1934 года в связи с образованием самостоятельной Оренбургской области и административно-территориальным делением немецкий подрайон был выделен из Покровского района и стал именоваться Кичкасским районом. В него вошли также три башкирских села: Кутлумбетово, Габдрафиково, Кунакбай и два русских – Новоникольское и Новоспасское. Всего в Кичкасском районе было 29 колхозов, которым с сентября 1935 года по июль 1936 года выдавали акты на вечное пользование землёй.

Землёй колхозники только пользовались, не имея права распоряжаться ни ею, ни продуктами своего труда. Львиная доля хлеба, мяса, молока, масла, яиц отправлялась для снабжения «промышленных центров, красной армии», шла на экспорт. Сорочинская межрайонная контора «Заготзерно», не имея возможности вывозить из колоний весь урожай, приспособлявала для хранения на месте любые подходящие помещения. Так, зимой 1935 года в поселке Юнг-Штурм 88 тонн зерна хранилось в школе, в колхозе «Эрфольг» 160 тонн - в частном доме, в Деевском молитвенном доме - 700 тонн.¹

В июне 1936 года в Оренбуржье проходила взаимопроверка районов по подготовке к отчетной кампании и выполнению наказов избирателей. 2-4 июня комиссия Кичкасского района проверяла Люксембургский район, а 5-7 июня люксембуржцы проверяли кичкасцев. Комиссия установила, что наказ I съезда советов Люксембургского района пленуму РИКа выполнен на 65%. Особенно слабо выполнялись наказания по культурно-бытовому обустройству села (строительство клубов, изб-читален, бань).

По Кичкасскому району взаимопроверочную бригаду сопровождали инструкторы РИКа Миллер и Вахитов. Наказ здесь был выполнен на 60%. В числе невыполненных пунктов отмечено:

- 1) слабая работа по дорожному строительству, район не имеет хороших дорог при наличии 44 автомашин в колхозах района;
- 2) слабая работа по благоустройству села... имеющиеся старые посадки в немецких поселках слабо защищаются от разрушения.²

¹ ГАОО. Ф. Р-810. Оп. 1. Д. 24. Л. 106; Д. 86. Л. 39.

² Там же. Д. 133. Л. 40-43.

Несмотря на вышеуказанные и другие недостатки, Кичкасский район был одним из лучших в области по многим показателям хозяйственной деятельности. И после его ликвидации в 1938 году немецкие колхозы, переданные четырем соседним районам, были там передовыми. Хозяйственные показатели не принимались во внимание после обострения международной политической обстановки и ухудшения отношений между СССР и Германией. С 1938 года советское правительство начинает притеснения своих граждан немецкой национальности.

Оргбюро ЦК ВКП (б) 24 января 1938 года, рассмотрев вопрос о немецких национальных школах, увидело в них «очаги буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей». В постановлении было отмечено, что «практика насаждения особых национальных школ наносит огромный вред делу правильного обучения и воспитания».¹ 23 июня 1938 года бюро Оренбургского обкома ВКП (б) ликвидировало все немецкие школы области в Кичкасском, Люксембургском, Буртинском, Акбулакском и Соль-Илецком районах.

А 20 сентября 1938 года постановлением президиума Оренбургского облисполкома был ликвидирован и Кичкасский район на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 сентября 1938 года. Петровский сельский совет с населением 1156 человек был передан Александровскому району, Новоникольский и Деевский сельсоветы с населением 4407 человек – Белозерскому району, Преторийский и Габдрафиковский сельсоветы с населением 1847 человек – Покровскому району, Степановский, Уранбашский, Кутлумбетовский и Кичкасский сельские советы с населением 3054 человека передавались Переволоцкому району.²

Работу по ликвидации Кичкасского района предписывалось произвести в 10-дневный срок, Кичкасская МТС подлежала ликвидации до 1 октября 1938 года.

Лакмусовой бумажкой положения российских немцев всегда была эмиграция. К этой последней мере они прибегали после посягательства на их права и льготы. Как в 1871 году, так и в 1917-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 391. Л. 94.

² ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 662. Л. 47.

м у немцев и меннонитов в течение десятилетия оставался выбор: принять новые порядки или эмигрировать. После запрета эмиграции в 1929 году немецкое население СССР было насильно втянуто в общегосударственные процессы по коллективизации, раскулачиванию, борьбе с религией. Невписывающиеся в новую систему общественного устройства были подвергнуты репрессиям и изъяты из колоний.

Политика советской власти по отношению к немецкому населению в 1930-е годы была очень противоречива. С одной стороны, отрицание старых общинных устоев, существовавших в немецких и меннонитских колониях, с другой стороны – организация национально-территориальных образований, перевод делопроизводства на немецкий язык, создание национальных школ и т.д. Последние мероприятия проводились формально: немецким подрайоном руководили прикомандированные коммунисты, немецкий язык в делопроизводстве применялся лишь на низовом уровне (в сельских советах и колхозах), а вся переписка с вышестоящими органами осуществлялась на русском языке, в школах было запрещено преподавание Закона Божия – основного предмета в колониетских школах, особенно меннонитских. К тому же среди детей и молодежи насаждались пионерские и комсомольские организации, в связи с чем многие колхозники (даже в русских селах) не пускали детей в школу.

Основные методы работы партийных, советских и оперативных органов были карательными: угрозы и репрессии. Убеждения практически не применялись, – слишком мало времени было отведено высшим руководством страны на революционное переустройство села. Как только это переустройство было произведено (репрессированы недовольные, высланы зажиточные и проповедники, запуганы оставшиеся), отпала необходимость в немецком национальном районе. Он был ликвидирован задолго до начала Великой Отечественной войны без каких-либо оснований и объяснений. При анализе мотивов создания и ликвидации немецкого района в Оренбуржье вывод напрашивается сам собой: действия правительства по отношению к немцам диктовались не решением проблем последних, а чисто политическими интересами.

§4. Сохранение основ религиозной жизни в условиях насаждения атеизма

Большая часть немецкоязычного населения Оренбуржья по вероисповеданию относилась к меннонитам. Этнические и конфессиональные гонения заставили их предков покинуть Голландию, Германию, затем из Польши и Пруссии они оказались на Украине, в Америке, Канаде, России, Парагвае и даже в Африке. И хотя бытует расхожее мнение о меннонитах, что у них нет отечества, там живут, где им хорошо, что они являются какими-то своеобразными кочевниками,¹ на самом деле на поиски «земли обетованной» меннонитов, в первую очередь, двигали религиозные убеждения. Ради сохранения основ религиозной жизни меннониты оставляли нажитое трудом не одного поколения и устремлялись на край земли.

В основе вероучения Менно Симонса (1496-1561) лежали семь статей. Согласно первой, крещение принимали лишь взрослые, в сознательном возрасте и только после покаяния и обращения к Богу. Вторая статья раскрывала суть общинного порядка. По третьей – хлебопреломление являлось лишь символом братской любви и единения во Христе. Четвертая статья учила, что обособиться от зла можно, лишь отказавшись от плотских желаний. Пятой статьей определялась выборность пасторов, причем из самых авторитетных мужчин в общине и вне ее. Следующая статья наставляла искать совершенство во Христе и отказываться от ношения оружия и применения его в спорах между людьми и государствами. И последняя, седьмая, статья запрещала всякие клятвы, ибо каждое слово должно быть истинным.²

Сохранение своей веры было основной чертой духовной жизни немцев-меннонитов. Этим объясняется их замкнутый, в глазах представителей других этносов, обособленный образ жизни. Даже места для поселения немецкие и меннонитские колонисты выбирали вдали от шумных городов и железных дорог.

¹ Смычка. – 1926. – 20 августа.

² Нейфельд Е.Я. Духовная культура немцев в Оренбуржье // Духовная культура народов Южного Урала: история, традиции, проблемы: Сборник научных трудов. – Оренбург, 1994. – С. 39.

Наступление общества и государства на самобытность меннонитов заставляла одну их часть эмигрировать, другую – искать компромиссы. После введения в 1874 году всеобщей воинской повинности около 15 тысяч меннонитов переехали из России в США и Канаду.¹ Остальные остались и стали отбывать воинскую повинность в лесных и пожарных командах, госпиталях, мастерских, т.е. там, где не требовалось ношения оружия, и значит, не нарушалось требование шестой статьи священного писания меннонитов.

Влияние светской жизни внесло раскол в меннонитские общины, официально оформившийся в 1860 году.² Религиозные меннонитские общины разделились на церковную и братскую.

Братская и церковная общины собирались на отдельные религиозные собрания, строили отдельные молитвенные дома, у каждой из них были свои пасторы, проповедники, пресвитеры. Направляя прошение Оренбургскому губернатору от 15 колоний Деевской церковной общины о строительстве молитвенного дома, колонисты писали: «В этих колониях в духовном отношении составились две общины: одна стала именоваться Деевскою меннонитскою общиною, а другая Каменским меннонитским братством. Как это издавна водится у меннонитов, духовное настоятельство (духовный старшина, проповедники, диакон) этой новой общины было избрано из среды членов этой же общины и утверждено Духовным старшиною Хортицкой меннонитской общины Екатеринославской губернии».³

Деевская церковная община объединяла меннонитов, приехавших из Екатеринославской губернии. Поселившиеся в соседних колониях выходцы из Таврической губернии основали Николаевскую церковную общину с двумя молитвенными домами в колониях Степановка и Черноозерное. В 1924 году в Деевской общине насчитывалось 1245 членов, в Николаевской – 561.

Братских общин на территории Уранской волости было три: в Клубниковской – 194 человека, в Каменской – 333, Карагуйской

¹ Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России. В связи с историей немецкой колонизации в России: Очерк. – Пгр., 1916. – С. 79.

² Ипатов А.Н. Меннониты. – М., 1978. – С. 107.

³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3032. Л. 15-15об.

– 162.¹

И поскольку проповедники братских общин вели активную агитацию среди меннонитов за более строгое отношение к священным заповедям, осуждая своих собратьев, жители одних и тех же колоний (к примеру, Долиновка) входили в разные братства: Клубниковское и Карагуйское.

Царское правительство гарантировало меннонитам свободу вероисповедания, подтвердив это Высочайшим Указом 17 апреля 1905 года, по которому «каждому из русских подданных [была] обеспечена свобода верования по велениям его совести».²

В 1917 году были отменены все прежние государственные акты. На основании Декрета ВЦИК и СНК произошло отделение церкви от государства, причем все церковное имущество, а равно и сами здания церквей, мечетей, молелен, молитвенных домов остались достоянием государства и были переданы в бессрочное пользование церковным общинам.³ Контроль за деятельностью церковных общин, строгий надзор за церковным имуществом, «в целях недопущения его расхищения», возлагался на органы НКВД.

В ноябре 1924 года Оренбургский губисполком «срочно-секретно» предписал Уранскому волисполкому: «В целях наиболее правильного учета на переданное в бессрочное пользование группам верующих религиозных общин богослужебно-церковного имущества... немедленно заняться проверкой по описи церковного имущества, а также со всеми существующими на территориями... волости религиозными обществами вновь пере-заклучить договора на переданное им в бессрочное пользование церковное имущество».⁴

Принимая от государства «в бессрочное бесплатное пользование» молитвенные дома с «богослужебными предметами», меннонитские общины согласно договору обязаны были «беречь переданное нам народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначению... исключительно для

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 797. Л. 6.

² ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3032. Л. 12об.

³ Там же. Д. 8. Л. 142.

⁴ Там же. Д. 8. Л. 3.

удовлетворения религиозных потребностей».¹

В принятых богослужебных помещениях меннониты также обязались не допускать:

«а) политических собраний враждебного советской власти направления;

б) раздачи или продажи книг, листовок и посланий, направленных против советской власти или ее представителей;

в) произнесения проповедей и речей, враждебных советской власти или ее представителям;

г) совершения набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против советской власти».²

В первые послереволюционные годы советская власть, хотя и активно вмешивалась в деятельность религиозных общин, в целом не мешала верующим следовать своим убеждениям и открыто совершать богослужения. До 1930-х годов религиозная жизнь в меннонитских общинах протекала по прежним обычаям и традициям.

На 5 меннонитских общин (братских и церковных) в 1924 году было 50 священнослужителей: дьяконов, пресвитеров, проповедников, дирижёров, псаломщиков.³ Самым старшим по возрасту был духовный старшина Деевской общины 64-летний Д.Д. Янц. Все священники, кроме 25-летнего псаломщика А.А. Дика, родились в Таврической и Екатеринославской губерниях. За службу меннонитское духовенство жалованья не получало, это считалось общественной выборной работой.

Составляя в 1924 году именной список личного состава духовенства, Оренбургский уездный исполком требовал от Уранского волисполкома: «В дальнейшем о всяких переменах в личном составе духовенства... немедленно сообщать в управление милиции».⁴

Отделяя церковь от государства и от школы, советское правительство повело решительную борьбу со служителями культа. В январе 1922 года Совнарком РСФСР принял декрет об ограни-

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 8. Л. 10.

² Там же.

³ Там же. Л. 150.

⁴ Там же. Л. 152.

чении прав приема на службу служителей религиозного культа всех вероисповеданий. Сообщая об этом в Уранский волисполком, вышестоящие органы разъясняли, что «уступки, сделанные в экономике, обусловленные курсом новой экономической политики, ни в коем случае не переносятся в область политических уступок, так как это противоречило бы основным положениям советской власти».¹

Несмотря на запреты, во всех 24 меннонитских школах Уранской волости до 1926 года преподавалась религия и обряды. Некоторые учителя школ I ступени и позже заявляли: «Мы не преподаем религии, но и не преподаем одновременно антирелигиозной пропаганды, мы только даем знания».²

В отличие от меннонитов, во многих лютеранских и католических колониях Оренбуржья не было школ и учителей, и детей обучал священник. В конце 20-х годов примерно 50–60 процентов немцев-католиков и лютеран были неграмотными. В 211 отрубном участке бывшей Михайловской волости детей обучал полуграмотный священник Краус с единственным учебником – катехизисом.³

Стопроцентная грамотность меннонитов объяснялась требованием первой статьи вероучения Менно Симонса, по которой членами общины были лишь взрослые люди, самостоятельно изучившие Библию. Поэтому вся учеба была пронизана божественным предписанием, начинались и заканчивались уроки молитвой. Из предметов изучались немецкий и русский языки, меннонитское исповедание веры, библейская и церковная история, география, элементарная арифметика.⁴

Школа и церковь у меннонитов выступали как синонимы, как однопорядковые понятия. Последнее подкреплялось еще и тем обстоятельством, что здания школ использовались как молитвенные дома. До 1917 года члены Деевской меннонитской церковной общины, объединяющей более тысячи прихожан, не имели молитвенного дома, и их молитвенные собрания проходили «в учи-

¹ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 14. Л. 205.

² ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 179.

³ Там же.

⁴ Ипатов А.Н. Меннониты. – М., 1978. – С. 80.

лицных помещениях».¹

Раньше, чем молитвенные дома оренбургские меннониты построили школу II ступени. Она была нужна колонистам отнюдь не для повышения уровня образования молодежи, а для подготовки учителей для школ I ступени, так как обучаться в материнских колониях было накладно.

В процессе советизации перевод обучения в школе II ступени на русский язык резко оттолкнул от нее меннонитов. А с организацией там комсомольской ячейки и отряда юных пионеров немцев в школе стало еще меньше. Так, если в 1928-29 учебном году в школе II ступени обучалось 55 немцев (46 процентов учащихся), то в 1929-30 учебном году их стало 47 человек (35 процентов учащихся). В докладной записке комиссии Оренбургского окружного исполкома и окружкома ВКП (б) в феврале 1930 года отмечалось: «Опасение, что учеников превратят в коммунистов или безбожников, заставляет некоторые сельсоветы (Преторийский, Каменский) выносить на общих собраниях граждан решения не посылать детей в школу II ступени».

В справке окружкома ВКП (б) констатировалось, что под влиянием родителей учащиеся школы II ступени в Претории нередко бойкотируют обществоведческие дисциплины.²

С организацией немецкого подрайона Преторийская школа II ступени переводилась «на обслуживание исключительно немецкого населения».³ Школы I ступени до 1930 года содержались за счет налогообложения, которое исправно вносило население.⁴ И хотя они назывались русско-немецкими, обучение в них велось на немецком языке. Русский язык изучался как предмет. В 1930 году русский язык для большинства населения был плохо понятен и совершенно непонятен для женского населения.⁵ Обучение в меннонитских школах I ступени продолжалось 5 лет и сводилось к «приобретению формальных навыков... Активные методы проработки материала (исследования, экскурсии) почти не применялись, что не могло развивать в детях инициативы и превра-

¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3032. Л. 23.

² ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 201. Л. 13.

³ Там же. Д. 127. Л. 55.

⁴ Оренбургская коммуна. – 1930. – 28 марта.

⁵ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 282. Л. 12.

щало ребенка в пассивного слушателя».¹

До 1926 года в колонии Каменка, где был центр братской общины, и все жители без исключения были ее прихожанами, существовала библейская школа (школа для подготовки проповедников). Среди ее слушателей были не только местные верующие, но и приезжие из среднеазиатских и сибирских меннонитских общин. После доноса Уранской ячейки ВКП (б) о деятельности школы в губком партии, она была закрыта.²

Поскольку учителя и проповедники были самыми авторитетными людьми в колониях, и главной книгой для тех и других была Библия, зачастую они проводили в колониях единую политику. Летом 1924 года ОГПУ по Оренбургской губернии информировал: «В Уранской волости... помещения школ I ступени преимущественно объединены с молитвенным домом и немцы учителя, частью меннониты, отличаются глубокой религиозностью».³

Учитель Подольской школы I ступени Люксембургского сельсовета Сорочинского района Иван Иванович Дик осенью 1929 года «за религиозные убеждения и преподавание их детям» был снят с должности учителя. Ему вменялось и то, что он, поддерживая связь с Канадой, ездил по колониям и вел агитацию за эмиграцию.⁴

В колониях Покровского района (бывшей Уранской волости) в 1926 году двое учителей эмигрировали в Америку, еще двое готовились к отъезду.⁵

Таким образом, учителя в меннонитских школах были частью общины, проводили в жизнь общинные установки и были своего рода духовными наставниками для маленьких колонистов, которые до принятия обряда крещения не являлись членами меннонитской общины.

Кроме общины и школы, еще одним важным институтом духовного воспитания была семья. «Без разрешения родителей никто из членов семьи не вступает в какие-либо разговоры с посто-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 282. Л. 13.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1045. Л. 4.

³ Там же. Д. 511. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 319. Л. 148.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1045. Л. 55.

ронными лицами, полное и беспрекословное подчинение родителям, – отмечалось в справке окружкома ВКП (б). – Всякое отступление от установленных правил рассматривается как религиозное нарушение, и на этой почве часто возникают внутрисемейные раздоры».¹

Меннонитами была разработана целая система религиозного воспитания. Ребенок с раннего возраста воспитывается в духе евангелического вероучения, ежедневно утром, вечером и перед каждым принятием пищи совершает молитву. Ослушания меннониты не допускают. Воспитывая детей в беспрекословном повиновении родителям, они распространяют это и на область мировоззрения, которое должно быть у детей только религиозным. В этих целях родители–меннониты заполняют досуг детей перепиской изречений из Библии, псалмов, религиозных стихов.²

Начав борьбу с религией, советская власть стремилась вывести из-под влияния семьи и проповедников молодежь. Для ведения просветительской работы в колонии направлялись лучшие партийцы немцы. Но меннониты создавали им невыносимые условия. В 1926 году в Уранскую волость был назначен уполномоченный коммунист Пеннер. По этому случаю было созвано собрание Кичкасского сельсовета, где вынесено постановление: «Чтобы ему никто без разрешения сельского совета не предоставил квартиры».³ Невозможно было найти помещение и для избы–читальни. Никто не хотел принять «большевистскую» литературу. Был объявлен поголовный «молчаливый бойкот». С трудом удалось найти две комнатухи за 10 рублей в месяц.⁴ Но даже и с открытием избы–читальни, немцев в нее было «не затащить, потому что они считали, что там распространяется коммунистическая зараза».⁵

До 1926 года в Люксембургской волости не было ни одного немца–коммуниста. В Уранской была ячейка из трех членов и двух кандидатов в члены ВКП (б).⁶ Из них только двое были из

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 201. Л. 13.

² Ипатов А.Н. Меннониты. – М., 1978. – С. 163.

³ Смычка. – 1926. – 20 августа.

⁴ Там же.

⁵ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 289. Л. 4.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1045. Л. 5

меннонитов. Отношение колонистов к ним было настолько враждебно, что в колонии Федоровка была организована травля на секретаря сельского совета коммуниста Пеннера с целью убить его, а на единомышленника Пеннера Держсена ночью напали 5 человек с дубинками и искалечили его.¹

За религиозную пропаганду, идущую вразрез с политикой партии и правительства, священнослужители лишались избирательных прав, многие из них выселялись. В начале 1930 года в колониях Покровского района было 56 лишенцев – служителей культа², из колоний Сорочинского района 2 проповедника высла- ны за пределы округа.³ Общины пытались всячески встать на за- щиту своих духовных наставников. 6 июля 1930 года собрание бедноты колонии Долиновка Покровского района обсуждало «не- справедливость» в отношении проповедника Исаака Крана, ли- шенного избирательных прав. Налоговая комиссия обложила его в индивидуальном порядке на 200 рублей «за доход, полученный якобы от граждан–общинников в виде добровольных подарков. Собрание постановило: «Поскольку Кран никаких доходов кроме как от своего хозяйства не имеет и живет к тому же в бедняцком обстоятельстве, крайне несправедливо считать его кулацким хо- зяйством и облагать в индивидуальном порядке за доход, которо- го он совершенно не имеет».⁴ Собрание просило снять с гражда- нина Крана «упомянутый доход и признак кулачества».

Лишение избирательных прав, прозвище «кулак» очень оби- жало меннонитов. В 1927 году на съезде Уранского менонитского сельскохозяйственного общества говорилось о том, что эмигра- цию за рубеж могло бы приостановить: «преподавание Закона Божьего с 14-летнего возраста, освобождение меннонитов от во- енной службы, разрешение открыть библейские курсы (школы), в школе отменить антирелигию, не смотреть на немцев–учителей как на религиозников и консерваторов, не называть немцев– хозяев кулаками и духовниками».⁵

Церковную и братскую меннонитские общины при всех раз-

¹ Смычка. 1926. 20 августа.

² ЦДНИ ОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 282. Л. 11.

³ Там же. Д. 319. Л. 150.

⁴ ГАОО. Ф. Р-810. Оп. 1. Д. 9. Л. 104.

⁵ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162. Л. 19.

личиях в толковании священного писания, совершении обрядов при советской власти объединяли общие практические задачи. Например, всю свою допризывную молодежь они снабжали справками от суда о том, что те по своим религиозным убеждениям не могут брать в руки оружие.¹ До прихода к власти большевиков меннониты как русскоподданные (даже несмотря на немецкий вопрос) служили в армии в нестроевых частях. После 1917 года их стали мобилизовывать и в Красную, и в Белую армии, а также в различные бандформирования. Летом 1918 года в колонии Претория находился штаб атамана Дутова. Местные жители хорошо запомнили этот период, ибо пребывание Дутова им обошлось очень дорого, личный скот был уничтожен, лучшие лошади угнаны.²

В октябре 1918 года (т.е. в то время, когда Оренбург был захвачен казаками Дутова) из оренбургской артиллерийской команды бежали новобранцы из колонии Деевка И. А. Вибе, И. А. Нейфельд, Г. К. Пеннер, и из колонии Кичкасс Яков Левен. Собщая о дезертирах в Уранскую волость, начальник артиллерийского склада требовал немедленно доставить их этапным порядком.³

В январе 1920 года правительство Башкирской советской республики, куда временно отошли Уранская и Люксембургская волости, на основании приказа Туркестанского фронта предписывало: «Все меннониты... подлежат ныне призыву на военную службу наравне с призванными уже военнообязанными прочих национальностей и религий».⁴

Тогда же наркомат по военным делам Башреспублики, ссылаясь на имеющиеся место злоупотребления декретом Совнаркома от 4 января 1919 года об освобождении от воинской обязанности по религиозным убеждениям, разъяснял: «Указанный декрет совсем не освобождает от общегосударственной повинности с целью отправить по домам сектантов, наоборот, признанный народным судом за действительно убежденного сектанта... красно-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1045. Л. 54.

² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 201. Л. 12.

³ ГАОО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 5. ЛЛ. 32-33.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 79. Л. 22.

армеец назначается санитаром в эпидемические госпитали или на другую более трудную общепользную работу».¹

Меннониты колонии Карагуй, как и другие их единоверцы 1888 – 1901 годов рождения отказались от явки по мобилизации согласно предписанию кантонального военкома и просили народный суд рассмотреть дело в открытом заседании, куда вызвать для подтверждения их религиозных убеждений духовного старосту.²

Комиссия по борьбе с дезертирством Ток–Чуранского кантона распорядилась «арестовать и представить в военкомат председателя Уранского волисполкома для объяснения по поводу укрыательства меннонитов–дезертиров». В документе говорилось, что «если меннониты не явятся, то будут высланы вооруженные силы для ареста таковых».³ Конфликт был улажен лишь к августу 1920 года. Меннонитам определили места службы недалеко от дома для выполнения лесных, плотницких, кузнечных, слесарных, полевых, канцелярских работ.⁴ Для более организованной работы по мобилизации призывников-меннонитов военкомат Ток-Чуранского кантона расположился в колонии Донской Люксембургской волости.⁵

В Оренбургской губернии к освобождению от призыва по религиозным убеждениям относились более лояльно. И после перехода под юрисдикцию Оренбургской губернии меннониты некоторое время вновь не служили в армии. В августе 1926 года в спецсводке губернского ОГПУ сообщалось: «Вся молодежь Уранской волости... немцы-меннониты имеют на руках удостоверения от нарсуда, которые освобождают их от призыва на военную службу по религиозным убеждениям. На всеобщ никто из них не явился. Вообще, вопрос о призыве как будто не касается немцев-меннонитов, у них даже разговоров нет о военной службе. Они привыкли думать, что это их не касается, это не их дело. Даже члены ВКП (б) имеют на руках удостоверения, освобож-

¹ ГАОО. Оп. 1. Д. 79. Л. 23.

² Там же. Д. 6. Л. 2.

³ Там же. Д. 79. Л. 88.

⁴ Там же. Л. 98.

⁵ Там же. Л. 128.

дающие их от военной службы по религиозным убеждениям».¹

Со временем, под давлением партийных, государственных, а также оперативных органов на религию и священнослужителей, менялось отношение меннонитов к армии. В 1928 году бюро Покровского РК ВКП (б), рассматривая результаты призыва, как достижение своей работы, отмечало: «Немец 1907 года рождения поступил добровольцем. Двое раньше не призывались по религиозным убеждениям, теперь от религии отказались и вступили в армию».²

Любой ценой меннониты старались сохранить основы своей этноконфессиональной общности. Во многих немецких колхозах не было ни одного коммуниста из местных жителей. Председатель колхоза в пос. Сузановка Покровского района Келлер был проповедником, фельдшер Классен – тоже. В колхозной комсомольской организации из немцев на учете состоял 1 человек, в школе пионерской организации не было. Длительное время учителем в школе работал меннонит Г. И. Кен. Когда ему в беседе заметили, что учителю не пристойно посещать молитвенные собрания, он ответил: «Дело ваше, но я от своих религиозных убеждений не отступлю». После этого Кен стал работать учетчиком в бригаде.³

Ярким примером отстаивания меннонитами своих религиозных убеждений служит следующий факт. 3 февраля 1937 года районная газета «Сталинс Вег», печатая текст новой Конституции, так исказила статью 128, что получалось: «Гражданам СССР предоставляется право вести религиозную пропаганду».⁴ Редактор газеты Э. Альтнер был арестован по линии НКВД и расстрелян.

Таким образом, для немецких колонистов, принадлежащих к «чуждым конфессиям» и живущих в иноязычной и инонациональной среде, церковь была не просто местом, где велось богослужение. Это было более широкое культурное явление, центр сосредоточения интеллектуальных сил, центр духовного обще-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 987. Л. 174.

² Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 34. Л. 52.

³ Там же. Л.14.

⁴ Там же. Д. 116. Л. 42.

ния. С церковью было связано просвещение, обучение и воспитание детей, призрение больных, убогих и сирот. Она протягивала руку помощи всем страждущим, попавшим в беду. В немецких и меннонитских колониях, представлявших собой замкнутые в конфессиональном отношении сообщества людей, каждый житель был в первую очередь членом религиозной общины. Быть вне конфессии считалось аморальным. Это был нонсенс. Церковь определяла здесь весь образ жизни, её уклад, её ритм, праздники и будни. Религиозные традиции, обычаи, культивировавшиеся веками, формировали нравственные воззрения у членов общины, чувство коллективизма, сострадания и взаимовыручки. Они делали сообщества иноземцев на российской земле народом, объединяя его вокруг своих пасторов. Поэтому, несмотря на запреты, немцы и меннониты старались сохранить основы своей религиозной жизни, что в принципе означало сохранение своего этноса.

Глава III

НЕМЦЫ ОРЕНБУРЖЬЯ В 1940 – 1990-е ГОДЫ

§1. «Немецкий вопрос» накануне и в период Великой Отечественной войны

Согласно переписи 1939 года, в Чкаловской (Оренбургской) области проживало 18 594 немца.¹ Наибольшее их количество проживало в районах: Люксембургском - 4112, Переволоцком - 2256, Белозерском - 2013, Буртинском - 1765, Покровском - 1597, Соль - Илецком - 1584, Александровском - 1115. Сакмарском - 948, Акбулакском - 491, Павловском - 393, Чкаловском - 306, Кувандыкском - 122, Сорочинском - 118. В городах Чкалове и Орске их было соответственно 726 и 126. В остальных районах и городах области немцев насчитывалось от 1 человека до нескольких десятков. Только в Матвеевском районе немцев не было вообще.

Накануне Великой Отечественной войны морально-психологическим климатом в местах компактного проживания немцев активно интересовались органы НКВД и партийные органы. Так, секретарь Александровского райкома ВКП (б) Ланин в мае 1941 года докладывал в обком ВКП (б), что в целом настроение у колхозников хорошее, политическая работа среди немецкого населения направлена на активизацию колхозников, на выполнение государственных планов и поднятие трудовой дисциплины.² Однако Ланин обращает внимание на то, что после опубликования договора о ненападении между СССР и Германией и соответствующей фотографии в газете с участием Гитлера, колхозники вырезали и берегли этот снимок. Когда было объявлено сообщение смешанной комиссии о размене гражданскими лицами между СССР и Германией, то часть колхозников вела разговор о том, что все немцы скоро уедут в Германию.

Бывший заместитель директора по политической части Кичкасской МТС П.Е. Лавренников доносил секретарю Чкаловского обкома ВКП (б) Косареву: «После освобождения нашей Красной Армией Западной Украины и Белоруссии, когда наше правитель-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 176. Л. 1.

² Там же. Л. 2об.

ство начало вести переговоры о переселении немецкого населения в Германию из нашего СССР, то немецкие колхозники начали готовиться к отъезду в Германию. И особенно это движение было осенью 1940-го, видно из того, что сушили много сухарей и некоторые продавали вещи, и многие даже не клали голландки до глубокой осени».¹

Об эмиграционных настроениях докладывал и секретарь Белозерского РК ВКП (б) Макариков, кроме того он сообщал, что «были и факты нацистских проявлений в более откровенной форме. После изъятия органами НКВД группы немцев-нацистов из колхозов им. Буденного и «Эрфольг» эти настроения внешне как будто прекратились».² (Под нацистскими проявлениями Макариков подразумевал националистские.)

Несколько групп немцев было арестовано задолго до начала войны, в 1937 - 1938 гг. К примеру, 23 июня 1937 года в селе Претория был арестован Ведгорн Август Егорович, работавший вторым секретарем Кичкасского райкома ВКП (б). Его обвинили в том, что он якобы являлся одним из участников контрреволюционной фашистской организации, вел активную работу против советской власти, руководил диверсионной группой, принимал участие в подготовке теракта на секретаря ЦК ВКП (б) Украины Косиора, являлся агентом германской разведки и занимался шпионажем в пользу Германии. 4 февраля 1938 года выездной сессией Верховного Суда СССР он был осужден и приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.³

Через месяц, 26 марта 1938 года, арестовали жену А.Е. Ведгорна Марту Германовну. 14 октября 1938 года её расстреляли, обвинив в том, что она являлась агентом германской разведки с 1930 года, проводила активную шпионскую работу, являлась членом немецкой фашистской контрреволюционной диверсионной организации и участвовала в изучении находящихся в Орен-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 176. Л. 4.

² Там же. Л. 5об.

³ Ишбулатов Ф.А. Судьбы репрессированных немцев Оренбуржья // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. – Оренбург, 1998. – С. 57.

бурге военных складов в целях захвата их во время войны.¹

Осенью 1937 года была арестована группа работников Кичкасской МТС: директор К. Гун, главный инженер Я. Вибе, заведующий машинно-тракторными мастерскими В. Пеннер, бригадир тракторной колонны П. Дик, слесари Ю. Реймер, А. Хиль. В течение 1937-38 гг. были репрессированы колонисты Р.И. Раубе, К.К. Генцлер, Б.Г. Гармс, Ф.Г. Гармс, Г.Г. Гармс, Ф.Г. Фишер, Г.Д. Энс, И.Д. Дик, Я.И. Нейфельд и многие другие. Всего по неполным данным только из сел бывшего Кичкасского района было арестовано свыше 200 человек.² Определением военного трибунала Приволжского военного округа от 10 февраля 1989 года супруги Ведгорн и другие, проходившие по этому делу, посмертно реабилитированы за отсутствием состава преступления. В протесте военного прокурора отмечено, что «никакой контрреволюционной организации в Оренбурге не существовало... уголовное дело было сфальсифицировано».³

Несмотря на многочисленные аресты, ликвидацию Кичкасского района и национальных сельсоветов, в целом ситуация в местах компактного проживания немцев была спокойной. В Александровском районе во всех трёх немецких колхозах («Рот-Октябрь», «Большевик», им. Тельмана) были созданы 3 агитколлектива. С января по май 1941 года агитаторы провели около 200 различных бесед, докладов, на которых присутствовало 9758 человек. Во всех колхозах имелись драматические кружки, которые сыграли 23 спектакля, из которых 11 – платные. В колхозах выписывали 11 экземпляров газет и журналов. Кроме того, выходили стенгазеты. В колхозе «Большевик» за 5 месяцев было выпущено 10 номеров, в остальных – 6 и 7.

Накануне войны немцы-колонисты продолжали добросовестно трудиться, внося значительный вклад в экономику страны. Так, в докладной записке в обком ВКП (б) «О работе среди немецкого населения» секретарь Александровского РК ВКП (б) сообщал: «В немецких колхозах имеются замечательные люди. В

¹ Ишбулатов Ф.А. Судьбы репрессированных немцев Оренбуржья // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. – Оренбург, 1998. – С. 57.

² Нейфельд М.Я. Судьбы поколений. – Оренбург, 1995. – С. 51.

³ Там же. С. 65.

колхозе «Большевик» доярка тов. Фальк от закрепленной группы 9 коров получила 9 телят и всех сохранила. Эта доярка в 1940 году надоила молока на фуражную корову 2100 литров и сейчас выполняет плановое задание по надою молока. Тов. Ремпель Екатерина также от 9 коров получила 9 телят».¹ И такие примеры были не единичны. В колхозе «Рот-Октябрь» скотники Дик И., Нейфельд Петр весь стойловый период 1940-41 гг. кормили 105 голов крупного рогатого скота. Падеж скота составил всего 0,47 процентов. В колхозе «Рот-Октябрь» к 15 мая 1941 года был выполнен полугодовой план сдачи молока государству.

Были названы «замечательные люди» и в полеводстве. В колхозе «Большевик» это были Гизбрехт И., выполнявший норму на 200%, на бороновании, и Браун П., который пахал вместо 11 по 13 га и сэкономил горючего за свою смену по 40 кг. В колхозе «Рот-Октябрь» в числе «замечательных людей» были отмечены Келлер Петр и Энс Лиза, которые на культивации выполняли норму на 120-130%, не допускали перерасхода горючего. На лошадях Гизбрехт Корней выполнял норму на бороновании вместо 9 га по 10,5 га, Гардер Петр вместо 1,5 га пахоты давал 2 га».²

Хорошую работу немцев отмечал и секретарь Белозерского райкома ВКП(б): «Немецкие колхозы 1940-й сельскохозяйственный год закончили успешно. Такие колхозы как «Прогресс», «Ударная» и «Эрфольг» добились урожая зерновых выше всех колхозов района, также являются лучшими по продуктивности животноводства. На трудодни выдано хлеба и денег больше других колхозов района.

Колхоз «Прогресс» является передовым в районе, ему вручено районное переходящее Красное знамя. За 1940 год из колхозов Ждановского сельского совета на Всероссийскую сельскохозяйственную выставку утверждено 11 человек, а колхоз «Эрфольг» – в целом по животноводству.

К весеннему севу все колхозы Ждановского сельского совета подготовились своевременно и лучше других колхозов района, они полностью обеспечены семенами. Сейчас они организованно

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 176. Л. 2об.

² Там же.

вступили в сев и ведут его на высоком агротехническом уровне».¹

Немцы в оренбургских колониях по-разному отнеслись к известию о начале войны, испытывая и радость в надежде на скорый выезд в Германию, падение коммунистического режима, свободное вероисповедание, и страх перед усилением репрессий. Бывший заместитель директора по политической части Кичкасской МТС П.Е. Лавренников доносил секретарю Чкаловского обкома ВКП (б) Косареву: «В день начала войны рабочие и служащие Кичкасской МТС были в очень веселом настроении, пели песни... и собирались группами». В докладной подчеркивалось, что имелись и несоветские разговоры. Например, жена шофера МТС Черноногова (немка) открыто говорила женщинам: «Ваши не знай не бьют, а наши вашим уже набили». Жена комбайнера Беше в разговоре с женщинами обиделась на то, что русские женщины проклинали германский фашизм. Она им отвечала: «Всё, что передает советское информбюро, - это враньё. Германский фашизм ещё лучше людям, чем большевики». После речи Сталина парторганизация МТС начала организовывать дружину народного ополчения, в которую сразу же вступили все рабочие и служащие МТС русской национальности, а из 27 человек немцев вступило всего 3 человека, «да и то пришлось с ними много разговаривать особо».²

Секретарь Переволоцкого райкома ВКП (б) в сентябре 1941 года отмечал, что «за последнее время имеются факты антисоветских разговоров и высказываний еще в большей мере, чем до войны. Чувствуется приподнятый дух в связи с тем, что фашисты заняли ряд наших городов». Это особенно проявлялось в колхозе «Эстер Май». Здесь председатель колхоза Тиссен в беседе с колхозниками сказал: «Скоро немцы будут поить коней в Урале». По этому факту органы НКВД арестовали несколько человек.³

Известие о начале войны по-разному сказалось и на хозяйственной деятельности немецких колхозов, на отношении колхозников к труду. В том же Переволоцком районе осенью 1941 года немцы совершенно игнорировали сев озимых, сдачу зерна госу-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 176. Л. 4об.

² Там же.

³ Там же.

дарству.¹ Из плана 25672 центнеров было сдано 10352 центнеров. В колхозе «Коминтерн» из 2676 центнеров было сдано лишь 295 центнеров. Колхоз «Эстер Май» из 3153 центнеров сдал 368 центнеров, «Рот Фронт» из 3345 центнеров сдал 271 центнер.² Лишь под нажимом райкома немецкие колхозы сдали государству плановое количество хлеба.

Ухудшение трудовой дисциплины отмечено и в Люксембургском районе, особенно после Указа Верховного Совета СССР о переселении немцев Поволжья. Многие немцы говорили так: «Зачем нам работать, когда мы тут жить не будем, кто тут будет жить, пусть тот и молотит, и убирает хлеб».³

Однако трудовая дисциплина ухудшилась не во всех немецких хозяйствах. Например, в Белозерском районе немцы стали работать значительно лучше, чем до войны. Даже в колхозе им. Буденного, где до войны работа шла крайне плохо.⁴ Секретарь Белозерского райкома ВКП (б) Макариков докладывал в сентябре 1941 года: «Неплохо отозвалось абсолютное большинство колхозников на призыв тов. Сталина, произнесенный в его речи 3 июля... Колхозники самоотверженно работали на полях по уборке урожая, большинство перевыполняли нормы выработки, работа проходила и проходит организованно – 4 колхоза из 5 к 10 сентября полностью закончили косовицу хлебов, выполнили план сева озимых, на 96 % выплатили заем, внесли облигации в фонд обороны на сумму 6640 рублей, засеваются площадь озимых в фонд обороны 181 га, отчислено 3758 трудодней. Это выражается в сумме 7974 руб. денег и 124 центнера хлеба. Кроме того, за счет колхозов выделено в фонд обороны хлеба 62 центнера, мяса 19 центнеров. Сейчас приступили к сбору тёплых вещей, на сегодня по 5 колхозам собрано 36 овчин, 22 кг шерсти, 3 пары тёплого белья, 29 пар чулок и носков, 36 пар варежек и перчаток».⁵

После Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» осенью

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 176. Л. 4об.

² Там же.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 5об.

⁵ Там же.

1941 года оренбургские немцы ждали, что их тоже переселят в Сибирь.¹ Упадническое настроение ещё более усугубилось, когда в сентябре 1941 года домой стали возвращаться немцы из регулярных частей Красной Армии.² В докладных в обком партии указывалось, что «особенно чувствуется сейчас какое-то скрытое движение и ожидание чего-то».³

Секретарь Белозерского райкома партии Макариков в той же докладной в обком ВКП (б) в сентябре 1941 года сообщал: «Узнав решение правительства о выселении немцев Поволжья, немцы, проживающие в нашем районе, стали особенно настороженные и внешне как будто больше проявляют лояльности к проводимым мероприятиям Советской власти, но на деле абсолютному большинству из них нельзя верить, что они искренне относятся так лояльно».⁴

С началом войны органы НКВД активизировали свою работу в немецких колониях, продолжились аресты. Секретарь Переволочского райкома ВКП (б) Самсонов указывал, что «значительное число семейств имеет в своем составе репрессированных».⁵ И, опираясь на этот факт, а также на основании того, что «в абсолютном большинстве хозяйств имеют родственников в Германии, Америке», он делает вывод, что все немцы района «готовы подняться при возможности против советской власти».⁶

Немецкий вопрос снова возник на государственном уровне, как и во время первой мировой войны. Законы военного времени и нормы международного права требовали от правительства принятия адекватных мер в отношении той части населения, которую Гитлер называл «пятой колонной».

По постановлению Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) от 26 августа 1941 года из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в Сибирь и Казахстан

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 176. Л. 8.

² Там же. Л. 9.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 5об.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же.

было выселено 479 840 немцев.¹ Следующим этапом, согласно документам Государственного Комитета Оборона СССР должно было стать переселение всех немцев, в том числе и 18594 жителя Чкаловской области, в срок с 20 сентября по 10 октября 1941 года.² Но переселение немцев Оренбуржья не было осуществлено. Это можно объяснить двумя причинами:

1) в высшем руководстве страны уже тогда зрел план о создании трудармии, подразделения которой планировались и в Чкаловской области;

2) хотя Чкаловская область не была обозначена местом высылки переселяемых немцев из Поволжья и западных регионов СССР, соседство с Казахстаном являлось определяющим фактором того, что все же несколько групп немцев оказалось в Оренбуржье. Так, в Тепловском районе к моменту мобилизации в 1942 году, проживало 17 человек из Саратовской области.³

Выселение все же коснулось некоторых оренбургских немцев, живших в городах. Так, Манн Мария Александровна как жена немца была выселена из поселка городского типа Кувандык в Домбаровский район. Переселение было произведено по решению Чкаловского областного совета трудящихся на основании распоряжения СНК СССР от 30 октября 1941 года «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные».⁴

Таким образом, немцы и меннониты восприняли Великую Отечественную войну с надеждой и тревогой. Надежда была связана с ожиданиями скорейшего выезда из СССР и воссоединения со своими родственниками за границей, а тревога – обоснованными опасениями стать объектом преследований и гонений, вызванных войной. Однако немецкий вопрос получил свое логическое продолжение в виде трудармии. Немецкое трудолюбие, как и труд других народов, было использовано правительством для подъема обороноспособности страны.

¹ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. Н.Ф. Бугая. - М., 1998. – С. 19.

² Там же. С. 24-25.

³ ГАОО. Ф. Р-2843. Оп. 1. Д. 11. Л. 100.

⁴ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 146. Л. 83.

§2. Подразделения трудармии на территории Оренбуржья

Первый документ о мобилизации немцев в рабочие колонны на все время войны, подписанный председателем ГКО И. Сталиным 10 января 1942 года, касался только переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет.¹ Оренбургские колонисты все еще продолжали ожидать своей участи. И первые рабочие колонны на территории Оренбуржья формировались из мобилизованных в Новосибирской и Омской областях, Красноярском и Алтайском краях и Казахской ССР. Немцы строили железные дороги Орск – Кандагач, Магнитогорск – Сара.

Этим же документом предусматривалась ответственность за нарушение дисциплины и отказ от работы, за неявку по мобилизации, за дезертирство из рабочих колонн вплоть до расстрела. Продовольственное и промтоварное снабжение устанавливалось по нормам ГУЛАГа СССР.²

14 февраля 1942 года вышло постановление ГКО СССР о мобилизации немцев мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках.³

Во исполнение этого постановления военным комиссаром Чкаловской области 18 февраля 1942 года был подписан приказ, согласно которому мобилизации подлежали и временно проживающие на территории области немцы. И мобилизацию он приказал закончить намного раньше отведенного срока: не к 25, а к 1 марта. Кроме того, облвоенком распорядился одновременно отобрать у мобилизованных паспорта и военные билеты, взамен выдать квитанции. Приказ обязывал мобилизованных немцев «явиться на сборный пункт РВК для отправки к месту работы в исправной одежде, особенно обуви, с запасом белья, полотенцами, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и 10-

¹ История российских немцев в документах (1763 - 1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. - М., 1993. – С. 168.

² Там же. С. 169.

³ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. Н.Ф. Бугая. - М., 1998. – С. 41.

дневным запасом продовольствия».¹ Подчеркивалось, что никакой одежды и обуви на месте работы немцы не получают.

В октябре 1942 года согласно постановлению ГКО от 7.10.1942 года была проведена дополнительная мобилизация в рабочие колонны на все время войны немцев мужчин в возрасте от 15 до 55 лет включительно, годных к физическому труду, переселенных из центральных областей СССР и Республики немцев Поволжья, а также постоянно проживающих на территории Чкаловской области. Мобилизации в рабочие колонны на все время войны подлежали и женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет включительно, годные к физическому труду. От призыва освобождались только беременные и имеющие детей в возрасте до 3-х лет. Дети старше 3-х лет распоряжением местных советов передавались на воспитание остальным членам семьи, а при отсутствии таковых детей передавали ближайшим родственникам или немецким колхозам. Мобилизация немцев была проведена совместно с органами НКВД и с участием местных органов власти.²

Согласно этому секретному приказу немцев мужчин отправили на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь» наркомата угольной промышленности, а женщин – на предприятия наркомата нефтяной промышленности.

На территории Чкаловской области зоны «мобилизованных немцев» размещались в Чкалове, Орске, Бугуруслане, Соль-Илецке и с. Домбаровка Домбаровского района.³ По подсчетам П.Б. Ремпеля, в 1942 году на комбинате «Чкаловуголь» наркомата угольной промышленности находилось 500 мобилизованных немцев, в Орской конторе «Главнефтрострой» наркомата нефтяной промышленности - 686 мужчин и 2890 женщин, на заводах № 257 и 322 наркомата боеприпасов в Чкалове не менее 474 человек.⁴ Кроме того, в трестах «Бугурусланнефть», «Кинельнефть» и

¹ ГАОО. Ф. Р-2843. Оп.1. Д. 11. Л. 12.

² Там же. Л. 97.

³ Маламуд Г.Я., Кириллов В.М. «Мобилизованные немцы» на строительстве предприятий черной металлургии Урала // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне: Материалы науч. конференции. – Екатеринбург, 1995. – С. 48.

⁴ Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941 - 1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. - М., 1996. – С. 85-86.

«Куйбышевнефтьестрой» Куйбышевского нефтекомбината, которые находились на территории Бугурусланского района Чкаловской области и Похвистневского района Куйбышевской области, в 1942 году трудилось 11530 немцев.¹

Количество мобилизованных немцев постоянно менялось, так как рабочие колонны в целях производственной необходимости переводили на разные предприятия и даже в разные министерства. Например, по постановлению Государственного комитета обороны от 19 августа 1943 года из г. Ишимбай Башкирской АССР в г. Орск Чкаловской области на строительство нефтеперерабатывающего завода переведена в полном составе Ишимбайская монтажная контора треста «Нефтезаводмонтаж». В связи с чем из Ишимбая в Орск были переведены все 150 работающих при конторе немцев.²

В декабре 1943 года в связи с ходатайствами Наркомнефти 70 мобилизованных немцев перебросили из г. Краснокамска Молотовской области в г. Орск для работы на Орской строительной площадке треста «Нефтезаводмонтаж», а 600 немцев переводились Краснокамской лесоконторе Молотовской области со строительства «Бугурусланнефти».

Подобно Куйбышевскому нефтекомбинату на территории Чкаловской области располагались подразделения «Казахстаннефтекомбината». В 1942 году 2000 его работников неравномерно распределялись между Орском и казахстанскими городами Гурьевом, Макатом, Касгатылом, Нармунданаком.³

Мобилизованные немцы именовались «спецконтингентом» и использовались, в основном, как неквалифицированные рабочие на лесозаготовках, шахтах, в строительстве. Кроме немцев в рабочих колоннах трудились русские, казахи, украинцы, башкиры, татары, представители других национальностей, но только немцы были призваны в трудармию по национальному признаку. По состоянию на 10 марта 1942 года в Орске имелось 13 строительных колонн. Формировались они в разных частях Советского Союза

¹ Ремпель П.Б. Указ. соч. – М., 1996. – С. 83.

² ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д. 146. Л. 54.

³ Там же. Л. 88, 89, 112.

(Казахстане, Башкирии, Орджоникидзевском крае, Чкаловской области и в других регионах) из числа негодных к строевой службе, бывших заключенных, освобожденных из мест лишения свободы досрочно или по отбытию, а также из спецмобилизованных немцев. Как правило, колонна состояла из 800-900 человек. Секретарь Орского горкома ВКП (б) Толстов в информационной записке в обком партии докладывал, что большинство людей, направляемых в стройколонны, не проходила осмотр медицинскими комиссиями, в результате чего оказалось много больных и ненужных иждивенцев. К примеру, в колонне №1768 было 120 человек, непригодных к физическому труду, больных туберкулезом, сифилисом, бруцеллезом, эпилепсией.

По прибытию в Орск строительные колонны разместили по землянкам, овощехранилищам и подвальным помещениям, где не было ни электричества, ни уборных, ни умывальников. Вследствие неисправности канализации и водопровода в подвальных помещениях было постоянно сыро. Из-за большой скученности, отсутствия сменного нательного и постельного белья имелись случаи вшивости, заболевания чесоткой и сыпняком. Но самой острой проблемой стройколонн, по мнению секретаря горкома партии, было отсутствие теплой одежды и обуви. В колонне №681 только у 50 рабочих из 1000 имелись ботинки. По этой причине было много случаев обморожения конечностей. К тому же места работы некоторых колонн находились в 4-10 км от общежитий.¹

В ноябре - декабре 1942 года в Чкаловскую область по нарядам ГУЛАГа НКВД СССР как местных, так и из других областей страны прибыло 12 630 немцев (мужчин и женщин). Они были распределены следующим образом:

- а) на строительство № 2 Главнефтьстроя, г. Орск – 2801 человек;
- б) на строительство «Азнефтегазстрой», г. Бугуруслан – 4200;
- в) на строительство «Бугурусланнефть», г. Бугуруслан – 5440;
- г) на строительство «Чкаловуголь», г. Соль-Илецк и Домбаровка – 189.²

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 577. Л. 6об, 7об.

² ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 111. Л. 234.

В докладной записке о трудовом устройстве мобилизованных немцев 6 января 1943 года заместитель начальника управления НКВД по Чкаловской области Дмитриенко сообщал в НКВД СССР, что к приему такого количества рабочей силы руководство строительства, партийно-советские органы Бугуруслана и Орска были не подготовлены. В результате этой неподготовленности размещение мобилизованных немцев происходило неорганизованно и в непригодные для жилья бараки, землянки, а часть - по колхозам, расположенным вблизи города Бугуруслана и нефтепромыслов.

Жилищно-бытовые условия мобилизованных немцев находились в исключительно плохом состоянии. Так, в Бугуруслане отдельные бараки, в которых размещались немцы, не имели крыш, потолки от таяния снега протекали. В землянках не было нар и матрацев, в помещениях наблюдалась полнейшая антисанитария. В бараках, рассчитанных на 200 человек, размещалось по 400 и более человек. Беспорядочное размещение немцев в бараках и землянках привело к тому, что в помещениях образовалась большая скученность, было отмечено несколько случаев заболевания сыпным тифом, появились больные чесоткой, сыпняком, воспалением легких. Бани при строительстве не были предусмотрены, а имеющиеся бани в городе не могли обеспечить большое количество людей за отсутствием дров и воды.

Как в Орске, так и в Бугуруслане на строительствах отсутствовали прачечные, имеющиеся дезинфекционные камеры были не в состоянии пропустить всего контингента нуждающихся. Не лучше обстояло дело с питанием и снабжением мобилизованных немцев. В Бугуруслане на «Азнефтестрое» и «Нефтекомбинате» не было воды, в результате чего рабочие вынуждены были употреблять вместо воды снег. В Орске при Главнефтестрое имелось всего две столовые, пропускная способность которых обеспечивала призванный контингент рабочих лишь на 50%, остальная же часть немцев отправлялась на работу без употребления горячей пищи. Ненормальное положение обстояло и со снабжением хлебом. Из-за отсутствия своей пекарни рабочие получали в печеном виде только по 300 граммов хлеба, остальная часть выдавалась тестом, в результате чего рабочие вынуждены были печь хлеб в

бараках, что приводило к антисанитарии. В трестах «Азнефтегазстрой» и «Бугурусланнефть» в первые месяцы питание так же было не организовано, большая часть людей не получала хлеба по 3-5 суток. Имеющиеся столовые не были обеспечены кухонной посудой.

Вышеперечисленные факты отражались на производительности труда мобилизованных. Так, в первые дни работы имелись случаи невыхода на работу мобилизованного состава, норма выработки не выполнялась. Тяжелый изнурительный труд и нечеловеческие бытовые условия вынуждали некоторых мобилизованных рабочих дезертировать. К примеру, в конце декабря 1942 года со строительства «Азнефтегазстрой» дезертировало четыре человека мужчин-немцев, а в марте 1942 года в Орске дезертировали 9 поляков из Белостока.¹

В течение 1941-42 гг. Чкаловская область приняла около 100 эвакуированных предприятий из западных регионов СССР и с ними тысячи рабочих и членов их семей. Всего в Оренбуржье прибыло 240 тысяч человек эвакуированного населения, из них 75 тысяч было размещено в Чкалове, остальные – в городах и районах области.² Резко увеличилось население Орска, Бузулука, Бугуруслана, Соль-Илецка. В Бугуруслан перебазировали один из крупнейших на Кавказе трест «Азнефтегазстрой», переименованный позднее в «Куйбышевнефтегазстрой». Прибывших в 1942 году в Бугуруслан 10 тысяч нефтяников, строителей и членов их семей с Кавказа невозможно было всех разместить в городе, многих пришлось поселить в ближайших селах Асекеевского, Бугурусланского, Мордово-Боклинского районов.

Жилищно-бытовые условия эвакуированных рабочих были ничуть не лучше работающих рядом мобилизованных немцев. Разница была лишь в том, что последних постоянно сопровождал надзор НКВД и моральный прессинг унижения и упреков в пособничестве фашизму.

Прибывшие в Бугуруслан нефтяники с Кавказа, строители из Красноярского края, мобилизованные немцы (всего более 20 ты-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 577. Л. 7.

² Футорянский Л.И. Оренбуржье – Великой Победе (к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне). – Оренбург, 1994. – С. 13.

сяч человек) не обеспечивали все возрастающих потребностей фронта в топливе. В июле 1942 года нарком нефтяной промышленности СССР И.К. Седин добивался организации в Бугуруслане исправительно-трудовой колонны не менее чем в 2 тысячи человек для использования в строительстве промышленных сооружений, автомобильных и железных дорог к ним. Кроме того, он приказал в срок до 1 ноября 1942 года построить жилые помещения для рабочих в Заглядино на 1200 кв. м, Александровке на 1000 кв. м, Похвистнево на 1600 кв. м, Бугуруслане на 6000 кв. м.¹

Рядом с эвакуированными рабочими и мобилизованными немцами трудились тысячи местных жителей. Только Бугурусланский райисполком направил на строительство газопровода Бугуруслан – Куйбышев в 1942 году 350 человек, главным образом женщин-колхозниц и школьников старших классов, и более 150 подвод с возчиками. В середине 1942 года половину всех работавших на нефтяных промыслах Бугуруслана составляли женщины. За годы войны число женщин, работавших в тресте «Бугурусланнефть», увеличилось в 20 раз.²

В связи с резким ростом нефтяной промышленности в Бугуруслане (добыча нефти по сравнению с довоенным периодом увеличилась в 4 раза) и резким ростом населения, в июне 1942 года Бугурусланский горком ВКП (б) ходатайствовал перед обкомом партии и управлением НКВД по Чкаловской области о преобразовании городского отделения НКВД в отдел с соответственным увеличением численности сотрудников. По мнению секретаря горкома Репина, «проведение этого мероприятия позволит усилить оперативно-чекистскую работу и справиться с поставленными задачами».³ Однако в течение всего 1942 года оперативные группы занимались не агентурной работой среди эвакуированных рабочих и мобилизованных немцев, а размещением их, устройством и решением жилищно-бытовых проблем.⁴ Управление НКВД по Чкаловской области обязало начальника Бугурус-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 310. Л. 30.

² Полвека на вахте / Министерство нефтяной промышленности, ПО «Оренбургнефть». – М.: Недра, 1988. – С. 27.

³ ЦДНИ ОО. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 215. Л. 126.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 111. ЛЛ. 234-241.

ланского городского отдела НКВД принять меры, обеспечивающие бесперебойное снабжение немцев питанием, организовать профилактические мероприятия к пресечению распространения заболевания тифом местного населения.

К решению проблем подключились и органы здравоохранения. Чкаловский облздравотдел дал указание Бугурусланскому отделу ежедневно обследовать жилые помещения, где проживали мобилизованные немцы, и немедленно госпитализировать обнаруженных больных тифом. 22 декабря 1942 года облздравотдел направил в Бугуруслан бригаду врачей в составе 3-х человек и вагон необходимых медикаментов. Кроме того, в городе была создана чрезвычайная противоэпидемическая комиссия – 7 врачей-специалистов с участием представителей администрации строительства.¹

Спустя много лет одна из немок так вспоминала о работе в Бугуруслане: «В декабре для жилья были предоставлены землянки без дверей, без окон, без печей. Спать приходилось прямо на полу. А мороз достигал 30 градусов, среди рабочих было много больных брюшным и сыпным тифом, в день «косило» по 8-10 человек».²

По свидетельству Берты Зеель, в 1943 году 15-летней девочкой прибывшей по мобилизации в город Бугуруслан, в трест «Азнефтегазстрой», от лома, лопаты и кирки – этих чисто мужских орудий землекопа – руки сначала покрывались кровавыми волдырями, которые затем превращались в грубый мозолистый нарост. Но настоящее несчастье состояло в другом: еда, которую им давали, не могла восполнить физических затрат, и женщины вскоре превратились в ходячие скелеты.³

По мнению писателя Герхарда Вольтера, прошедшего ГУЛАГ, «трудармия... это было изуверское изобретение бериевского НКВД, позволившее увеличить вдвое–втрое... бесплатную рабочую силу лагерных заключенных людьми, невинными в полном смысле слова, но низведенными в положение заключенных и со-

¹ Там же. Д. 110. Л. 190, 191.

² Оренбуржье. – 1992. – 7 декабря.

³ Вольтер Г.А. Зона полного покоя: российские немцы в годы войны и после нее /Свидетельства очевидцев/ – М., 1998. – С. 107.

державшихся под стражей. Вся разница в названии. Человек не сидел в тюрьме, не находился в лагере – он был в трудовой колонне. Не в колонии – в колонне... И слово «тудармия» могло бы в истории Отечественной войны сиять героизмом не меньше, чем фронтовой. Как фактически и было».¹

Эксплуатация труда заключенных и спецконтингента была одним из важнейших условий быстрого подъема промышленного производства в тылу врага на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Лагеря стали неотъемлемой частью экономической структуры страны, позволяли быстро решать неотложные вопросы. Хозяйственная выгода этого труда очевидна. Использование контингентов НКВД было вполне органично для военной экономики, нацеленной на экстенсивное наращивание производства любой ценой. В силу незначительности расходов на содержание и высокой нормы эксплуатации труда заключенные обходились дешевле вольнонаемных рабочих. Предусматривались минимальные затраты на жилище, мебель, питание, технику. Помимо высоких норм выработки и минимального обеспечения, из лагерей извлекали выгоду от установления там строгой дисциплины.

Однако никакие чрезвычайные обстоятельства не могут оправдать тех необоснованных обвинений советских немцев в пособничестве фашизму и того искусственно созданного морально-го климата, в котором оказались призванные в трудовую армию граждане. Г. Вольтер считает, что «сверхнапряжение и сверхтерпение не оскорбляют. Оскорбляет несправедливость».² В годы тоталитаризма пострадали миллионы советских людей, но для немцев испытания оказались гораздо тяжелее: ко всему прочему они подвергались репрессиям и по национальному признаку.

Немецкие колонии Оренбуржья до 1955 года находились под надзором спецкомендатуры, где каждый немец должен был регулярно отмечаться. Кроме того, немцы были ограничены в свободе передвижения. Таким образом, сельские немцы Оренбуржья, хотя и не были выселены в Сибирь или в Среднюю Азию, они все равно разделили общую судьбу российских немцев. Тудармия, режим спецкомендатуры, ограничение свободы постепенно стирали

¹ Вольтер Г. Боль памяти // Жизнь национальностей. – 1996. – № 2. – С. 88.

² Там же.

границы этнической и религиозной самобытности различных групп немцев. Позже меннониты уже никогда не возвращались к идее «особой нации» и сами стали причислять себя к немцам. Тем более что в условиях тоталитарного режима общение жителей СССР со своими родственниками за границей было невозможным, и меннонитские общины Оренбуржья в духовно-религиозном плане стали абсолютно изолированными.

§3. Положение немцев Оренбуржья после Великой Отечественной войны

Окончание войны не принесло ожидаемого улучшения положения российских немцев, оказавшихся в спецпоселениях и трудармии. Постановлением Совнаркома СССР от 1945 года спецпереселенцы закреплялись за промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, стройками, организациями и учреждениями. Они не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой НКВД. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1948 года немцам и представителям других репрессированных народов (чеченцам, карачаевцам, ингушам, балкарцам, калмыкам и др.) запрещалось возвращаться в прежние места жительства и устанавливалось, что переселение в отдаленные районы Советского Союза произведено навечно.¹

В марте 1946 года бытовые условия трудармейцев оставались практически такими же, как и в 1942 году. Рабочие 1-го участка треста №1 Главнефтестроя в городе Орске, большинство которых составляли немцы, проживали в приспособленных помещениях (сараях, котельных, подвалах). В среднем на каждого приходилось по 2 кв. м жилплощади. Многие рабочие не имели матрацев, спали на голых досках. 96 человек не имели одеял, 45 – простыней, 200 – полотенец. Стирка белья не производилась. Вследствие гнилости древесины обвалилась крыша на одном из общежитий, подобное грозило другим жилым сараям и столовой.² Спустя ещё

¹ История российских немцев в документах (1763-1992). – М., 1993. – С. 175-176.

² ЦДНИ ОО. Ф. 2979. Оп. 1. Д. 50. Л. 7, 21.

несколько лет быт немцев в спецпоселениях оставался на этом же уровне. В 1949 году управляющий трестом №1 Главвостокнефте-строя В. Марфин сообщал в Орский горком партии, что большинство работников треста размещено во временных бараках постройки 1936 года.¹ Общежития спецконтингента очень редко посещали партийные и профсоюзные деятели, агитаторы. На 1-м участке треста №1 Главнефтестроя из 856 человек было всего 2 члена ВКП (б) и 2 кандидата, и дальнейший рост партийной организации, по мнению секретаря партбюро, был невозможен, так как «немцы-переселенцы недостаточно устойчивы и недостойны вступления в партию».²

Неудивительно, что в начале 1946 года во время кампании по выборам в Верховный Совет СССР управление НКВД по Чкаловской области зафиксировало значительное количество фактов антисоветских высказываний среди лиц немецкой национальности—спецпереселенцев, работающих на промышленных предприятиях области. Немец Фрид Рудольф Алойзович, работающий в тресте «Бугурусланнефть», в общежитии среди мобилизованных немцев говорил: «У нас правительство в Советском Союзе является диктаторским, властью в Советском Союзе диктуют сверху, и партии коммунистов думается, что это правильно, и думают, что на местах проводят в жизнь все правильно, но разве это демократизм. Такими методами проводятся сейчас и выборы в высшие органы советов. Коммунистов выдвигают кандидатами в депутаты, они же организуют агитационную работу, они же будут выбраны в высшие органы советов. По-моему это не демократизм, а диктаторство».

Немец Эрлих Христиан Христианович, работающий там же, заявил: «Меня и Раумиха в списках избирателей нет, не мешало бы совсем не участвовать в выборах и без нас бы обошлось. Нас не спрашивают коммунисты и не спросят, кого выбирать, кого они хотят, того и выберут».

Мобилизованный немец Рапп в разговоре с товарищами по вопросу предстоящих выборов заявил: «Выборы в Верховный Совет СССР как детские игры, к тому же они насильственные, нам

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 2979. Оп. 1. Д. 93. Л. 34об.

² Там же. Л. 11.

ведь прямо говорят: надо обязательно избрать Сафонова и Коробова. Это говорит о том, что мы никаких прав в Советском Союзе не имеем, и не можем быть избранными, и не можем избрать, кого хотим. Советскую власть сам черт не сломит, и коммунисты делают все, что хотят. Ведь весь народ голодный и холодный, но зато могут хорошо писать в газетах». Препровождая донесение об этих фактах секретарю Чкаловского обкома ВКП (б), начальник областного управления НКВД Морозов докладывал: «Вышеуказанные немцы разрабатываются и в ближайшее время будут арестованы».¹

Несмотря на пренебрежительное отношение руководителей, большинство мобилизованных немцев ударно трудилось на производстве. К примеру, во втором квартале 1949 года за отличную работу были премированы шоферы треста №1 Главнефтезаводстроя Зудерман, Келлер, Краузе. В списке бригад отличного качества были отмечены коллективы бригадиров Левена (13 каменщиков), Унрау (5 штукатуров), Зальцмана, Геца, Гинкеля, Гебея и других. В том же тресте стахановцами были грузчики Вернер, Присс, Реймар, ремонтники Шлейгель, Гейдер, Шопперт, паровозники Келлер, Вальтер, конник Клипенштейн и другие, которые в 1949 году работали в счет 1951 и 1952 годов.

Указом от 13 декабря 1955 года немцы были сняты с учета спецпоселения и освобождены из-под административного надзора органов МВД. Но данный документ не предусматривал возвращение имущества, конфискованного при выселении, и запрещал немцам возвращаться в те места, откуда они были выселены. Указ от 29 августа 1964 года, снявший с советских немцев огульные обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам, не решал национально-территориальных проблем 2-миллионного народа. Документ, подписанный председателем Верховного Совета СССР, констатировал, что немецкое население за истекшие годы прочно укоренилось на новых местах жительства «благодаря большой помощи Коммунистической партии и Советского государства».

В 1979 году неудачно закончилась попытка создания Немецкой автономной области в Казахстане, тщетны были усилия и по

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 149. Л. 11-12.

восстановлению немецкой автономии в Поволжье. И это стало последней причиной, обусловившей массовую эмиграцию немцев из СССР в 1980-1990 гг.

Чтобы лучше понять особенные причины современной эмиграции из России оренбургских меннонитов, которых мало интересовала проблема немецкой государственности, необходимо вкратце остановиться на их истории в послевоенный период.

Хотя немцы Оренбуржья не были выселены в годы Великой Отечественной войны, места их компактного проживания находились под надзором НКВД и на них также распространялся режим спецкомендатуры: обязательная отметка в комендатуре, ограничение передвижения по стране. Надо сказать, что религиозная жизнь в меннонитских колониях никогда не прекращалась, несмотря на запреты, штрафы, высылки, угрозы расстрела. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при облисполкоме отмечал, что после ареста проповедников количество участвующих в молитвенных собраниях меннонитов сокращается лишь на время, и не по причине отсутствия проповедников, а лишь из-за настороженности к возможным продолжениям репрессий.¹ Дело в том, что согласно меннонитскому вероучению проповедником может быть наиболее подготовленный и авторитетный прихожанин.

Атеистическая пропаганда и давление партийных, советских, оперативных органов все же вносили существенные изменения в размеренную жизнь немцев-меннонитов.

В 1958 году братский проповедник Исаак Гизбрехт на вопрос уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Оренбургском облисполкоме В. Опитина об отношении к службе в армии ответил так: «Раньше нас освобождали совсем или брали в нестроевые части. Теперь мы не учим ни за, ни против, оставляем на совести каждого гражданина. Теперь в армии служат все, но некоторые ходатайствуют, чтобы не брали в нестроевые части, они готовы куда угодно, пусть связано с любой опасностью для жизни, но чтобы самим не убивать».² Представитель церковной меннонитской общины Давид Ремпель ответил примерно так же:

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 19. Д. 770. Л. 24.

² Там же. Л. 43.

«Догмат «Не убий» устарел. Наша молодежь теперь охотно служит в Советской Армии. У нас запрещается лишь убийство преднамеренное, из мести».¹

Служба в армии не мешала потом стать равноправными членами религиозной общины, а некоторым отслужившим – даже проповедниками. В 1957 году в п. Ишалка Люксембургского района было два проповедника: Андрей Бурмс (30 лет) и Яков Тиссен (24 года), последний недавно вернулся из рядов Советской Армии.² Житель поселка Подольск Люксембургского района Ломерт служил в Оренбурге в строительном батальоне, его брат служил в зенитной артиллерии под Москвой. Говоря об армии, отметил: «Раньше нас военкомат вызывал по несколько раз в год, а теперь отслужил и свободен».³

В 1960-е годы и позже практически все оренбургские немцы, независимо от вероисповедания, проходили службу в армии и, как правило, честно выполняли свой гражданский долг. В августе 1989 года газета «Звезда» Александровского района сообщала о письме, пришедшем в адрес районного руководства от командира воинской части, где служит младший сержант Фризен Виктор Петрович из села Петровки. В.П. Фризен «является отличником боевой и политической подготовки... В совершенстве овладел специальностью автокрановщика и признан лучшим специалистом части... Активно участвует в общественной жизни, избран членом комитета ВЛКСМ... Командир части выражает сердечную благодарность родителям Виктора за хорошее воспитание сына – настоящего патриота нашей Родины».⁴

Отказ от службы в армии был одной из причин, по которым в послевоенные годы меннонитские общины не регистрировались органами власти, и их деятельность была незаконной.

Группы меннонитов Люксембургского района ходатайствовали о регистрации общины с 1949 года, но им отказывали даже после постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 19. Д. 770. Л. 45.

² Там же. Д. 185. Л. 51.

³ Там же. Д. 770. Л. 49.

⁴ Звезда. – 1989. – 19 августа.

населения». Многие проповедники хранили вырезки из газет с этим постановлением и ссылались на него, когда им делали замечания о «незаконности больших сборищ на молитвенные собрания».¹ Во всех документах уполномоченного по делам религиозных культов облисполкома собрания верующих именуется «сборищами».

27 июля 1957 года в облисполком обратилась Зименс Елена Ивановна из колхоза им. Жданова Александровского района: «Я в колхозе с 1930 года, мне 60 лет, сейчас работаю заведующей фермой в первой бригаде в п. Хортица. Муж умер в трудармии в 1942 году. Сын, командир Советской Армии, в 1942 году был тяжело ранен под Баку и умер в госпитале. Три дочери при мне работают в колхозе. В нашей бригаде верующих 200 человек, собирались в трех местах по 50-70 человек. Раньше молитвенный дом церковной общины находился в Деевке, теперь его нет, а на месте тоже запрещают собираться на молитву. Верующие послали меня выяснить: от кого вышло такое распоряжение и получить совет, как нам быть».² Е.И. Зименс было предложено молиться у себя дома.

В сентябре 1957 года Петровский сельский совет Александровского района оштрафовал проповедников Брауна, Келлера и Эзау на 500 рублей каждого. Братская община с. Канцеровка собрала деньги на уплату штрафа и обратилась за помощью в облисполком: «Есть ли такой закон? Нарушения дисциплины не было, на работе собрания не отражаются. Мы считаем, что надо слушать власти, и собирались лишь в свободное от работы время. Теперь стали собираться на молитву меньшими группами в 2-3 местах. Пока нас не трогают. Мы понимаем, что по конституции можно молиться кому угодно, почему нам запрещают?»³

В том же, 1957 году, Оренбургский обком КПСС и облисполком ставили вопрос: «Не является ли существование незарегистрированных групп попустительством с нашей стороны или есть соображения, оправдывающие нынешнее положение?»⁴ Мнение

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 19. Д. 185. Л. 15.

² Там же. Л. 106.

³ Там же. Л. 107.

⁴ Там же. Л. 110.

уполномоченного по делам религиозных культов В. Опитина: «Религиозная деятельность незарегистрированных групп и служителей культа с каждым годом сокращается... Выдержанные политически разъяснения и ответы уполномоченного на письма и устные заявления по вопросам регистрации, придирчивая, но с определенным тактом требовательность (хотя иногда и обращаются в Центральные органы с жалобой на якобы волокиту) – дело показывает, что эти методы... оправдывают себя. Очень важно отказать или затянуть, но в такой форме, чтобы не вызвать недовольства».¹

Волокита была главным методом работы власти в послевоенные годы с сектами. Например, 22 июня 1957 года было отказано в регистрации братской общины в поселке Алисово по той лишь причине, что «списки составлены отдельно от заявления, без указания размеров арендуемого дома».² И таких фактов было предостаточно. В этой ситуации меннонитам приходилось самим искать выход из создавшегося положения, поскольку вне религии эта этноконфессиональная общность людей не могла существовать.

Братских меннонитов еще в 20-30-ые годы XX столетия называли баптистами по сходству религиозных обрядов трактовки священного писания. В начале 50-х годов они стали периодически посещать молитвенные собрания общества ЕХБ в г. Чкалове (Оренбурге), «приурочивая это с приездом... на базар и по другим делам».³ В марте 1958 года проповедник братской общины К.А. Дик из села Подольск Люксембургского района обращался во Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) принять братских меннонитов в их общину.

Но лишь в 1963 году всесоюзный съезд ЕХБ принял решение «Об объединении меннонитского братского направления с евангельски-баптистским братством». После съезда Президиум ВСЕХБ установил связи с меннонитскими братскими общинами, ознакомил их с уставом ВСЕХБ и братским посланием, принятыми на этом съезде, а также со всеми своими циркулярными пись-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 19. Д. 185. Л. 111.

² Там же. Л. 102.

³ Там же. Оп. 18. Д. 228. Л. 9.

мами. В сентябре 1964 года расширенный пленум ВСЕХБ определил свою позицию и в отношении церковных меннонитов, которая сводилась к тому, чтобы «допускать церковных меннонитов, при условии их возрожденности к христианской жизни», к проповеди в общинах ЕХБ, а также к пению в хорах и совершению ими отдельного хлебопреломления в молитвенных домах евангельских христиан-баптистов, в случае если последние не будут отрицательно относиться к совместному хлебопреломлению с церковными меннонитами.¹ Религиозные гонения только сплотили меннонитов. Нередко представители братских и церковных общин стали собираться на общую молитву. К примеру, в мае 1956 года на золотую свадьбу одного из проповедников в пос. Луговск Люксембургского района съехалось более 500 человек. Фактически договаривались: «как возбудить совместное ходатайство перед советской властью о регистрации меннонистского общества».²

Несмотря на запреты, проповедники стали более активно работать со своей паствой, особенно с молодежью. В 1955-56 гг. водное крещение в двух сельских советах (Кичкасском и Степановском) принимали 160 человек, в июне 1957 года крестилось еще 38 человек.³

Из 13 колоний Люксембургского района в 1956 году крестилось 100 человек, в 1957 году – 54.⁴

В поселке Красиково Люксембургского района из 28 учеников местной школы было 6 пионеров, все русские. Немцы в пионеры не вступали. На вопрос секретаря партийной организации колхоза Сбитнева: почему немцы не пускают детей в пионеры и даже взрослым детям запрещают смотреть кино, проповедники Унру и Панкрац ответили: «Вы коммунисты живете по программе и выполняете устав партии, не трогайте нас, мы тоже живем по уставу священного писания Библии и Евангелия. Вы воспитываете детей в своем духе, мы воспитываем в духе, которым сами живем. Вы говорите против бога, и мы поэтому не пускаем детей

¹ Ипатов А.Н. Меннониты. – М., 1978. – С. 162.

² ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 19. Д. 185. Л. 49.

³ Там же. Л. 102.

⁴ Там же. Л. 51

в пионеры, не хотим отступления от бога. Кино тоже уводит детей от веры в господа бога и от священного писания».¹

Регулярно в меннонитских колониях изымали и сажали в тюрьму проповедников, но, возвратившись через несколько лет, они вновь проповедовали свою религию. После ареста в 1952 году проповедника в с. Хортица И.Ю. Гизбрехта, верующие продолжали собираться в его доме, организатором выступала его жена Анна Гизбрехт.² В 1958 году Исаак Юлиусович Гизбрехт продолжал исполнять религиозные обязанности, от имени 469 верующих 6 сел он обратился в облисполком с заявлением об открытии молитвенного дома.³ Проповедник братской общины Энгбрехт из Люксембургского района очень часто посещал молитвенные собрания в колониях бывшего Кичкасского района, несколько раз по делам религии обращался в Москву, Оренбург, поддерживал связь с меннонитами Челябинской области. За свою деятельность несколько раз побывал за решеткой. Уполномоченный по делам религиозных культов Оренбургского облисполкома замечал: «Когда одних, более активных организаторов изымали из поселков, их заменяли другие, малозаметные до того проповедники».⁴

Запреты и гонения не снижали религиозности меннонитов. Напротив, их влияние распространялось и на других жителей немецких колоний. Например, в пос. Красиково Люксембургского района помощником проповедника был Бурмин И.И., мордвин по национальности. Однажды он зашел в клуб и вывел своего 20-летнего сына, запретив ему смотреть кинокартину».

В разные периоды взаимоотношений с официальной властью практически неизменным оставалось отношение меннонитов к труду. Постепенно немцы привыкли работать в колхозах, и немецкие хозяйства были лучшими не только на районном, но и на областном уровне. В июне 1946 года областная комиссия по рассмотрению материалов о занесении на областную доску почета передовиков сельского хозяйства, выполнивших условия сорев-

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 19. Д. 185. Л. 50.

² Там же. Оп. 18. Д. 228. Л. 13.

³ Там же. Оп. 19. Д. 770. Л. 42.

⁴ Там же. Л. 24.

нования, признала лучшими тракториста Кичкасской МТС Янца на Франца Яковлевича, трактористок Берген Елену Абрамовну, Шмидт Екатерину Ивановну и многих других механизаторов-немцев. На доску почета были занесены и все пять тракторных бригад Кичкасской МТС во главе с бригадирами А.Я. Гизбрехтом, В.А. Варкентином, А.Д. Нейфельдом, А.И. Коопом, Г.Г. Гармсом.¹

В отчете Александровского РК ВКП (б) за 1946 год лучшим назван колхоз «Рот Октябрь», который перевыполнил план по всем видам сельскохозяйственной продукции. Только животноводческая отрасль позволила получить доход в 450 тыс. руб. и выдать на трудодни 2,50 руб. Однако в целом по району план развития животноводства на 1 января 1947 года не был выполнен.²

В 1954 году по призыву доярок колхоза им. Андреева Бузулукского района в Чкаловской области развернулось широкое социалистическое соревнование за повышение надоев молока. В итоге 814 доярок надоили от каждой закрепленной за ними коровы более 2000 литров молока. А Фризен Елизавета Избрантовна из колхоза им. Ленина Люксембургского района от 8 коров надоила по 3 408 л. 20 декабря 1954 года она была избрана в президиум областного совещания доярок и выступала в числе трех содокладчиков. В списке передовых доярок большинство фамилий – немецкие. А в отчете по Люксембургскому району сделана пометка, что в среднем на корову по всем фермам немецкого колхоза имени Ленина надоили 2 180 литров, а ферма №2 – по 2554 литра.³

В 1955 году решением исполкома областного совета Елизавете Фризен, Анне Гейдебрехт и другим (всего 27 человек) присвоено звание «Лучшая доярка области», а К.К. Эппу из колхоза им. Шверника и И.И. Фризену из колхоза им. Ленина Люксембургского района присвоено звание «Лучший скотник-пастух».⁴

В 1954-55 годах в битве за хлеб целины отличились сотни

¹ ЦДНИ ОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 722. Л. 11.

² Там же. Д. 189. Л. 80.

³ Там же. Оп. 17. Д. 1993. Л. 82.

⁴ Там же. Оп. 18. Д. 541. Л. 19.

механизаторов Оренбуржья. Среди них комбайнеры совхоза «Адамовский» И.И. Лерх и Г.М. Кикот.¹ В 1968 году Указом Президиума Совета СССР большая группа передовиков сельского хозяйства Оренбургской области, отличившихся в увеличении производства и заготовок зерна, была награждена орденами и медалями. Среди них большое количество немцев: орденом Трудового Красного Знамени – 4 человека, орденом «Знак Почета» - 9 человек, медалью «За трудовую доблесть» - 13 человек, медалью «За трудовое отличие» - 12 человек.²

С каждым годом в немецких хозяйствах Оренбуржья улучшались производственные показатели. В 1978 году Александровский район добился рекордного сбора зерна и продал государству 9 миллионов пудов хлеба. Наивысших результатов в районе достигли в немецком колхозе им. Жданова, где на отдельных полях рожь дала по 33 центнера с гектара, ячмень – по 35 центнеров, а озимая пшеница – по 41 центнеру. Упоминая об этом в своей книге «Гвардии земледельцы», первый секретарь Оренбургского обкома КПСС А.В. Коваленко приводит слова председателя этого колхоза заслуженного агронома России А.Ф. Жилина: «В основе такого урожая лежит высокая агротехника возделывания зерновых. В хозяйстве с каждым годом все шире внедряются перспективные сорта сельскохозяйственных культур, увеличивается доза внесения на поля органических и минеральных удобрений. Семена мы высеем только высококачественные, сеем только по зяби, подготовленной в лучшие сроки».³

Труженики немецких хозяйств удерживали передовые позиции и в животноводческой отрасли. Так, в 1984 году 78 доярок двух немецких колхозов Александровского района надаивали свыше 3 тысяч литров молока, а операторы машинного доения Н.Д. Браун, А. Я. Петкау и А.П. Ольферт получили за год более 4 тысяч литров. Кроме немцев трехтысячного рубежа достигли еще 6 доярок района, у остальных показатели были гораздо ниже.⁴

В соседнем Переволоцком районе по итогам социалистиче-

¹ Коваленко А.В. Степное золото. – М., 1973. – С. 18.

² ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 9. Д. 692.

³ Коваленко А.В. Гвардии земледельцы: Записки секретаря обкома партии. – М.: Политиздат, 1980. – С. 36.

⁴ Звезда. – 1985. – 8 января.

ского соревнования в 1984 году победителем был признан колхоз им. Тельмана (председатель колхоза Петкау, секретарь парткома Хвостов, председатель профкома Пеннер, секретарь комитета комсомола Вибе). Колхозу было вручено переходящее Красное Знамя района.¹ В мае 1985 года на пленуме Переволоцкого райкома КПСС отмечалось, что в авангарде социалистического соревнования идут труженики колхоза им. Горького (председатель колхоза Тиссен, секретарь парткома П.Ф. Бурхард), выполнившие план первого квартала по молоку на 121 и по мясу на 126 процентов, объемы закупок здесь увеличились на 110 и 118 процентов соответственно. Образцы в труде показывал коллектив фермы № 4 колхоза им. Тельмана (с. Родничное), надоивший за три месяца по 1160 кг молока на каждую фуражную корову.²

В 1989 году газета «Звезда» Александровского района констатировала, что «людей немецкой национальности отличает большое трудолюбие, добросовестность, умение любое дело выполнить качественно и эффективно. Неслучайно в нашем районе колхозы «Прогресс» и «Нива» (бывший колхоз им. Жданова) производят почти 30% молока, промышленные предприятия славятся своей продукцией. Так, ждановский сырзавод ежегодно занимает призовые места в области по качеству изготавливаемого сыра, на мельницах этих хозяйств получают высококачественную муку, подсолнечное масло, производимое на заводах сел Хортица и Ждановка, считается самым душистым. Очень ценятся у жителей нашего района изделия федоровских кондитеров и газированная вода петровского цеха».³

1989 год стал первым годом массового выезда меннонитов из Оренбуржья в Германию. Сами они называли этот процесс «цепной реакцией». В течение нескольких лет население немецких сел обновилось на 80-90 %. В 1997 году та же александровская газета пишет: «Колхоз «Нива» – самое крупное во всех отношениях хозяйство в районе.... В свое время хозяйство поставляло пятую часть всей животноводческой продукции района, хозяйство служило эталоном культуры земледелия, было крупным постав-

¹ Светлый путь. – 1985. – 15 января.

² Там же. 25 мая.

³ Звезда. – 1989. – 29 апреля.

щиком высококлассных семян, сельскохозяйственных культур. Петровская свиноводческая ферма являлась школой развития скороспелой отрасли. Колхозную кассу значительно пополняли доходы от отар овец, огорода, цеха по переработке сельскохозяйственной продукции... Все это было... Сегодня колхоз находится перед последней чертой, за которой ничего, кроме полного банкротства, не просматривается». ¹ То же самое и по колхозу «Прогресс»: «Уровень рентабельности – минус 80%. Надой молока на корову составил всего 1500 кг». ²

Эти факты можно было бы объяснить общим экономическим кризисом, охватившим Россию в 1990-е годы. Но, на наш взгляд, главная проблема упадка бывших немецких колхозов – эмиграция.

Могло ли воссоздание немецкого национального района остановить эмиграцию? Докладывая об этой проблеме на пленуме Александровского райкома КПСС в декабре 1989 года, первый секретарь Я.Я. Реймер отметил: «Изучение общественного мнения среди взрослого населения Ждановского и Хортицкого сельских советов показало, что решение этого вопроса явно запоздало. Из 2170 опрошенных (51% населения) лишь 44% высказались за создание района, 77% ответили, что создание района не снимет проблему эмиграции. 20% сказали, что сами собираются выехать на постоянное место жительства в ФРГ». ³ Общее мнение отъезжающих на этом же пленуме выразил зам. председателя колхоза «Прогресс» И.А. Лейн: «Кто даст нам гарантию, что завтра не будет хуже сталинизма?... У людей есть обиды... Среди других национальностей и народностей немцев не раз ставили в пример, но среди них нет ни одного Героя Социалистического Труда. До некоторых пор не было ни одного народного депутата СССР, а люди все это видят. Они не шумят, а молча приносят заполненную анкету [для выезда]». ⁴

Большие надежды возлагались на созданный 12 апреля 1989 года в Оренбурге областной немецкий национально-культурный

¹ Звезда. – 1997. – 13 марта.

² Там же. 4 марта.

³ Там же. 19 декабря.

⁴ Там же. 21 декабря.

центр. Но эта организация не приостановила массовый отток немцев в Германию. Позднее многие из ее учредителей и сами эмигрировали.

Переломным для эмиграции стал 1990 год. Когда после падения Берлинской стены и объединения ФРГ и ГДР тысячи советских немцев устремились в Германию. В 1990 году из Оренбургской области в ФРГ выехало максимальное количество немцев – 7488 человек, а всего с 1989 по 1999 год Оренбуржье покинуло более 40 тысяч немцев. Что ожидает оставшихся 5-7 тысяч? Сейчас процесс эмиграции стабилизировался, так как количество эмигрантов в Германию примерно равняется количеству иммигрантов из Средней Азии и Казахстана. Специалисты считают, что на нынешнем уровне немецкое население сохранится на территории Оренбуржья.

Национальному самосознанию в большой мере способствует деятельность областной общественной организации немцев «Wiedergeburt» («Возрождение»), которая ежегодно проводит Дни немецкой культуры, Дни немецкой семьи, национальные фестивали, праздники, чествование труidarмейцев. Ежегодно 28 августа проходит День памяти. В декабре 1992 года в Оренбурге вышел первый номер немецкой газеты «Orenburger Allgemeine».

Консолидирующую роль играют религиозные организации немцев: Оренбургская менонитская миссия «Надежда» и евангелическо-лютеранская кирха, которая открылась в Оренбурге при финансовой поддержке ФРГ летом 1999 года.

Целью деятельности областной организации немцев «Возрождение» является не только возрождение национальной культуры, но и сохранение памяти о прошлом немцев Оренбуржья, более ста лет живших и трудившихся на нашей земле. На сегодня в области создано 8 районных обществ немцев, при них работает 10 центров немецкой культуры. В 1999 году работало 56 курсов по изучению немецкого языка. Причем двери национальных центров открыты для всех желающих. К примеру, языковые курсы посещают до 40% людей других национальностей.

В своей деятельности центры немецкой культуры основной упор делают на молодежь. В 1997 году в Оренбурге создана городская общественная организация немецкой молодежи

«Zukunft» («Будущее»). 40% членов этой организации – не немцы. Но это не важно, - считают в «Цукунфте». – Главное, чтобы было стремление и желание сохранять и приумножать немецкую культуру, язык, традиции.

Таким образом, немецкий вопрос в России на сегодня как бы не существует. Не потому, что решен, а потому, что отпала необходимость его решения. Живущие в России немцы являются равноправными гражданами страны. Хотя и без особых льгот (как в царской империи), но и без каких-либо притеснений и ограничений (как в Советском Союзе). Несмотря на сложности переживаемого периода, немцы, оставшиеся в России, нашли в себе силы и мужество сохраниться как нация. У российских немцев сегодня есть все условия развиваться в рамках национально-культурной автономии, которая может быть в далекой перспективе вырастет до национально-территориального образования. В России уже создано несколько национальных немецких районов: Азовский – в Омской области и Гальбштадтский – в Алтайском крае.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории немцев Оренбуржья как в капле воды отражается сложная, противоречивая история российских немцев, история межнациональных отношений в России за последнее столетие. Важность кропотливого исследования этих проблем подтверждается и в наши дни, когда политические и военные конфликты вспыхивают на основе национальной вражды. Мы видим, насколько сейчас сложны межнациональные отношения на Балканах, Северном Кавказе. Вновь и вновь политики разыгрывают кровавую национальную карту, стравливают нации и народы. Человечеству еще предстоит пройти тернистый путь понимания своего единства, общности и обрести на этой основе истинное величие и силу. Важно не упустить уже имеющиеся созидательные тенденции, правильно оценить уроки истории. На примере исторической судьбы немцев Оренбуржья эти уроки видны особенно ярко. Заселение немцами Оренбуржья с самого начала исключало взаимную ассимиляцию, что порой происходило с другими нациями. Эта невозможность ассимиляции заключалась в том, что большинство немецкоязычных переселенцев составляли меннониты, поэтому религиозный фактор имел здесь особое значение. Вековая обособленность привела меннонитов к идее «особой нации» со своим языком, культурой, религией.

Итак, в исторической судьбе оренбургских немцев можно проследить семь этапов. Рассмотрим особенности каждого из них.

Первый этап начинается с момента массового переселения немцев в Оренбуржье в конце XIX века и заканчивается 1905 годом. Национальная политика царского правительства определялась задачей борьбы с малоземельем в густонаселенных районах, необходимостью освоения обширных территорий Сибири и Урала, распространения передовых форм земледелия, повышения культуры сельскохозяйственного производства. Одновременно самодержавие решало главную задачу – адаптация других наций к русской культуре, русскому языку. Этим целям служило преподавание в национальных школах на русском языке, всеобщая воинская повинность. Некоторые авторы называют этот этап на-

циональной политики русификацией, что, на наш взгляд, является ошибкой. Данные явления были вызваны объективными потребностями социально-экономического развития России, политическими и военно-оборонными задачами государства. Поэтому нагнетание в связи с этим страхов, раздувание мыльных пузырей о русской угрозе неверно.

Второй этап начинается с 1905 года и заканчивается 1914 годом. Этот период характеризуется усилиями самодержавия сохранить свою власть путем временных уступок и одновременно решить аграрный вопрос подготовленными П.А. Столыпиным законами. Для немцев и меннонитов Оренбуржья определяющим фактором второго этапа стала свобода вероисповеданий, подкрепленная в 1905 году царским указом.

Еще одним важным фактором полноценного развития немецкого и меннонитского населения стала экономическая свобода. Так, в Самарской губернии к 1912 году 75 процентов немецких сел перешли на отруба целыми обществами.¹ В оренбургских колониях недостаток земли стал чувствоваться уже через 20-25 лет после переселения, в 1918-1920-х гг. Обретенная экономическая свобода выражалась в частной собственности на землю, праве самостоятельно вести хозяйство и распоряжаться результатами своего труда, добровольном кооперировании и создании сельскохозяйственных обществ, предоставлении кредитов без каких-либо политических интересов. Несмотря на некоторые ограничения, фактически вплоть до конца 1920-х годов в немецких и меннонитских поселениях сохранялось самоуправление, относительная экономическая и духовная свобода. Присутствие этих факторов обеспечивало устойчивое развитие изучаемого нами этноса.

Третий этап – 1914-1917 годы – характеризуется антинемецкими настроениями, вызванными войной с Германией. Важно подчеркнуть, что германский вопрос и борьба с немецким засильем практически не затронули оренбургских переселенцев. Будучи русскоподданными в нескольких поколениях, они органично ощущали себя частью России и вместе с российским об-

¹ Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918-1941 гг. – М.: Общественная Академия наук российских немцев, 1999. – С. 61.

ществом разделили всю тяжесть войны. Немало молодых колонистов служило в действующей армии, в хозяйствах шел сбор средств для раненых, все колонии были переполнены военнопленными и ссыльными немцами из западных губерний. Несмотря на большие этнические сходства, оренбургские меннониты в то время не отождествляли себя с подданными Германии и Австро-Венгрии. Документы зафиксировали факты враждебного отношения колонистов к размещенным у них иностранцам.

Четвертый этап – 1917-1938 годы – вобрал в себя противоречивый поиск немцами Оренбуржья своего места в новой стране. Временное правительство отменило все прежнее законодательство о борьбе с немецким засильем. Затем декретом советской власти все иностранцы, в том числе военнопленные, были уравнены в правах с местным населением и по желанию получили российское гражданство. Большинство военнопленных сражалось на стороне Красной Армии и приняло активное участие в установлении советской власти в Оренбуржье.

Ситуация резко изменилась в 1920-х годах, когда новая власть начала наступление на религиозную и экономическую свободу немцев и меннонитов. Эмиграционному движению, начавшемуся в голодные 1921-1922 годы, способствовала деятельность иностранных благотворительных организаций: Американской Администрации Помощи (АРА) и Американской Меннонитской Помощи (АМП). С самого начала эти организации повели активную агитацию за эмиграцию. Но поначалу за границу выезжали лишь единицы: новая экономическая политика и не прекратившаяся после голода помощь братьев из-за океана отсрочили массовую эмиграцию. В этот период большую роль в консолидации меннонитской диаспоры сыграло Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество (ВМСХО). После того, как меннонитам было отказано иметь своего представителя в Наркомате национальностей на том основании, что меннониты – не этническая группа, а религиозная секта, они объединились во все-российский кооператив. ВМСХО ставило перед собой не только производственные задачи, но и национальные. На территории Оренбуржья существовало два отделения общества: Люксембургское и Уранское. Таким образом, можно констатировать, что

при определенной ограниченности до 1929 года в меннонитских колониях сохранялось самоуправление и относительная духовная и экономическая свобода.

Начавшаяся в 1929 году коллективизация сельского хозяйства, репрессии проповедников и наиболее зажиточных хозяев вылились в 100-процентное стремление к эмиграции в меннонитских колониях Оренбуржья, перекинувшееся и на лютеранские и католические хутора. К тому времени эмиграция была официально запрещена. В поисках компромиссов власти приняли решение о создании немецкого подрайона в пределах бывшей Уранской волости. Обучение в школах и делопроизводство в немецких сельсоветах переводилось на национальный язык. Эти меры в какой-то степени уменьшили эмиграционное движение, но еще большую роль сыграли угрозы расстрела недовольных, арест и высылка так называемых кулаков и проповедников.

Пятый этап – 1938-1955 годы – наиболее трагический в исторической судьбе немцев Оренбуржья и всего Советского Союза. Простые труженики стали заложниками советско-германских межгосударственных отношений. 1938 год взят за начало этого этапа не случайно. В 1938 года фашистские войска оккупировали Австрию и начали наступление на Чехословакию. Среди европейской общественности растет недоверие к немецким диаспорам, в которых усматривают «пятую колонну».¹ Суровое время диктует свою волю. В СССР также начинаются притеснения граждан немецкой национальности. В Оренбургской области это приводит к ликвидации Кичкасского национального района, закрытию всех немецких школ.

В течение 1941 года все советские немцы были выселены из европейской части страны в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан, в течение 1942 года все взрослые представители этноса (мужчины 15-55 лет и женщины 16-45 лет) были мобилизованы в рабочие колонны. Оренбургские немцы не были выселены из своих колоний, но места их компактного проживания все это время на-

¹ Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918-1941 гг. – М.: Общественная Академия наук российских немцев, 1999. – С. 411.

ходились под надзором НКВД. Взрослое население так же было призвано в трудармию. Мобилизованные немцы были переданы в распоряжение Главного управления лагерей НКВД и находились в положении заключенных. Никакие трудности, лишения голод и холод не смогли сравниться с тем морально-психологическим прессингом, который испытали на себе трудармейцы в течение Великой Отечественной войны и после нее. На территории Оренбургской области рабочие колонны с мобилизованными немцами находились в Орске, Бугуруслане, Оренбурге, Соль-Илецке и Домбаровке. Они добывали руду, строили нефтеперерабатывающий завод, нефте- и газопроводы, железные и автомобильные дороги. Вклад трудармейцев в победу над фашизмом соизмерим с героизмом фронтовиков и тружеников тыла. Но немцев не только не поблагодарили за труд, а долгие годы после войны продолжали использовать в качестве дармовой рабочей силы. В годы тоталитаризма пострадали миллионы советских людей, но для немцев испытания оказались гораздо тяжелее: ко всему прочему они подвергались репрессиям и по национальному признаку. Так на памяти одного поколения свершилась страшная метаморфоза: предоставление царским правительством широких льгот сменилось попранием элементарных человеческих прав при тоталитарном режиме Сталина.

Окончание Великой Отечественной войны не принесло ожидаемого облегчения трудармейцам и спецпереселенцам. Постановлением Совнаркома СССР от 1945 года спецпереселенцы закреплялись за промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, стройками, организациями и учреждениями. Они не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой НКВД. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1948 года немцам и представителям других репрессированных народов (чеченцам, карачаевцам, ингушам, балкарцам, калмыкам и др.) запрещалось возвращаться в прежние места жительства и устанавливалось, что переселение в отдаленные районы Советского Союза произведено навечно.

С декабря 1955 года начинается шестой этап в исторической судьбе немцев Оренбуржья, который продлится до 1989 года. 13

декабря 1955 года был издан указ, согласно которому немцы снимались с учета спецпоселения и освобождались из-под административного надзора органов МВД. Однако экономическая и духовная несвобода, существовавшая в стране в тот период, не способствовала полноценному развитию этноса. Особенно это отразилось на меннонитах, религиозные общины которых не разрешали регистрировать. Уголовным преследованиям подвергались проповедники, административному наказанию – все члены общины, посещающие молитвенные собрания. Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» не давало меннонитам свободу вероисповедания, деятельность их общин была запрещена до самой эмиграции в конце 1980-х годов. Все это время проповедники подвергались штрафам и арестам, что вызывало вражду по отношению к официальной власти и стремление к эмиграции.

Седьмой этап, начавшись в 1989 году, продолжается до наших дней. 1989-й – первый год массового выезда немцев в Германию – определил настроение всего нынешнего этапа. Этот период можно назвать временем разбитых иллюзий, несбывшихся надежд. С начала 1990-х годов народы России, казалось бы, получили, наконец, возможность демократического самоопределения. Однако объективные процессы национального самосознания, самоопределения государство и общество не смогли направить в созидательное русло. Вместо этого бешеные обороты набрали разрушительные процессы тотальной криминализации и деградации российского общества. Сейчас криминальная обстановка в России угрожает ее государственной безопасности. В этих условиях немцы Оренбуржья выбирают между жизнью в стабильной, процветающей Германии и неопределенностью в России.

В марте 1998 года на заседании Совета по делам национальностей при главе администрации Оренбургской области было рассмотрено состояние и перспективы развития этносоциального положения российских немцев на территории области. На совещании были проанализированы данные социологического опроса среди немецкого населения Оренбуржья. Согласно этим данным,

77 процентов опрошенных положительно оценивали выезд из России. В качестве причины эмиграции большинство опрошенных (55 процентов) назвали «страх, непредсказуемость будущего в связи с политической, межнациональной нестабильностью в России».¹ 39 процентов назвали в качестве причины намерение улучшить свое материальное положение, жизненные условия. И только 33 процента выразили желание, чтобы их дети жили в национальной немецкой среде.²

Таким образом, нерешенность проблем восстановления государственности российских немцев ставит под угрозу их дальнейшее существование как народа и порождает у многих ощущение безысходности, неверие в готовность руководство страны решать практически вопрос их реабилитации. Эти настроения усугубляются также общим снижением уровня жизни в стране. В связи с этим все большее число немцев приходит к выводу об отсутствии для них реального будущего на Родине и избирает выезд в Германию как единственную возможность сохранить язык, национальные особенности, обычаи, культуру и быт своего народа. В этих условиях этническое самосохранение остающихся российских немцев становится крайне проблематичным. Однако наряду с эмиграцией последние годы отмечены и иммиграционными процессами немцев в Оренбургскую область из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана. В частности, руководители общины немцев Таджикистана обратились в администрацию Оренбургской области с просьбой оказать содействие в переселении в Переволоцкий район 200 семей.³ Немецкая диаспора Оренбуржья пополняется, а это значит, что история российских немцев продолжается. Правящей элите России важно направить эти стихийные процессы в организованное созидательное русло возрождения многонациональной, могучей и политически единой федерации. История не прощает геополитических ошибок.

¹ О состоянии и перспективах развития этносоциального положения российских немцев на территории Оренбургской области. // Жизнь национальностей Оренбуржья. Информационный вестник. – 1998. – № 8. – С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Приветственное слово главы администрации Оренбургской области А.А. Чернышева // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург, 2000. – С. 7.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Архивные документы

I.1. Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ
(г. Москва)

Ф. А-423 (Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество (ВМСХО))

Оп. 1. Д. 6.

Оп. 1. Д. 98.

Оп. 1. Д. 102.

Оп. 1. Д. 168.

Оп. 1. Д. 169.

Оп. 1. Д. 170.

Оп. 1. Д. 256.

Оп. 1. Д. 257.

Оп. 1. Д. 264.

Ф. А-424 (Американская меннонитская помощь (АМП))

Оп. 1, Д. 10.

Оп. 1. Д. 13.

Оп. 1. Д. 14.

Оп. 1. Д. 72.

Оп. 1. Д. 76.

Оп. 1. Д. 94.

Оп. 1. Д. 146.

Оп. 1. Д. 151.

Ф. Р-1064 (Центральная комиссия помощи голодающим при
ВЦИК (Помгол))

Оп. 1. Д. 17.

Оп. 1. Д. 23.ё

Оп. 1. Д. 88.

Оп. 1. Д. 89.

Ф. Р-1318 (Немецкое Представительство при Наркомнаце)

Оп. 1. Д. 6.

Ф. Р-9479 (4-й спецотдел НКВД)

Оп. 1. Д. 110.

Оп. 1. Д. 111.

Оп. 1. Д. 146.

I.2. Государственный архив Оренбургской области – ГАОО
(г.Оренбург)

Ф. 6 (Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора)

Оп. 3. Д. 3438.

Оп. 3. Д. 4094.

Оп. 3. Д. 5938.

Оп. 3. Д. 7306.

Оп. 3. Д. 7486.

Оп. 6. Д. 13757.

Ф. 10 (Канцелярия Оренбургского губернатора)

Оп. 1. Д. 219.

Оп. 2. Д. 63.

Оп. 2. Д. 145.

Оп. 4. Д. 10/8.

Оп. 4. Д. 446.

Ф. 11 (Оренбургское губернское правление)

Оп. 1. Д. 409.

Оп. 2. Д. 8.

Оп. 2. Д. 3032.

Оп. 2. Д. 2597.

Оп. 2. Д. 2600.

Оп. 2. Д. 2602.

Оп. 2. Д. 2605.

Оп. 2. Д. 2606.

Ф. 14 (Оренбургское губернское присутствие)

Оп. 2. Д. 240.

Ф. 41 (Оренбургская городская Дума)

Оп. 1. Д. 81.

Оп. 1. Д. 85.

Оп. 1. Д. 87.

Ф. 2418 (Оренбургский военно-революционный комитет)

Оп. 1. Д. 11.

Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 67.

Ф. Р-11 (Уранский волисполком)

- Оп. 1. Д. 1.
- Оп. 1. Д. 5.
- Оп. 1. Д. 6.
- Оп. 1. Д. 7.
- Оп. 1. Д. 14.
- Оп. 1. ДД. 19–40.
- Оп. 1. Д. 44.
- Оп. 1. Д. 47.
- Оп. 1. Д. 48.
- Оп. 1. Д. 75.
- Оп. 1. Д. 79.
- Оп. 1. Д. 84.
- Оп. 2. Д. 1.
- Оп. 2. Д. 2.
- Оп. 2. Д. 3.
- Оп. 2. Д. 4.
- Оп. 2. Д. 5.
- Оп. 2. Д. 8.
- Оп. 2. Д. 16.
- Оп. 2. Д. 51.
- Ф. Р-810 (Кичкасский райисполком)
 - Оп. 1. Д. 4.
 - Оп. 1. Д. 9.
 - Оп. 1. Д. 24.
 - Оп. 1. Д. 53.
 - Оп. 1. Д. 58.
 - Оп. 1. Д. 105.
 - Оп. 1. Д. 133.
 - Оп. 1. Д. 239.
- Ф. Р-1014 (Оренбургский облисполком)
 - Оп. 1. Д. 662.
- Ф. Р-2483 (Оренбургский облвоенкомат)
 - Оп. 1. Д. 11.

І.3. Государственный архив Самарской области – ГАСО (г. Самара)

Ф. 3 (Канцелярия Самарского губернатора)

Оп. 119. Д. 57.
Оп. 124. Д. 96.
Оп. 130. Д. 282.
Оп. 131. Д. 5.
Оп. 131. Д. 45.
Оп. 131. Д. 212.
Оп. 131. Д. 213.
Оп. 226. Д. 16.

1.4. Центр документации новейшей истории Оренбургской области – ЦДНИ ОО (г. Оренбург)

Ф. 1 (Оренбургский губернский комитет РКП (б) – ВКП (б))

Оп. 1. Д. 199.
Оп. 1. Д. 201.
Оп. 1. Д. 217.
Оп. 1. Д. 271.
Оп. 1. Д. 511.
Оп. 1. Д. 797.
Оп. 1. Д. 961.
Оп. 1. Д. 987.
Оп. 1. Д. 1045.
Оп. 1. Д. 1162.
Оп. 1. Д. 1164.
Оп. 2. Д. 289.

Ф. 4 (Оренбургский окружной комитет ВКП (б))

Оп. 1. Д. 86.
Оп. 1. Д. 127.
Оп. 1. Д. 178.
Оп. 1. Д. 201.
Оп. 1. Д. 257.
Оп. 1. Д. 282.
Оп. 1. Д. 319.
Оп. 1. Д. 321.
Оп. 2. Д. 34.
Оп. 2. Д. 161.
Оп. 2. Д. 179.

Ф. 371 (Оренбургский областной комитет КПСС)

- Оп. 2. Д. 116.
 Оп. 2. Д. 145.
 Оп. 2. Д. 391.
 Оп. 5. Д. 176.
 Оп. 6. Д. 146.
 Оп. 10. Д. 722.
 Оп. 17. Д. 1993.
 Оп. 18. Д. 541.
 Оп. 18. Д. 228.
 Оп. 19. Д. 185.
 Оп. 19. Д. 770.
 Ф. 748 (Орский горком КПСС)
 Оп. 1. Д. 577.
 Ф. 796 (Оренбургский райком КПСС)
 Оп. 1а. Д. 284.
 Ф. 1293 (Сорочинский райком КПСС)
 Оп. 1. Д. 109.
 Ф. 1547 (Бугурусланский горком КПСС)
 Оп. 1. Д. 215.
 Оп. 1. Д. 310.
 Ф. 2979 (Первичная партийная организация треста «Орск-промстрой»)
 Оп. 1. Д. 50.
 Оп. 1. Д. 93.
 Ф. 6002 (Партийный архив Оренбургского обкома КПСС)
 Оп. 1. Д. 106.

II. Опубликованные документы

1. Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.). Сборник документов: Архив Президента Республики Казахстан. / Отв. редактор Г.А. Карпыкова. – Алматы – Москва: Готика, 1997. – 376 с.
2. Из истории оренбургских немцев: Сборник документов. (1817–1974 гг.). – Оренбург; Москва: Готика. – 2000. – 288 с.
3. История российских немцев в документах. (1763–1992 гг.). Составители В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М., 1993.
4. История российских немцев в документах. Т. II. Общественно-

политическое движение за восстановление национальной государственности (1965-1992 гг.). Составители В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М., 1994.

5. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Бугая. – М.: Готика, 1998. – 352 с.
6. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. / Под общей редакцией и с предисловием старшего помощника Генерального прокурора Российской Федерации, государственного советника юстиции 2 класса Г.Ф. Весновской. В 2-х томах. – Курск, 1999.

III. Периодическая печать

1. Вечерний Оренбург. №№ за 1999 г.
2. Жизнь национальностей. №№ за 1996 г.
3. Звезда. №№ за 1985, 1989, 1997 гг.
4. Красногвардеец. №№ за 1991 г.
5. Московская немецкая газета. №№ за 1998, 1999 гг.
6. Независимая газета. №№ за 1998 г.
7. Оренбург. №№ за 1999 г.
8. Оренбургская газета. №№ за 1898, 1908, 1914 гг.
9. Оренбургская коммуна. №№ за 1930 г.
10. Оренбургский листок. №№ за 1889 г.
11. Оренбургский край. №№ за 1999 г.
12. Оренбуржье. №№ за 1992, 1999 – 2001 гг.
13. Русский архив. №№ за 1902 г.
14. Светлый путь. №№ за 1989, 1998 гг.
15. Смычка. №№ за 1926, 1930 гг.
16. Этнографическое обозрение. №№ за 1993, 1997 гг.
17. Этнопанорама. №№ за 1999 – 2001 гг.
18. Южный Урал. №№ за 1989 г.
19. Heimatbuch. № за 1964 г.
20. Orenburger Allgemeine. №№ за 1992 – 1994 гг.
21. Orenburger Zeitung. №№ за 2000 - 2001 гг.

IV. Научная литература

1. Альбрандт В.Ф. Российские немцы // Духовная культура народов Южного Урала: история, традиции, проблемы: Сборник научных трудов / под ред. А.В. Федоровой. – Оренбург, 1994. – С. 65-68.
2. Амелин В.В. К истории немецкого национального района в Оренбуржье (1930-38 гг.) // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей по итогам научно-практической конференции. Оренбург, 1997 год. – М., 1998. – С. 6-19.
3. Амелин В.В. Немецкие колонии Оренбуржья // Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы научной конференции. Москва, 24-25 июня 1993 г. – М., 1994. – С. 72-77.
4. Амелин В.В. Редакция немецкой газеты «Stalins Weg» (Кичкасский район) // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998. – С. 16-21.
5. Амелин В.В. Этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Оренбуржье. – Оренбург, 1999. – 50 с.
6. Бауер В.А., Иларионова Т.С. Российские немцы: право на надежду. К истории национального движения народа (1955–1993). – М.: Республика, 1995. - 457 с.
7. Бахарева О.Я. Карл Фаст, «Оренбург: последнее поселение меннонитов на востоке Европы» // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998. – С. 96-107.
8. Бахарева О.Я. К. Штумпп и местная печать об оренбургских немцах // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей по итогам научно-практической конференции. Оренбург, 1997 год. – М., 1998. – С.109-123.
9. Бахарева О.Я. Общины меннонитов в оренбургской колонии (1894-1988). Страницы истории // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – С. 147-150.

10. Бахарева О.Я., Назаренко Р.Н. Немецкий язык как родной и иностранный // *Духовная культура народов Южного Урала: история, традиции, проблемы: Сборник научных трудов / под ред. А.В. Федоровой.* – Оренбург, 1994. – С. 71-74.
11. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири: Конец 1920-х – 1930-е годы. – М., 1995.
12. Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России. В связи с историей немецкой колонизации в России: Очерк. – Пг.: Изд-во типографии Смирнова, 1916.
13. Бруль В.И. Немцы Западной Сибири. Ч. 1-2. – Топчиха, 1995.
14. Бугай Н.Ф. Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // *Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы научной конференции.* Москва, 24-25 июня 1993 г. – М., 1994. – С. 84-90.
15. Булатова Л.В., Бахарева О.Я. Депортация немецких колонистов из Волынской и Холмской губерний в 1915 году в Оренбург // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Исторические науки.* – Оренбург, 2000. – С. 106-114.
16. Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья 1764–1917 гг. – Волгоград, 1998.
17. Велицын А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. – СПб.: Русский вестник, 1893.
18. Виноградова Э.М. Немцы Оренбуржья: оценки, суждения, ожидания и надежды // *Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей по итогам научно-практической конференции.* Оренбург, 1997 год. – М., 1998. – С. 165-166.
19. Вольтер Г. Боль памяти // *Жизнь национальностей.* 1996. №2. С. 88-89.
20. Вольтер Г.А. Зона полного покоя: российские немцы в годы войны и после неё / *Свидетельства очевидцев / Издание 2-е, дополненное и исправленное.* Под ред. В.Ф. Дизендорфа. – М., 1998. – 416 с.
21. Герасименко Т.И., Нуждина Е.Ю. Немцы-меннониты Орен-

- бургской области: культурный след в истории и географии. – Оренбург, 2000. – 74 с.
22. Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. – М.: Готика, 1996. – 320 с.
 23. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть 1. Автономная область. 1918–1924. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. – 192 с.; Часть 2. Автономная Республика. 1924 – 1941. Саратов, 1994.
 24. Десятков Г.М. Легенды старого Оренбурга. – Калуга: Золотая аллея, 1994. – 256 с.
 25. Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет / Судьбы российских немцев и наше национальное движение / Книга I. От национальной катастрофы – к попытке возрождения. – М., 1997. – 347 с.
 26. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. – М.: Готика, 1997. – 496 с.
 27. Дорофеев В.В. Грен, Клюмп и другие (Оренбург 2-й половины XIX – начала XX вв.) // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей по итогам научно-практической конференции. Оренбург, 1997 год. – М., 1998. – С. 70-79.
 28. Дорофеев В.В. Дела немцев-архитекторов и инженеров неплюевского Оренбурга // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998. – С. 116-125.
 29. Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1998.- 272 с. 16 с ил.
 30. Дубинин А.Н., Федорова А.В. Многонациональное Оренбуржье. – Оренбург: ИПК «Южный Урал», 1993.
 31. Ерина Е.М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. – 112 с., 16 ил.
 32. Ефименко М.Н. Немцы в этноконфессиональном пространстве Оренбуржья // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – С. 201-205.

33. Ефименко М.Н. Оренбургские немцы в годы первой мировой войны // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998 – С. 35-38.
34. Ильиных Н.И. О современном меннонитстве. – М., 1968.
35. Ильиных Н.И. Под маской святош. – Оренбург, 1963.
36. Ипатов А.Н. Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этнокультурной общности. – М.: Мысль, 1978.
37. Ишбулатов Ф.А. Немецкие колонии Ток-Чуранского кантона БАССР в 1921 году // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – С. 151-154.
38. Ишбулатов Ф.А. Судьбы репрессированных немцев Оренбуржья // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998 – С. 54-96.
39. Камскова Т.А. Народные школы и Общество подъема образования колонистов Оренбургской губернии // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей по итогам научно-практической конференции. Оренбург, 1997 год. – М., 1998. – С. 28-33.
40. Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. – СПб., 1869. – 101 с.
41. Клибанов А.И. Из мира религиозного сектантства. – М., 1974.
42. Клибанов А.И. Меннониты. – М.-Л.: Моск. рабочий, 1931.
43. Коваленко А.В. Гвардии земледельцы: Записки секретаря обкома партии. – М.: Политиздат, 1980. – 288 с.
44. Коваленко А.В. Степное золото. – М.: Советская Россия, 1973.
45. Крестьянинов В.Ф. Меннониты. – М.: Политиздат, 1967.
46. Кто такие меннониты? Краткий исторический очерк. – Гальбштадт, 1915.
47. Линдеман К.Э. Законы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние

- на экономическое состояние Южной России. – М., 1916.
48. Линдеман К.Э. Прекращение землевладения и землепользования крестьян-собственников. Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 г.; 10, 15 июля и 19 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние Южной России. – М., 1917.
 49. Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942-1948 гг. // Наказанный народ. По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», проведенной Немецким культурным центром им. Гете в Москве совместно с Обществом «Мемориал» 18-20 ноября 1998 года. – М.: Звенья, 1999. – С. 128-145.
 50. Малиновский Л.В. История немцев в России. – Барнаул, 1966.
 51. Малиновский Л.В. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на восток в XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г. – М.: Готика, 1998. – С. 89-96.
 52. Мильков Ф.Н. Естествоиспытатели Оренбургского края. – Чкалов, 1948.
 53. Моргунов К.А. Реабилитация российских немцев. Некоторые аспекты российского законодательства // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей по итогам научно-практической конференции. Оренбург, 1997 год. – М., 1998. – С. 40-44.
 54. Нейфельд Е.Я. Духовная культура немцев в Оренбуржье // Духовная культура народов Южного Урала: история, традиции, проблемы: Сборник научных трудов / под ред. А.В. Федоровой. – Оренбург, 1994. – С. 37-46.
 55. Нейфельд Е.Я. Российские немцы в Оренбуржье (до 1917 г.) // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. Анапа, 20-25 сентября 1995 г. – М.: Готика, 1996. – С. 183-195.
 56. Нейфельд М.Я. Судьбы поколений. – Оренбург, 1995. – 79 с.
 57. Нелипович С.Г. Переселение немцев из Восточной Пруссии

- в Россию: «вольнопленные», или злоключения восточно-прусских немцев в России (1914-1917 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г. – М.: Готика, 1998. – С. 173-183.
58. Остроух И.Г., Шервуд Е.А. немцы в России: Исторический очерк // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 3. – С. 40-52.
59. Осташева Н.В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. – М.: Готика, 1998. – 256 с.
60. Осташева Н.В. Организационная деятельность меннонитского объединения «Союз потомков голландских выходцев» как фактор обеспечения эмиграционного процесса первой половины 20-х гг. XX в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г. – М.: Готика, 1998. – С. 231-140.
61. Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Документы, письма, воспоминания. Составители Вертоусова Е.Г., Матвиевская Г.П., Прокофьева А.Г. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. – 336 с.
62. Панина Т.С. Немецкие национальные школы Оренбуржья в 20-30 годах XX века // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – С. 174-178.
63. Панина Т.С. Немецкие организации в Оренбуржье в 1917-1921 гг. // Немцы и оренбургский край: Сборник статей и тезисов. – Оренбург, 1994. – С. 27-29.
64. Панина Т.С. Немецкое население Сорочинского района по документам Сорочинского райкома ВКП (б). 1928-1930 гг. // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1997. – С. 10-16.
65. Плеве И.Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: Материалы международной научной конфе-

- ренции. Москва, 17-20 сентября 1998 г. – М.: Готика, 1999. – С. 203-208.
66. Плевел И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. – М.: Готика, 1998 – 448 с.
67. Полвека на вахте / Министерство нефтяной промышленности, ПО «Оренбургнефть». – М.: Недра, 1988. – 142 с.
68. Попова Е. Становление немецкой национальной печати в Оренбуржье (в 30-е гг.) // Материалы XX преподавательской и XXXVIII студенческой научно-практической конференции. 8-10 апреля 1996 г. Гуманитарные секции. – Оренбург: Издательство ОГПИ. 1996. – С. 147-148.
69. Райзих Л.Л. Деятельность общества «Wiedergeburt» по сохранению немецкой идентичности // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1997. – С. 7-14.
70. Райзих Л.Л. К проблеме организации немецкого национального территориального образования в Оренбургской области в современный период // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1997. – С. 48-54.
71. Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941-1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. Анапа, 20-25 сентября 1995 г. – М.: Готика, 1996. – С. 69-96.
72. Решетов Д.Г. Немецкие колонисты западных губерний России, депортированные в Поволжье в годы первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г. – М.: Готика. 1998. – С. 184-195.
73. Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX вв.– 2-е изд. – М.: Готика, 2000. – 136с.
74. Савченко И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарском крае. Историко-краеведческие очерки. – Самара: Изд-во

«Самарский университет», 1994.

75. Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. – Оренбург: изд-во «Оренбургская губерния», 1999. – 316 с.
76. Сафонов Д.А. Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край: Сборник статей и тезисов. / Под ред. А.В. Федоровой. – Оренбург, 1994. – С. 25-26.
77. Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. – 400 с.
78. Сеселкина Л.М. Обзор материалов Российского государственного исторического архива по теме «Немцы Оренбуржья» // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – С. 116.
79. С меннонитами нам не по пути: Сборник статей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во. 1966.
80. Совет по делам национальностей при главе администрации Оренбургской области: Сборник материалов заседаний совета 1998-2000 гг. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2001. – 96 с.
81. Столпянский П.Н. Город Оренбург. – Оренбург, 1908.
82. Судоргина Т.В. Лютеранская кирха в Оренбурге // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей по итогам научно-практической конференции. Оренбург, 1997 год. – М., 1998. – С. 88- 99.
83. Судоргина Т.В. Архивные документы об эмиграции оренбургских немцев в 1929 г. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. Анапа, 20-25 сентября 1995 г. – М.: Готика, 1996. – С. 61-68.
84. Судоргина Т.В. Местная периодическая печать об эмиграции немецкого населения Оренбуржья (1926-1930 гг.) // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Материалы международной научно-

- практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – С. 133-139.
85. Судоргина Т.В. Рассекреченные документы архивного фонда Уранского волисполкома // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1997. – С. 5-10.
86. Тюлюлюкин Е.Ф. Германские и австро-венгерские подданные в Оренбургской губернии в годы первой мировой войны // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – С. 242-255.
87. Тюлюлюкин Е.Ф. «Немецкий вопрос» накануне и в период Великой Отечественной войны // Региональная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов: Сборник материалов. В 3-х ч.: Ч. 3. – Оренбург: ИПК ОГУ, 2001. – С. 96-98.
88. Тюлюлюкин Е.Ф. О роли немецких переселенцев в освоении края и повышении культуры земледелия // История аграрных отношений в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998. – С. 186-189.
89. Тюлюлюкин Е.Ф. Эмиграция немцев из России в 1929-1930 годах // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1997. – С. 42-46.
90. Федорова А.В. «На работу в колонны НКВД» // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1997. – С. 18-23.
91. Федорова А.В. Немецкие колонии на земле войска Оренбургского // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998. – С. 26-35.
92. Федорова А.В. Немецкое население Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Немцы и Оренбургский край. Сборник статей и тезисов. / Под ред. А.В. Федоровой. – Орен-

- бург, 1994. – С. 30–33.
93. Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1995. 216 с.
94. Федорова А.В. Память о немецком народе // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – С. 130-133.
95. Федорова А.В. Трудармейцы Южного Урала // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей по итогам научно-практической конференции. Оренбург, 1997 год. – М., 1998. – С. 100-108.
96. Футорянский Л.И. Немцы-военнопленные и колонисты в период Октября и гражданской войны на Южном Урале // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998. – С. 38-42.
97. Футорянский Л.И. Оренбуржье – Великой Победе (к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне). – Оренбург, 1994.
98. Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918–1941 гг. – М., 1999.
99. Чеботарева В.Г. Немецкие колонии Российской империи – «государства в государстве» // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 1. – С. 129-144.
100. Чеботарева В.Г. «Немецкий вопрос» в исторической литературе России // Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы научной конференции, г. Москва, 24-25 июня 1993 г. – М., 1994. – С. 6-36.
101. Чеботарева В.Г. Политика колонизации в Российской империи: от Екатерины II до Павла I (1763–1800 гг.) (На материалах немецких колоний) // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1997. – С. 156-178.
102. Чеботарева В.Г. Проблемы восстановления национальной

- государственности российских немцев // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – С. 12-44.
103. Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. – М.: Готика, 1998. – 208 с.
104. Чернова Т.Н. Российские немцы Отечественная библиография, 1991-2000 гг.: Указ. новейшей лит. по истории и культуре немцев России. – М., 2001. – 272 с.
105. Чернова Т.Н. Фрагменты новейшей историографии по проблемам немецкого этноса в России // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – С. 45-60.
106. Чибилев А.Г. К вопросу о заселении немцами Южного Урала // Немцы и Оренбургский край: Сборник статей и тезисов / Под ред. А.В. Федоровой. – Оренбург, 1994. – С. 19-21.
107. Шлейхер И.И. Пособие по истории российских немцев. – Славгород, 1992.
108. Шрадер Т.А. Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г. – М.: Готика, 1998. – С. 196-204.
109. Эйхельберг Е.А. Немецкий вопрос в Государственной Думе // Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы научной конференции. Москва, 24-25 июня 1993 г. – М., 1994. – С. 43-48.
110. Dyck P.P. Orenburg am Ural. – Meckenheim, 1951.
111. Fast K. Orenburg: die letzte Mennonitische Ansiedlung in Osteuropa. – Winnipeg, Manitoba, 1995.
112. Stumpp K. Die deutschen Siedlungen im Raum Alt-Samara, Neu-Samara, Ufa/Dawlekanowo, Orenburg, Aktjubinsk und Arkadak // Heimatbuch. - Stuttgart, 1964. S. 23-30.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Сведения о немецких колониях, находящихся в Оренбургском уезде (1903г.)

Название хутора	Местонахождение	Время основания	Число жителей
1.Фридриха Иоганова Гинкель	Близ пос. Каменно-озерного	1893 г.	20 душ
2.Фридриха и Якова Адамовых Ригерт	Близ пос. Донгузского	1892 г.	21
3.Карла Пфейферт	То же	1893 г.	7
4.Вендомина Бернгардт и других в числе 4-х человек	То же	1892 г.	34
5.Иогана Юнгкинда	То же	1892 г.	13
6.Антон Шлее	То же	1892 г.	30
7.Георга, Герта и Якова Гукенгеймер с прочими	Близ пос. Красноярского	1896 г.	38
8.Иоганна Хеллерта и Августа Реннерт	То же	1901 г.	13
9.Генриха Шмитгаль	То же	1896 г.	10
10.Готлиба Миллер	То же	1901 г.	13
11.Людвига Родак и Вильгельма Ворсбехерд	-	-	-
12.Фридриха Матайс	Близ пос. Черноречино	1894 г.	47
13.Андрея Перау и других	Близ пос. Черноречино	1894 г.	47
14.Екатерина Гейдер	То же	1896 г.	9
15.Мещеряковский	Близ пос. Перовского	1901 г.	176
16.Есенкова	То же	1901 г.	49
17.Есенкова	То же	1901 г.	53
18.Леонтьева	То же	1901 г.	86
19.Зеленовская	Абрамовская волость	1899 г.	56
20.Карагуйская	То же	То же	162
21.Черно-Озерная	То же	То же	84
22.Клубниковская	То же	То же	88
23.Кубанская	То же	То же	29
24.Камышевская	То же	То же	61
25.Степановская	То же	То же	96
26.Алисовская	То же	То же	89
27.Хортица № 1	Кипчакская волость	1894 г.	272
28.№ 2 Петровка	То же	То же	301
29.№ 3 Сыпай	То же	То же	228

Название хутора	Местонахождение	Время основания	Число жителей
30.№ 4 Каменка	То же	То же	310
31.№ 5 Деевка	То же	1894 г.	255
32.№ 6 Николаевка	То же	1895 г.	187
33.№ 7 Федоровка	То же	1896 г.	156
34.Преторьевка	То же	1900 г.	174
35.Суворьевка	То же	1900 г.	80
36.Родничная	То же	1901 г.	100
37.Долиновка	То же	1901 г.	165
38.Кичкас	То же	1901 г.	127
39.Добровка	То же	1901 г.	209
40.Х.Егорьевский	Дмитриевская волость	1896 г.	150
41.Х. Петровский	То же	1899 г.	70
42.Х.Новая Старица	То же	1896 г.	150
43.Х.Старая Старица	То же	1894 г.	216

Приложение 2

Сведения о немецких колониях, находящихся в Орском уезде (1903 г.)

Название хутора	Местонахождение хуторов	Время основания	Число жителей
1.Султакай	3-я Усерганская волость	1900	167
2.Х.Фейтенсеймерский	То же	То же	67

Приложение 3

Сведения о немецких колониях, находящихся в Троицком уезде (1903г.)

Название хутора	Местонахождение хуторов	Время основания	Число жителей
1.Колония на земле, арендованной у жителей Верхнеувельского поселка	Близ Козельской станции	1901	94

Сведения о немецких колониях, находящихся в Челябинском уезде (1903 г.)

Немецких колоний нет.

Приложение 4**Динамика численности немецкого населения на территории Оренбургской области:**

1867 г. – 650 чел. (на всей территории Оренбургской губернии)

1915 г. – около 10 тыс. чел.

1930г. – 14,2 тыс. чел.

1939 г. – 18,6 тыс. чел.

1959 г. – 34,6 тыс. чел.

1970 г. – 40,2 тыс. чел.

1979 г. – 43,3 тыс. чел.

1989 г. – 47,6 тыс. чел.

Приложение 5**Миграция немецкого населения из Оренбургской области по годам:**

1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
77	864	4601	7488	4419	5503	4499	3939	3984	2705	2026	2115	1879

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМП – Американская менонитская помощь (American Mennonite Relief)
- АРА – Американская администрация помощи (American Relief Administration)
- АССР – автономная советская социалистическая республика
- ВИК – волостной исполнительный комитет
- ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
- ВМСХО – Всероссийское менонитское сельскохозяйственное общество
- Военкомат – военный комиссариат
- Волисполком - см. ВИК
- ВСЕХБ – Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов
- ВЦИК – Всероссийский (Всесоюзный) Центральный исполнительный комитет
- ГКО – Государственный комитет обороны
- ГПУ – Главное политическое управление
- Губисполком – губернский исполнительный комитет
- Губкредитпромсоюз – губернский союз кредитно-сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов
- Губком – губернский комитет
- ГУЛАГ – Главное управление лагерей
- ЕХБ – евангельские христиане-баптисты
- Исполком – исполнительный комитет
- Комсомол – коммунистический союз молодежи
- КПСС – коммунистическая партия Советского Союза
- Крайисполком – краевой исполнительный комитет
- Крайком – краевой комитет
- МВД – Министерство внутренних дел
- Меннобщество – см. ВМСХО
- МТС – машинно-тракторная станция
- Наркомат – народный комиссариат
- Наркомнац – народный комиссариат по делам национальностей

Наркомнефть – народный комиссариат нефтяной промышленности

НКВД – народный комиссариат внутренних дел

Обком – областной комитет

Облвоенком – областной военный комиссар

Облздравотдел – областной отдел здравоохранения

Облисполком – областной исполнительный комитет

ОГПУ – отдел Главного политического управления

Окрисполком – окружной исполнительный комитет

Окротдел – окружной отдел

Окружком – окружной комитет

Партком – партийный комитет

Продорганы – продовольственные органы

Райвоенкомат – районный военный комиссариат

Райисполком – районный исполнительный комитет

Райком – районный комитет

Реввоенсовет – революционный военный совет

Ревком – революционный комитет

РВК – см. Райвоенкомат

РИК – районный исполнительный комитет

РК – см. Райком

РКП (б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

РСФСР – Российская советская социалистическая республика

РФ – Российская Федерация

Совнарком – совет народных комиссаров

СНК – см. Совнарком

СССР – Союз советских социалистических республик

УВД – управление внутренних дел

УФСБ – управление федеральной службы безопасности

ЦК – Центральный комитет